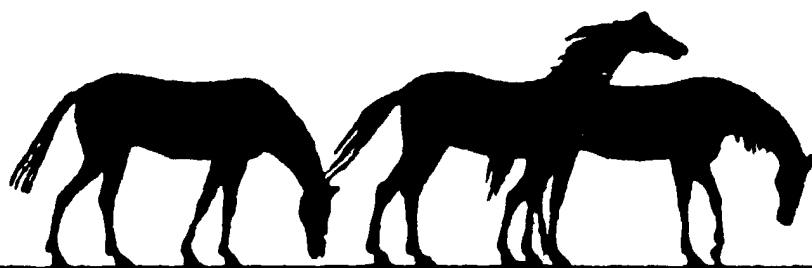

С. С. Калиева
В. Н. Логвин

**СКОТОВОДЫ
Тургая
В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ
ДО НАШЕЙ ЭРЫ**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ–АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.МАРГУЛАНА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КУСТАНАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.БАЙТУРСЫНОВА

С.С. Калиева, В.Н.Логвин

Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии
до нашей эры

Кустанай
1997

УДК 930.26

ББК 46 (5 каз)
К 17

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай, К 17 1997.–180с. – (М-во науки–АН РК. Ин-т археологии им. А.Маргулана. М-во образования и культуры РК. Кустанайский гос.ун-т им.А.Байтурсынова).

В предлагаемом вниманию читателей издании впервые систематизированы все известные на сегодняшний день материалы оставленные нам в наследство от древних скотоводов живших на просторах Тургая в III тыс. до н.э. Книга рассчитана прежде всего на специалистов в области археологии и древней истории, преподавателей и студентов вузов, а также на всех интересующихся древней историей.

ББК 46 (5 каз)

Ответственный редактор:член-корреспондент НАН РК
К.М.Байпаков

Рецензенты: член-корреспондент РАН В.И.Молодин
кандидат исторических наук З.Самашев

Рекомендовано к печати Ученым Советом Института археологии Министерства науки–Академии наук Республики Казахстан

К 3705020100-00

00(05)-97 г.

ISBN 9965-415-02-1

© С.С.Калиева

© В.Н.Логвин

Введение

Одним из важнейших аспектов изучения истории развития человеческого общества является реконструкция процесса становления производящей экономики. Важность его и соответственно повышенный интерес исследователей к проблеме перехода от присваивающей к производящей экономике обусловлены тем, что шаг этот predetermined в основных своих чертах тот путь развития, которому мы следуем и в настоящее время.

До последнего времени на территории Казахстана наиболее древними памятниками производящей экономики считались андроновские. Население, оставившее их, жило в эпоху бронзы, практиковало по преимуществу оседлый образ жизни, занимаясь скотоводством и земледелием [История Казахской ССР, 1977, с.100-112].

Эти представления явились естественным следствием того, что у нас в течении длительного времени не уделялось должного внимания изучению неолитической и энеолитической эпох. Большая часть памятников этого времени была известна по сборам с поверхности, которые к тому же чаще всего производились не специалистами. Материалы Усть-Нарыма, стационарные исследования которого проводил С.С. Черников, так и не были сколь-нибудь полно опубликованы. Такая же судьба постигла и пещеру Караунгур, изучавшуюся несколько позже Х.А.Алпысбаевым [Черников, 1950; Алпысбаев, 1972].

В итоге, в распоряжении исследователей имелись лишь нечеткие свидетельства о скотоводстве энеолитического населения, полученные в основном в результате анализа собранных с поверхности некоторых памятников коллекций [История Казахской ССР, 1977, с.85-97]. Чаще всего эти данные воспринимались настороженно. При палеоэкономических реконструкциях ими старались не пользоваться.

В последние два десятилетия ситуация стала меняться коренным образом. На севере Казахстана были получены полноценные материалы, позволяющие создать достаточно полное представление об уровне развития материаль-

ной культуры, хозяйства и, в какой-то мере, образа жизни предшествовавшего андроновцам населения.

Тургай – страна (в географическом смысле этого слова) включающая в себя обширные территории с различными ландшафтами. Большая часть ее занята Тургайским прогибом, протянувшимся с севера на юг более чем на 800 км. На севере он незаметно переходит в Западно-Сибирскую равнину, а на юге в Туранскую. С запада к нему прилегает Зауральское плато, а с востока Казахский мелкосопочник и отроги гор Улутау. К прогибу приурочено Тургайское плато, которое Арал-Иртышским водоразделом делится на северо-тургайскую и южно-тургайскую части. В меридиональном направлении прогиб прорезан Тургайской ложбиной шириной 15–50 км врезанной на 200 м от уровня моря [Казахстан, 1969, с.16; Бобоедова, 1971, с.18-23; Заугольнова, Воронцов, 1975, с.7-8].

Северо-Тургайское плато дренируется системой реки Тобол, большая часть притоков которого берет свое начало на Урале. С востока, в пределах рассматриваемой территории, в Тобол впадает лишь река Убаган, текущая по Тургайской ложбине. Южно-тургайское плато дренируется в основном рекой Тургай и его притоками, большая часть которых впадает с севера. На крайнем юге плато имеется еще одна река – Улы-Жиланшик, ориентированная так же как и Тургай в основном в широтном направлении. Помимо указанных рек в Тургае много мелких речушек – карасу.

Очень много озер (более 5 тыс.). Большой частью они занимают небольшие блюдцеобразные впадины. Наряду с мелкими имеются и очень крупные озера, такие как Тениз, Кушмурун, Сарымоин, Аксуат, Сарыкопа и др. Площадь их колеблется от 100 до 750 кв. км. Озера, как и реки, питаются в основном талыми снеговыми водами. Наряду с сезонными отмечаются также многолетние циклические колебания уровня воды в озерах. Наиболее четко выражен цикл в 30-35 лет [Лавров, 1945, с.30,32,79-85; Шнитников, 1950; Михеев, 1951, с.289-291; Воронов, Скрябина, 1964, с.61-86; Казахстан, 1969, с.133-148; Бобоедова, 1971а, с.27-32].

Климат засушливый, резко-континентальный. Для Наурзума, занимающего срединное положение в регионе, зафиксирована самая низкая температура $-45,7^{\circ}$, а самая высокая $+41,6^{\circ}$. Большая часть осадков (70-75% годовой нормы) выпадает в теплый период года. На севере Тургая в степях за год выпадает 300-350 мм осадков, а в полупустыне и в пустыне не более 150-200 мм. В засушливые годы количество их сокращается примерно на половину. Ветры очень сильные. Зимой они дуют в основном с северо-востока, а летом с юго-запада [Климат Казахстана, 1959; Бобоедова, 1971б, с.32-35].

С севера на юг происходит последовательная смена ландшафтов: от лесостепей на севере до глинистых и песчаных пустынь на юге. Большая часть Тургая занята степями и полупустынями. В степной зоне имеются островные леса Наурзум-Карагай, Аман-Карагай, Терсек-Карагай и др. Во всех зонах как интразональные включения встречаются солонцы и солончаки. Особенно хорошо они развиты в Тургайской ложбине [Попов, 1940, с.13-50; Головенко и др., 1964; Головенко и др., 1964а].

Животный мир Тургая довольно богат. Только в Наурзумском заповеднике гнездится до двухсот видов птиц и обитает около тридцати видов млекопитающих. В островных лесах до настоящего времени можно встретить лосей, постоянно живут в них косули. В степях и полупустынях пасутся многочисленные стада сайги. В глухих зарослях тростника, по берегам озер и болот водятся кабаны. Однако основной фон наземной фауны составляют грызуны и хищники. Грызуны представлены различными видами сусликов, сурками, тушканчиками, полевой мышью, зайцами. Среди хищников наиболее многочисленны корсаки и лисицы. Барсуки и волки встречаются реже. Птицы представлены так же как северными, так и южными формами. Из северных форм здесь гнездятся: белая куропатка, тетерев, большой пестрый дятел, лебедь-кликун и др. Южные формы представлены дрофой, стрепетом, кречеткой, степной чиркушей, шилоклювкой, красной уткой и др. Иногда появляются черный гриф, копытка и черный жаворонок. Особенно богат мир пернатых во время ве-

сеннего и осеннего перелета. Вдоль Тургайской ложбины проходит величайший пролетный путь водоплавающей и болотной дичи [Шиллингер, 1934; де-Ливрон, 1937; Михеев, 1951, с.292-294; Рябов, 1982, с.54,113].

В целом, как показывает наше краткое физико-географическое обозрение, природные условия Тургая достаточно благоприятны для человека.

Одна из первых стоянок каменного века, выявленных специалистами–археологами в Тургае, – Кайранколь – найдена С.И. Руденко во время научной поездки по Казахстану в 1921 году. Собранные с поверхности материалы ее были использованы П.П.Ефименко в статье "Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеолитического возраста", которые рассматривались им в одном ряду с другими памятниками микролитической индустрии [Научная поездка..., 1922, с.26; Ефименко, 1923].

Позднее выявлением памятников энеолита и неолита занимались преимущественно местные краеведы. Очень продуктивным был период с 1937 по 1940 год, когда краеведами было выявлено более десятка стоянок. Особенно здесь следует отметить деятельность директора Кустанайского музея П.Я.Чернявского. В это же время несколько стоянок было обнаружено Г.Е.Быковым [Быков,1940, с.27-32; Брюсов, 1943; Формозов, 1950; Агеева и др., 1966, с.31-32,63,65,79].

Позднее, вплоть до начала 70-х годов, выявлением памятников каменного века в Тургае занимались мало. В 1945 году две стоянки были обнаружены сотрудниками зоологической экспедиции МГУ. Одну стоянку у поселка Садчиковка в 1948 году выявил А.А.Формозов. В 1955 году две стоянки были открыты Г.И.Пацевичем. В этот же период геологами ИГАН Каз.ССР обнаружено девятнадцать пунктов в бассейне реки Каратургай [Формозов, 1950, с.64-70; Агеева и др., 1966, с.30,76,70; Чалая, 1970].

В годы войны коллекции ряда стоянок изучались А.Я. Брюсовым. В то время, будучи заместителем директора государственного фондохранилища № 1, он жил в Кустанае и естественно не мог не обратить внимания на археологи-

ческие коллекции местного музея. В фондах музея сохранились две его рукописные работы. Одна называется "Неолит и начало бронзовой эпохи в Кустанайской области в Казахской ССР", а другая—"Очерки древнейшей истории Кустанайской области".

В этих работах содержится описание материалов двух коллекций собранных П.Е.Загородным у озера Светлый Джаркуль, погребения у того же озера, находок со стоянок у озер Большой Аксуат и Коль. По мнению А.Я.Брюсова наиболее древние материалы представлены находками со Светлого Джаркуля (коллекция №7). Условно он называет ее первой Светлоджаркульской стоянкой [Брюсов, 1943, с.11об.]. А.Я. Брюсов отнес эту стоянку к раннему неолиту и датировал X-VIII тыс. до н.э. Насколько можно судить по тексту статьи, основанием для датировки коллекции №7 послужило отсутствие керамики и микролитический облик индустрии [Брюсов, 1943; Брюсов, 1943а, с.1].

Рассматривая вопрос о возрасте стоянки у озера Большой Аксуат, А.Я. Брюсов не исключает возможности того, что коллекция с этого памятника содержит разновременные материалы. Дело в том, что в ней присутствуют все типы орудий, обнаруженные на "первой" Светлоджаркульской стоянке. Однако вместе с ними найдены "довольно крупные односторонние скребки, массивные листовидные наконечники стрел, широкие пластинчатые ножи из кремня" [Брюсов, 1943а, с.2]. Несмотря на эти сомнения, он, ссылаясь на существование стоянок с подобным сочетанием в долине реки Оки, склоняется к тому, что все материалы стоянки у озера Большой Аксуат отложились в одно время и являются более поздними, чем материалы коллекции №7 из Светлого Джаркуля [Брюсова, 1943, с.12]. Общие для обоих памятников типы орудий по мнению А.Я. Брюсова свидетельствуют о генетическом их родстве, а появление на Большеаксуатской стоянке поздних типов орудий – о более позднем возрасте последней [Брюсов, 1943]. Стоянку у озера Большой Аксуат он датировал IV-началом III тыс. до н.э. [Брюсова, 1943а]. Интересно отметить, что в обеих коллекциях имеются асиммет-

ричные трапеции, но А.Я.Брюсов не выделяет их из общей массы находок.

Стоянку Коль А.Я.Брюсов относил к "бронзовой эпохе, приблизительно к концу III-началу II тыс. до н.э.". Эта датировка основана на сходстве орнамента керамики со стоянки Коль с орнаментом андроновской керамики, а также на присутствии в коллекции стоянки двух обломков бронзовых изделий и кремневых орудий поздних типов [Брюсов, 1943; Брюсов, 1943а].

Почти одновременными со стоянкой Коль А.Я.Брюсов считает "вторую" стоянку у озера Светлый Джаркуль (коллекция №17) и Каратамарскую стоянку. На основании наличия в коллекции №17 шлифованных каменных орудий и двусторонне обработанных наконечников "сейминского типа" он датирует их "началом или серединой II тыс. до н.э." [Брюсов, 1943; Брюсов, 1943а].

Погребение в Светлом Джаркуле по его мнению является более поздним, чем вторая Светлоджаркульская стоянка [Брюсов, 1943].

Определенный интерес представляют выводы, сделанные А.Я.Брюсовым на основе известных ему материалов по Кустанайской области. Поскольку они не были опубликованы, мы приводим их полностью. Выводы эти "закljučаются в следующем:

1) несомненно, что Кустанайская область была заселена уже в эпоху раннего неолита;

2) несомненна полная преемственность форм кремневых орудий и керамики с этого времени вплоть до эпохи Андроновской культуры включительно. Гипотеза о промежуточной стадии вроде Афанасьевской культуры, якобы предшествовавшей Андроновской культуре является для Кустанайской области совершенно излишней. Характерные типы кремневых орудий ранней стадии неолита - боковые резцы, заострения, небольшие рубильца, маленькие округлые высокие скребочки - продолжают бытовать в развитом неолите и частью доходящие до эпохи Андроновской культуры, связывают в одно целое цепь развития материальной культуры в Кустанайской области с известного нам начала ее до Андроновской культуры;

3) керамика развитого неолита в Кустанайской области, как вообще керамика этого времени в Восточной Европе вплоть до возникновения металлургии (а на севере много дальше) и Северной Азии, характеризуется ямочно-зубчатой орнаментацией ее. Из этого типа орнамента совершенно естественно вырабатывается позднее местный тип орнамента, характерный для керамики Андроновской культуры. Следовательно и здесь нет никакой необходимости в гипотезе о промежуточной стадии между неолитом и Андроновской эпохой;

4) металлургия, по видимому, возникает здесь очень рано, еще в доандроновское время. Может быть и скотоводство возникло здесь ранее, чем время существования стоянок типа Алексеевской и Садчиковской;

5) наличие на некоторых стоянках с типами вещей более ранними, чем типы вещей времени существования стоянок, типичных для Андроновской культуры, заставляет уточнить понятие об этой культуре. Или эти стоянки надо отнести к ранней стадии Андроновской культуры, или ввести в обиход понятие о предандроновской стадии культуры развитого неолита в Кустанайской области" [Брюсов, 1943, с.16, 16об.].

Позднее, в статье опубликованной в 1963 году в Мехико, А.Я. Брюсов вновь повторяет некоторые из этих выводов. В ней дано краткое описание материалов четырех стоянок: Светлый Джаркуль 1,2, Большой Аксуат и Коль. Первую стоянку он по-прежнему называет наиболее ранней [Brjusoff, 1963]. Стоянки Светлый Джаркуль 2 и Большой Аксуат считает одновременными и, ссылаясь на данные палинологического анализа И.А.Крупеникова, относит к суббореалу [Brjusoff, 1963, с.62]. В заключение А.Я.Брюсов говорит о непрерывной линии развития на протяжении от неолита до развитой бронзы и делает вывод о том, что искать корни местных андроновцев где-то на другой территории нет необходимости [Brjusoff, 1963, с.62,64].

В настоящее время выводы А.Я.Брюсова не могут быть приняты безоговорочно. Например, современными материалами не подтверждается идея о доживании в сте-

пях пластинчатой, с микролитическими чертами индустрии вплоть до андроновской эпохи. Между андроновскими памятниками и стоянками с пластинчатой индустрией во времени сейчас должны быть помещены памятники с ярко выраженным отщеповым обликом индустрии [Логвин, 1979, с.54-55].

Мысль о том, что так называемые микролитические комплексы предшествуют комплексам "развитого неолита" с двусторонне обработанными орудиями, известна со второй половины девятнадцатого века, в частности она нашла отражение в фундаментальном исследовании П.П. Ефименко и безусловно была известна А.Я.Брюсову [Ефименко, 1938, с.634-635].

Однако в ходе изучения каменного века степей и пустынь в советской археологии сформировалась и другая точка зрения, сторонники которой утверждали, что в степях пластинчатая, с микролитическими чертами индустрия доживает до эпохи развитой бронзы. Объясняется это тем, что в степной зоне в поле зрения исследователей попали прежде всего памятники неолита и энеолита с пластинчатой индустрией. Поселенческие комплексы с отщеповой, "робенгаузенского" облика индустрией здесь долгое время не были известны [Формозов, 1959, с.47,48,51]. Исходя в общем из верного тезиса о том, что памятники эпохи бронзы определяют верхнюю границу бытования памятников каменного века, исследователи безотчетно стремились сомкнуть их даты.

Появлению и распространению идеи о доживании пластинчатой индустрии до эпохи развитой бронзы в немалой степени способствовало и то, что исследователи в ряде случаев воспринимали как единовременные памятники, давшие коллекции разновременных материалов, в которых сочетались как более ранние, типичные для пластинчатых комплексов находки, так и более поздние, "робенгаузенского" типа. Последние давали возможность синхронизировать их с лесными предбронзовыми стоянками, а первые позволяли утверждать, что для степных памятников в противоположность лесным присуще большое число пластин и орудий из них. Только этим можно объ-

яснить появление точки зрения С.С.Черникова, утверждавшего в 1950 году, что в Казахстане "микролитическая техника" выделки орудий существовала в течении всей эпохи бронзы" [Черников, 1950, с.67]. Идея о доживании развитой пластинчатой индустрии примерно до первой половины II тыс. до н.э. оказалась очень живучей. Применительно к территории Тургая после А.Я.Брюсова об этом писал в 40-50 гг. А.А.Формозов [Формозов, 1950, с.72]. Точка зрения А.Я.Брюсова по этому вопросу в то время была, видимо, естественной и разделялась многими исследователями.

С середины 40-х годов памятники каменного века рассматриваемой территории попадают в поле зрения А.А.Формозова, только начинавшего свой путь в археологии. В 1946 году он публикует статью "Памятники древности Наурзумского заповедника", в 1950 году – "Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом", а в 1956 году выходит в свет статья под названием "Доандроновское погребение в Казахстане". Эти три работы в основной своей части посвящены публикации материалов памятников интересующей нас территории.

В первой статье содержится подробное описание коллекций собранных членами зоологической экспедиции МГУ в Наурзумском заповеднике на стоянках Терсек-Карагай и Аксуат. Последняя, по нашему мнению, соответствует Большеаксуатской стоянке А.Я.Брюсова, так как других стоянок в непосредственной близости от поселка Наурзум нам обнаружить не удалось [Формозов, 1946, с.50-52].

Во второй статье дается краткое описание материалов Каратамарской, Садчиковской, Южной Затобольской стоянок и стоянки у озера Коль, а такие стоянки как Терсек-Карагай, Светло-Джаркульская и Аксуатская получают довольно подробное освещение [Формозов, 1950, с.65-72]. Эта статья появилась после того как А.А. Формозов в 1948 году во время работы экспедиции О.А.Кривцовой-Граковой на Садчиковском поселении ознакомился с коллекциями Кустанайского музея. К тому времени П.Е.Чер-

нявского в музее уже не было, коллекции оказались без должного присмотра и, по словам А.А.Формозова, значительно "поредели" по сравнению с сороковыми годами, когда их изучал А.Я.Брюсов.

В статье "Доандроновское погребение в Казахстане" описываются находки из Светлоджаркульского погребения, которое А.А.Формозов отнес к началу II тыс. до н.э. [Формозов, 1956, с.153-155].

Именно эти три работы в течении длительного времени являлись основными источниками по каменному веку Северного Тургая. Помимо указанных статей памятники этого региона затрагиваются и в ряде других его работ [Формозов, 1949, с.58; Формозов, 1951, с. 17; Формозов, 1977, с.122-123].

Все опубликованные стоянки А.А.Формозов отнес к эпохе неолита и датировал концом III - началом II тыс. до н.э. [Формозов, 1950, с.70-72]. При этом он разделил их на две группы. К первой группе были отнесены стоянки Аксуат, Светлый Джаркуль, Южная Затобольская, Каратамар, Садчиковка и стоянки в бассейне озера Убаган, для которых характерно преобладание в коллекции орудий изготовленных из пластин, в том числе такие их формы, как резцы, пластины с притупленной спинкой, наконечники стрел из пластин и отщепов [Формозов, 1950, с.65-70].

Во вторую группу А.А.Формозов объединил стоянки Терсек-Карагай и Коль, для которых характерен отщеповой облик индустрии и сравнительно крупные орудия. Для них обычны двусторонне обработанные орудия, в особенности наконечники, и большое число скребков из отщепов. Наконечники из пластин отсутствуют [Формозов, 1950, с.70 -72].

В то время А.А.Формозов причину различий в кремневой индустрии выделенных им групп памятников объяснял особенностями хозяйственной жизни, которые в свою очередь обуславливались обитанием оставившего эти стоянки населения в различных ландшафтах [Формозов, 1950, с.72-74]. Первая группа памятников, по его мнению, представлена рыболовами и охотниками на мелкого

зверя и птицу, жившими по берегам степных озер и рек, а вторая – обитателями леса, которые охотились на крупных лесных животных, что и обусловило более крупные размеры орудий [Формозов, 1950, с.72-72; Формозов, 1959, с.52-54].

В статье "Энеолитические памятники Кустанайской области и их связь с ландшафтом" А.А.Формозов отмечает близость материалов первой группы стоянок материалам кельтеминарских памятников [Формозов, 1950, с.64,74]. Вторая группа памятников, для обозначения которых он пользуется термином "терсекские стоянки", сближается им со стоянкой Кысы-Куль и предуральскими памятниками типа Левшинской стоянки [Формозов, 1950, с.73]. В другой работе – "Археологические памятники в районе Орска", вышедшей из печати в 1951 году, стоянки Терсек-Карагай и Коль вместе с некоторыми орскими памятниками, а по контексту обеих статей, и Кысы-Кульской стоянкой, выделяет в особую "южноприуральскую", "терсек-карагайскую" культуру, которая противопоставляется кельтеминарской культуре Приаралья [Формозов, 1951, с.117]. Однако, судя по вышедшей в этом же году работе "К вопросу о происхождении андроновской культуры", А.А.Формозов несколько меняет свою точку зрения. В этой статье он все северо-тургайские памятники (первой и второй группы) считает близкими по материалу Кысы-Кульской стоянке [Формозов, 1951а, с.11-13]. Культурное противопоставление памятников первой и второй групп, довольно ясно отмечавшееся в предыдущих работах, здесь отсутствует.

Предпринятая А.А.Формозовым попытка объединить кустанайские памятники и уральскую стоянку Кысы-Куль в рамках одной культуры встретила возражения К.В.Сальникова. Вместе с тем и он отмечал сходство материалов этих памятников, но причину этой близости видел не столько в культурной общности, сколько в синхронности их [Сальников, 1962, с.28-30]. Такая ситуация, когда один и тот же набор признаков читается разными исследователями по-разному, для археологической науки достаточно типична. Имея в своем распоряжении остатки прошлой

жизни людей, которые несут в нерасчлененном виде информацию о времени, этносе, хозяйстве и культуре, приходится оперировать одними и теми же признаками керамики, кремневой индустрии и других находок и при решении вопросов хронологии, и при рассмотрении проблемы культурной принадлежности памятника, зачастую имея смутное представление о значимости каждого из этих признаков, весомости их при реконструкции тех или иных сторон прошлого.

В данном конкретном случае видимо правы оба исследователя. Прав К.В.Сальников, увидевший в сходстве остатков материальной культуры прежде всего хронологическое единство рассматриваемых памятников, но прав и А.А.Формозов, который усмотрел в этом сходстве и хронологическое единство, и определенную культурную близость. Исследования последних лет на Южном Урале и наши исследования в Тургае однозначно свидетельствуют о культурной близости суртандинских (кысыкульских) и терсекских памятников. Относятся ли эти памятники к одной культуре или к разным культурам в рамках единой культурной области абсолютно уверенно в настоящее время говорить нельзя. Судя по тому, что однотипные суртандинским и терсекским памятники известны сейчас на Ишиме, более вероятным следует признать второе предположение.

По мнению А.А.Формозова и К.В.Сальникова андроновские памятники генетически связаны с терсекскими [Формозов, 1951а; Сальников, 1967, с.340]. В этом их взгляды были близки взглядам А.Я.Брюсова. Однако следует отметить что, несмотря на единство взглядов о наличии генетических связей между терсекскими и андроновскими памятниками, в целом к решению вопроса о происхождении андроновской культуры они подходили с принципиально разных позиций.

По представлениям А.Я.Брюсова андроновская культура истоком своим имеет одну из предшествующих культур. Не претендуя на окончательность своих выводов, он склонен был видеть предков андроновцев в носителях неолитической культуры Северного Тургая, где по его мне-

нию наблюдается ничем не нарушаемая эволюционная линия развития начиная с мезолита и до андроновской эпохи включительно [Брюсов, 1943, с.16, 16об; Vrjusoff, 1963, с.59, 60,65,66].

В противоположность этому А.А.Формозов предложил гипотезу о наличии в прошлом не одного, а нескольких центров формирования андроновской культуры, сложившихся на базе энеолитических культур Казахстана и Минусинской котловины [Формозов, 1951а].

Аналогичных позиций придерживался и К.В.Сальников, хотя в отношении того, какие именно энеолитические памятники приняли участие в формировании андроновских древностей, он не во всем был согласен с А.А.Формозовым [Сальников, 1955, с.145-148; Сальников, 1967, с.340].

К тургайским материалам обращался и С.С.Черников. Впервые интерес к ним у него проявился также в связи с проблемой происхождения андроновских древностей, к которой он подходил с тех же позиций что А.А.Формозов и К.В.Сальников. Отмечая наличие генетических связей памятников каменного века Тургая с андроновскими, С.С.Черников однако полностью исключал возможность участия в сложении андроновской культуры энеолитического населения, обитавшего за пределами современной административной границы Казахстана [Черников, 1968, с.106-110]. По его мнению андроновская культура складывалась на базе "неолитических племен северной полосы казахских степей". Все голоценовые памятники каменного века Казахстана С.С.Черников относил к "одной культурно-исторической общности", в рамках которой выделялось несколько локальных археологических культур [Черников, 1972, с.59-62].

Этим пожалуй можно и завершить рассмотрение итогов истории изучения каменного века Тургая в предшествующий нашим работам период.

Основные позитивные итоги в области изучения энеолита Тургая заключались в следующем:

1. Были выявлены первые бесспорно энеолитические стоянки Терсек-Карагай и Коль.

2. В основном на их материалах поставлен вопрос о выделении особой энеолитической "терсек-карагайской" культуры.

3. Поставлен вопрос об участии терсекского населения в формировании андроновских древностей.

Проблема становления производящей экономики применительно к неолиту Тургая практически не поднималась.

С начала наших работ в середине семидесятых годов по настоящее время число известных энеолитических памятников в тургайских степях достигло трех десятков. На восьми памятниках проводились стационарные исследования. Объем полученной информации позволяет не только дать сравнительно полную характеристику материальных остатков, но и создает определенные возможности для реконструкции экономики.

Глава 1

Памятники, поселения, жилища

К настоящему времени мы располагаем информацией по тридцати двум памятникам (рис.1).

Чистые терсекские комплексы получены на Кожае 1, Кумкешу 1, Соленом Озере 1, Евгеньевке 2, Ливановке 1,2, Тумарлыкопа 5, Аксу, Кара-Мурза 9, Каинды 3-5, Агайдар 1, Токанай 3,7,9, а также на стоянках Коль и Терсек-Карагай. Остальные памятники дали смешанные разновременные коллекции, в которых наряду с терсекскими представлены более ранние неолитические материалы.

Коллекции весьма представительны: только на Кожае 1 получено более 200 тыс. находок, в том числе, более 70 тыс. определимых костей животных; на Кумкешу 1 – около 75 тыс. находок, включая 22 тыс. костей; на Соленом Озере 1 – более 10 тыс. находок, из них 392 кости животных; на Каинды 3 – более 8 тыс. находок, в том числе более 4 тыс. костей.

Основная часть поселений и стоянок терсекской культуры расположена на реках. При этом создается впечатление что предпочтение отдавалось малым рекам и верховьям рек, однако не исключено что оно может быть и ошибочным. Малочисленность терсекских памятников на Тоболе, крупнейшей реке региона, может быть обусловлена в какой-то мере значительной обжитостью этой реки современным населением, что безусловно не лучшим образом сказывается на сохранности памятников и возможности их обнаружения. Но как бы там ни было, в настоящее время на реке Тобол известно лишь два памятника – клад Аксу и поселение Надеждинка 2. В коллекции последнего представлены разновременные материалы.

Для многих памятников, расположенных в верховьях рек (Бестамак, Дузбай 1-3, Кожай 1,2, Каинды 3,4), характерна приуроченность к широким пойменным участкам. Точнее, поселение основывалось там, где пойма реки резко сужалась. Эти места привлекали людей своими богатыми ресурсами (рыба, дичь, корм для скота). Здесь легче

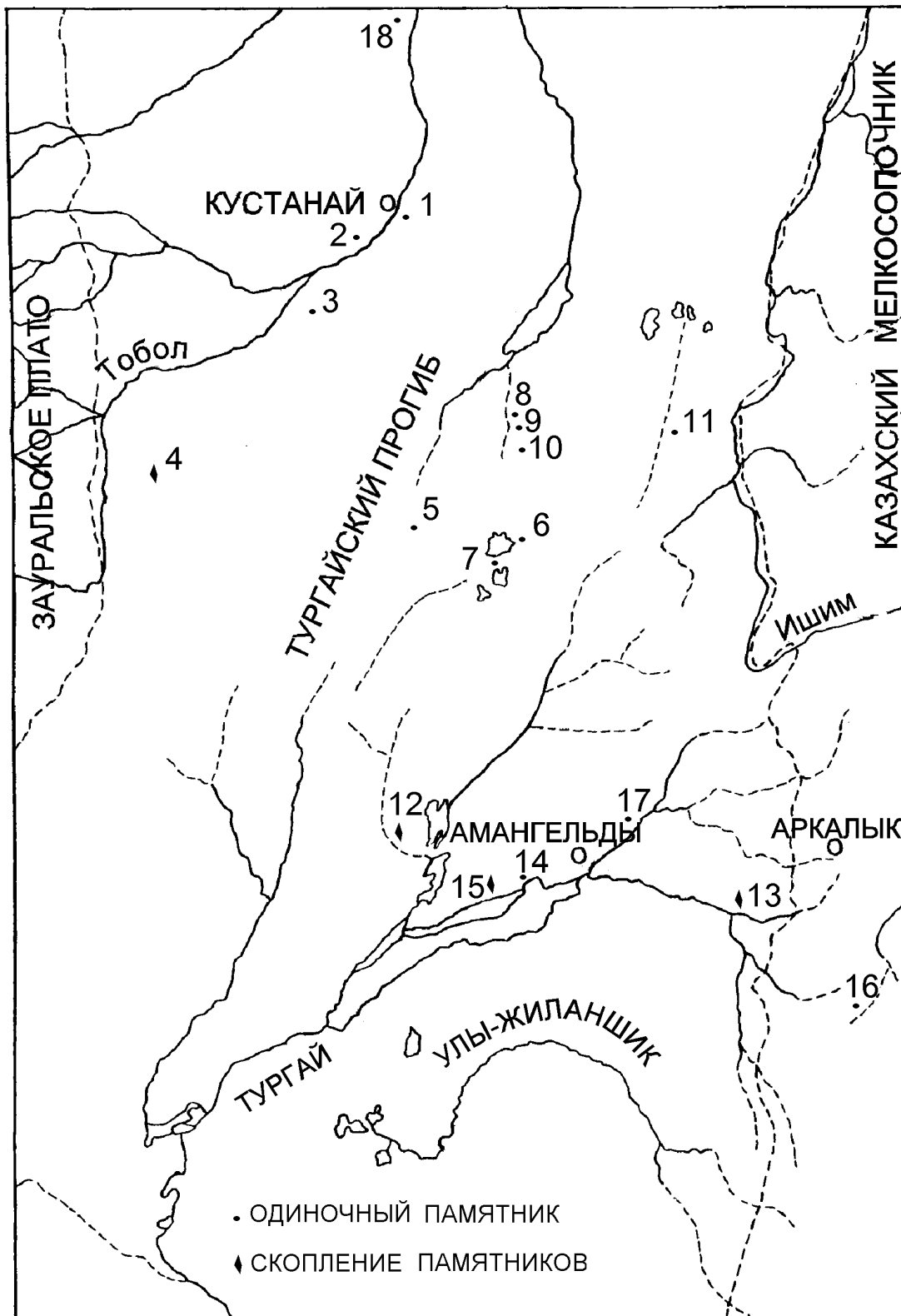

Рис. 1. Терсекские памятники Тургайского прогиба. 1-Коль; 2-Аксу; 3-Евгеньевка 2; 4-Ливановка I,2, Тумарлыкопа 5; 5-Терсек-Карагай; 6-Соленое Озеро I; 7-Малый Аксуат; 8-Дузбай 2; 9-Дузбай 3; 10-Бестамак; 11-Кара-Мурза 9; 12-Теке I-6; 13-Каинды I-5; 14-Кумкешу I; 15-Токанай 3,7,9,11; 16-Кожай I; 17-Агайдар I; 18-Надеждинка 2.

было переходить с берега на берег и тем самым расширяться возможности эксплуатации пойменных ресурсов.

Часть поселений расположены на озерах. Таковы например Соленое Озеро 1, Малый Аксуат, Ливановка 1,2, Тумарлыкопа 5.

Во всех случаях, независимо от того к озеру или реке приурочены стоянки и поселения, они располагались настолько близко к воде, насколько это позволяли сделать весенние паводки. В связи с этим например памятники у реки Тургай расположены чаще всего не на основном русле реки, а на протоках по краям поймы. Протоки имеют течение только весной. Летом вода в них стоит.

В северной части Тургайского прогиба уже давно известна одна стоянка расположенная у родника в урочище Терсек-Карагай.

Представленная выше информация показывает, что терсекским населением были освоены не только долины рек, но и водоразделы, то есть вся территория Тургайского прогиба.

Поселение Кумкешу 1

Памятник находится на первой надпойменной террасе реки Тургай, у западной оконечности пос. Кумкешу Амангельдинского района Тургайской области. В окрестностях поселения река Тургай представлена несколькими руслами, как безымянными, так и имеющими свои названия (Тургай, Кабырга, Токанай), протянувшимися в субширотном направлении. Русла нередко разбиты на отдельные плесы, соединяющиеся между собой в периоды половодий, а в сухой период существуют лишь слабые подрусовые токи.

Поймы этих русел соединяются друг с другом, образуя единую многокилометровой ширины пойму Тургай. В настоящее время пойма значительно остепнена. Луговая растительность произрастает лишь в непосредственной близости к руслам и в различной величины понижениях рельефа поймы.

За три полевых сезона было изучено 11 жилищ.

Жилище 1. Самое большое из раскопанных. Котлован в плане округлой формы размером 9,25 x 8,25 м, глубиной

0,4 м со входом в северо-восточной части. Длина входа 3,5 м, ширина 1,25 м. Основная часть его была вероятно врезана в почвенный слой и нами не зафиксирована. В пределах жилища найдено четыре ямы. Три ямы в центральной части (13,21,33) и одна перед входом(26).

Яма 13 округлой формы диаметром 0,75 м, глубиной 0,1 м от пола сооружения. Яма 21 овальной формы размером 0,85 x 1,0 м, глубиной 0,15 м. Яма 33 размером 2,2 x 1,95 м, глубиной 0,2 м. Заполнение черного цвета. Яма 26 округлой формы диаметром 0,75 м, глубиной 0,25 м.

Жилище 2. Первые четкие очертания котлована его диаметром 5,5 м были получены на глубине 0,6 м. В материк жилище было углублено на 0,2 - 0,25 м. В придонной части прослеживались местами тонкие черные прослойки (0,5-1 см) с включениями мелких остатков сгоревшей древесины. В наиболее глубокой части котлована отмечена линза черного цвета подпрямоугольной формы 2 x 2 м и толщиной до 0,15 м. Черный цвет она имела за счет обильных мельчайших углистых (сажистых) включений. Вокруг нее располагалось 5 ям (67-69, 76,86).

Яма 67 диаметром примерно 0,7 м, глубиной до 0,8 м. Яма 68 диаметром 1 м, глубиной 0,5 м. Яма 69 диаметром примерно 0,6 м, глубиной 0,3 м. Яма 76 диаметром 0,5 м, глубиной 0,35 м. Яма 86 диаметром 0,35 м, глубиной 0,4м.

Вход в сооружение был приурочен к его восточной части и прослеживался как изогнутый в плане выступ длиной 2,5-2,7 м, шириной 1 м и глубиной 0,2 м. В самом начале входа на глубине 0,7 м отмечена яма 89 подпрямоугольных очертаний размером 0,7 x 0,7 м и глубиной 0,3м.

Жилище 3. Первые четкие очертания были зафиксированы на глубине 0,6 м от дневной поверхности. На этом уровне котлован делится на две округлые камеры. Котлован южной камеры диаметром 3,7 м, глубиной 0,5 м. В придонной части отмечались древесные угольки. В противоположность северной камере, которая была забита костями животных, в южной их сравнительно мало.

Северная камера диаметром 3,1 м, глубиной 0,2 м. В пределах ее котлована обнаружено две ямы: одна в центре (19) и одна у края жилища (5).

Яма 19 с черным заполнением размером 1,0 x 1,5 м и глубиной 0,15 м. Яма 5 овальной формы длиной 1,5 м, шириной 0,9 м, глубиной 0,35 м.

Жилище 5. Котлован неправильно-округлой в плане формы размером 7 x 6 м и глубиной 0,35 м. Уверенно стало фиксироваться с глубины 0,6 м. Несколько к югу от центра сооружения находилась яма 32 глубиной до 1,9 м от современной поверхности с трех сторон на уровне придонной части жилища окаймленная валиком выброшенной из ямы глины. Диаметр ямы на глубине 1,2 м равен примерно 1 м. На дне ямы прослежена черная прослойка с включениями древесных угольков мощностью до 0,1 м, поверх которой шла прослойка глины толщиной 0,1 м. Над ней залегала черная углистая прослойка с угольками толщиной до 0,05 м. На этом слое лежали компактно три черепа крупного рогатого скота. Засыпаны они были глинистым грунтом перемешанным с золой. Сверху до глубины 1,1 м от современной поверхности яма заполнена очень мелкой золой в смеси с песком. Тонкой прослойкой зола перекрывает и глинистый валик окаймляющий яму. Непосредственно к яме с северной стороны примыкает залегающее на полу жилища черное с включениями древесных угольков пятно овальной формы размером 1,5 x 3 м, мощностью 0,15 м. Поскольку эта линза лежит на полу жилища и частично перекрыта глиняным валиком, то отсюда следует что яма была сооружена не в самом начале функционирования сооружения, а какое-то время спустя, после того как на полу образовалась черная линза.

Кроме описанной, на уровне пола сооружения зафиксировано еще четыре ямы (57-60) диаметром от 0,2 до 0,5 м и глубиной от 0,05 до 0,2 м.

Судя по специфической конфигурации границы котлована в северо-восточной части сооружения и прилегающей к ней яме 45, последняя видимо является остатком входа в жилище, основная часть котлована которого была вложена в почвенный слой и нами не зафиксирована. Яма 45 проявилась на глубине 0,3 м от поверхности. Врезана в материк на 0,1-0,15 м. Размеры ее 2,25 x 1,0 м.

Жилище 6. Начало фиксироваться с глубины 0,5 м. Котлован почти правильной округлой формы диаметром примерно 7,8 м (рис. 2,3). С восточной стороны был длинный вход протяженностью до границ сооружения 4,5 м, но котлован его шириной 1,0 м прослежен практически до центральной части жилища. В материк котлован входа врезан на глубину от 0,3 до 0,8 м. Придонная часть была заполнена костями животных. В самом сооружении также отмечено довольно много костей, причем они залежали большей частью не на дне, а на высоте 0,2-0,25 м от уровня пола. На дне котлована в центре фиксировались тонкие 3-5 сантиметровые прослойки черного цвета с включениями древесных угольков. Здесь же были обнаружены две ямы - 77, 78.

Яма 77 возможно представляет собой очажное углубление неправильной формы размером 0,8 x 0,8 м, врезанное в материк на глубину 0,15 м от уровня пола жилища. В центре ее отмечено пятно прокала диаметром 0,2 м распространяющееся в глубину до 0,05 м от уровня пола. Рядом расположенная яма 78 подпрямоугольной формы размером 1,0 x 0,75 м и глубиной 0,6 м в последние моменты своего функционирования служила для складирования выгребавшихся из костра остатков. Об этом свидетельствует тот факт, что первоначальное заполнение было серого цвета. Позднее яму частично вычистили. Заполнение этой части ямы 78 идентично черным отложениям ямы 77.

Еще одна яма (85) обнаружена у северо-восточного края сооружения. Она неправильно-овальной формы размером 0,5x0,75 м. Глубина от уровня пола 0,15 м. На дне и в заполнении отмечены угольки.

В северо-западной части сооружения на уровне пола отмечено скопление кремневых чешуек на площадке диаметром примерно 0,4 м.

Жилище 7. Начало фиксироваться на глубине 0,5 м. Через 10 см разделилось на две камеры отстоящие друг от друга на 2 м (рис. 2,5). Первоначальная общая длина котлована сооружения примерно 12 м, ширина камер 4 м, глубина до 0,5 м. В заполнении придонной части котлована встречено довольно много костей.

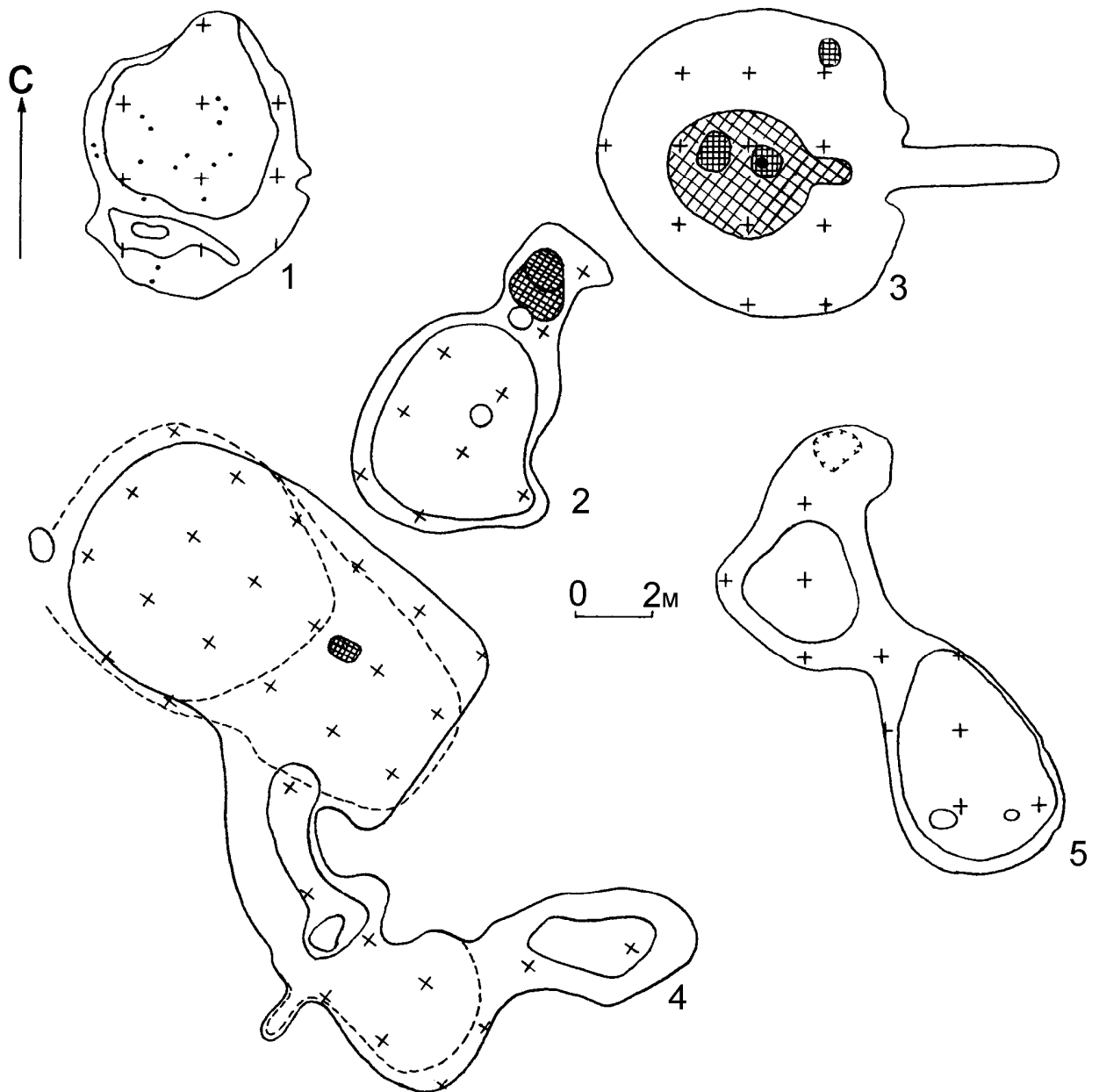

Рис. 2. Планы жилищ терсекских поселений. 1 - Солёное Озеро I; 2- Кожай I, жилище 13; 3 - Кумкешу I, жилище 6; 4- Кожай I, жилища 7 и 8; 5 - Кумкешу I, жилище 7.

В пределах южной камеры, ниже уровня пола, на глубине 1,1 м от поверхности зафиксированы две ямы. Яма 51 диаметром 0,6 м, глубиной 0,5 м. Яма 52 диаметром 0,25 м, глубиной 0,15 м.

Одна яма (53) обнаружена в северной камере на уровне 0,5 м от дневной поверхности. Она подпрямоугольной формы размером 0,8 x 1,0 м, глубиной 1,08 м. Яма была

заполнена костями животных, преимущественно черепами быков.

Жилище 8. Почти правильной округлой формы диаметром примерно 4,5 м. Уверенно начало фиксироваться с глубины 0,4 м. Котлован углублен в материк до 0,4 м.

В восточной части находилась яма 65 с черным заполнением диаметром 0,45 м и глубиной от пола сооружения 0,25 м.

Рядом с сооружением 8, примерно в 0,3 м от него зафиксировано жилище 12. Возможно, что это две камеры одного жилища.

Жилище 12. Округлой в плане формы диаметром примерно 4,5 м. Уверенно начало фиксироваться с глубины 0,4 м. Котлован врезан в материк до 0,4 м. В центре, на полу, отмечена 2-3 см мощностью линза черного цвета с редкими включениями древесных угольков.

В северной части котлована на уровне пола прослежена яма 71 диаметром 0,45 м, глубиной 0,15 м с черным заполнением.

Жилище 9. Начало фиксироваться с глубины 0,5 м. Котлован глубиной 0,6 м, в плане представляет собой почти правильный круг диаметром 7,5 м. В центре отмечено углубление подпрямоугольной формы размером 1,9 x 1,9 м, заполненное грунтом черного цвета с включениями древесных угольков. В северо-восточной части сооружения прослежены остатки входа в виде канавы шириной 0,6 м, длиной примерно 2,5 м, глубиной 0,08-0,1 м.

На противоположной входу стороне жилища была еще одна выступающая из жилища канавка. Длина ее 1,0 м, ширина 0,6 м, глубина 0,1 м.

Жилище 10. Начало уверенно фиксироваться на глубине 0,5 м от уровня дневной поверхности. В плане оно имеет округлую форму диаметром 5,5 м. Котлован углублен в материк на 0,5 - 0,6 м. В центре наиболее глубокой части его находилась мощная линза (до 0,5 м толщиной) из костей животных. На самом дне пятнами прослеживались черные прослойки с вкраплениями древесных угольков. Жилище видимо имело коридорообразный вход, часть которого обозначена нами как яма 75, расположен-

ный в 0,75 м от границы котлована жилища. Вероятно основная часть котлована входа была врезана в почвенный слой.

Жилище 11. Хорошо фиксировалось с глубины 0,4 м. Котлован округлой формы размером 6,5 х 5,5 м со входом шириной 0,6-0,8 м, длиной примерно 4,5 м. В центральной части жилища зафиксировано 6 ям.

Яма 79 диаметром 0,4 м, глубиной 0,3 м. Яма 80 диаметром 0,2 м, глубиной 0,2 м. Яма 81 подпрямоугольной формы размером 0,7 х 0,45 м, глубиной 0,2 м. Яма 82 неправильно-овальной формы размером 1,2 х 0,6 м, глубиной 0,15 м. Яма 83 диаметром 0,2 м, глубиной 0,15 м. Яма 90 диаметром 0,15 м, глубиной 0,25 м.

Поселение Кожай 1

Памятник находится в Тургайской области на реке Бала-Терсаккан. Долина в районе поселения шириной 5-6 км. Левый борт ее относительно пологий, а правый, к которому сдвинуто русло современной реки, более крутой. Вдоль этого борта почти повсеместно наблюдаются выходы кристаллических пород, образующие невысокие сопки, иногда крутоярами выходящие к руслу реки.

Русло Бала-Терсаккана в настоящее время разбито на плесы, соединяющиеся лишь во время весеннего паводка, когда уровень воды поднимается на 1,5 - 2 м, что хорошо заметно на склоне правого борта долины по остаткам раковин пресноводных моллюсков, но такие высокие паводки вероятно не часты.

Растительность в долине реки имеет степной и сухостепной облик и лишь узкая, непосредственно примыкающая к руслу реки полоса шириной 100-500 м занята лугами. Местами эта полоса суживается до 10-15 м. Изредко прямо по берегам русла, обычно плесов, встречаются заросли ивы с примесью шиповника. На периферийной части луга в пределах долины встречаются отдельные кусты и небольшие куртины тамариска. Растительность водоемов и побережья представлена осоками, тростником, камышом, рогозом, рдестами, стрелолистом.

Поселение располагается на правом берегу. Материком здесь являются делювиально-пролювиальные отложения западных склонов сопок, располагающихся на правом берегу долины реки. Эти отложения представлены дресвой и мелким гравием кристаллических пород с примесью разнозернистого плохо окатанного песка, глинистых частиц, щебня и мелких глыб в основаниях разрезов. Вся толща значительно насыщена карбонатом, цементирующим ее при высыхании и местами придающими кремовый и коричневатый-белый цвет породам при общей светло-бурой или изжелта-коричневой окраске последних. Слоистость не выражена, лишь изредка встречаются отдельные прослои глинистых или песчаных пород мощностью 2-5 см, невыдержанные по простиранию. Местами на поверхности материка в пределах поселения прослеживаются трещины усыхания, в верхней части заполнения которых иногда присутствуют отложения культурного слоя.

Культурный слой на значительной части площади памятника разрушен. Дело в том, что русло Бала-Терсаккана было перегорожено дамбой с целью создания водохранилища. Позднее она была прорвана, и сброс воды прошел по территории памятника. Раскоп был заложен вдоль образовавшегося оврага.

Полностью вскрыто семь из пятнадцати попавших в раскоп жилищ.

Весьма сложно судить о конструкции жилищ 1-6, границы которых фиксировались недостаточно четко, кроме того три из них частично разрушены оврагом.

Жилище 1. Первоначально фиксировалось как скопление костей животных. Границы его подчеркивались мелкими кусочками древесного угля. Котлован в плане неправильно-округлой формы длиной 6 м, шириной около 5 м, глубиной 0,2-0,3 м. На полу и стенках отмечены многочисленные мелкие кусочки древесного угля.

Под углистой прослойкой, фиксирующей описанный котлован, также шел культурный слой. По нашим предположениям это остатки более раннего жилища. Котлован его достаточно уверенно фиксировался только в бровке. В плане граница его практически не прослеживалась. С

этим жилищем связан зольник, обнаруженный под слоем костей животных на уровне пола в углублении. Размеры его 1 x 1,4 м, глубина 0,15 м.

Жилище 2. Частично разрушено оврагом. Так же как и первое, зафиксировано по скоплению костей животных и углистой прослойке на глубине 0,25-0,3 м, ниже которой, на глубине 0,5 м, в центре жилища на полу находился зольник диаметром 0,6 м, глубиной 0,1 м.

Жилище 3. Раскопано полностью. В плане котлован приближается к квадрату. Размеры его 4,0 x 3,5 м. Котлован углублен в материк на 0,4 м. В центре, под слоем костей прослежена углистая прослойка. На дне котлована также отмечено скопление костей животных.

Рядом с сооружением, с северо-западной стороны, в 0,5 м от него зафиксированы две линзы интенсивно черного цвета, заполненные сажой перемешанной с древесными угольками и землей. Вероятно эти линзы связаны с описываемым жилищем.

Жилища 4 и 5 сохранились в виде узких полос вдоль оврага. Как и только что описанные, фиксировались по костям животных.

В северной части жилища 5 раскопаны остатки ямы 1 глубиной 0,5 м.

Жилище 6. Первые очертания его были зафиксированы в полуметре к востоку от жилища 1 на глубине 0,4 м. Котлован в плане подквадратной формы размером 5,1 x 4,8 м, в центральной части углублен в материк на 0,2 м. Границы его зафиксированы нами с большой долей сомнения. На дне котлована и чуть выше его встречались остатки углистой прослойки. В центре предполагаемого жилища обнаружено два зольных пятна (36-37). Одно диаметром 1,28 м и глубиной 0,2 м, а второе размером 0,76 x 1,12 x 0,1 м. Рядом с зольником 36 находились два скопления костей диаметром 0,6 и 0,9 м.

Жилище 7. Первые очертания проявились на глубине 0,4 м. Границы фиксировались четко в виде узкой углистой полосы. Жилищное пятно на этом уровне имело длину 12 м, ширину 7 м (рис. 2,4). Восточная часть пятна представляла собой площадку из костей.

На глубине 0,6 м по матерiku стали четко проявляться контуры большого жилища с переходом в юго-восточной части в жилище 8. По-прежнему, за исключением восточной стенки, границы его подчеркивались углистой полоской. Помимо границ большого сооружения в его западной части углистой полоской выделялось более позднее, меньших размеров и округлой формы жилище. В восточной части котлована по всей площади фиксировалось довольно мощное (0,3-0,35 м толщиной) скопление костей животных, которое лежало на углистой прослойке примерно на высоте 0,2 м от пола котлована. На дне котлована в этой части сооружения обнаружен углубленный в пол до 0,1 м овальной формы размером 0,7 x 0,6 м зольник.

Прослеженные в плане и разрезах углистые прослойки свидетельствуют о том, что жилище на этом месте неоднократно горело и возобновлялось.

Следует отметить также, что в заполнении сооружения встречены отдельно лежащие камни. Залегали они большей частью на глубине 0,4-0,7 м.

По мере углубления раскопа ширина перехода между сооружениями 7 и 8 сокращалась, а с глубины 0,8 м стенки его стали отвесными. В отличие от сооружения 7 здесь не было углистых прослоек. Отмечены только вкрапления угольков в двух уровнях. Нижние угольки, покрывавшие дно перехода на глубине 1,15 м, были перекрыты костями животных. Два небольших скопления камней зафиксированы в начале (на выходе из сооружения 7) и в конце перехода на глубине 0,4-0,7 м. На глубине 1,10 м переход закончился ямой 19, размеры которой 1,15 x 0,7 x 0,1 м.

Жилище 8. Уверенно фиксировалось на глубине 0,5-0,6 м как скопление костей с вкраплениями угольков (рис. 2,4). Отмечено три уровня залегания угольков, причем на дне две прослойки соединились. Поверх них мощным слоем лежали кости животных. Третья углистая прослойка небольшими участками залегала выше скопления костей. Глубина котлована от материка 0,4-0,6 м. В северо-восточной части находился выступ длиной около 6 м и шириной до 3 м, с которым связано скопление костей животных.

На глубине 0,6 м в южной стенке котлована была обнаружена ниша в виде канавы шириной 0,5 м, длиной 1,7 м, глубиной до 0,85 м от поверхности. Придонная часть ее заполнена костями животных.

В целом история сооружений 7 и 8 нам представляется следующим образом. Первоначально было сооружено жилище подпрямоугольной (со скругленными углами) формы площадью около 100 кв.м. Котлован был углублен в землю не менее чем на 0,5 м. Вместе с сооружением 8 они составляли единый комплекс. С этим уровнем существования жилища связан зольник, зафиксированный на дне котлована. Жилище в какой-то момент сгорело, в результате чего на полу и стенках котлована, в переходе и сооружении 8 отложились угольки от сгоревшего тальника. В связи с небольшим уклоном местности котлован жилища врезан в материк неравномерно. Восточная часть глубже, чем западная. Пол котлована при этом получался горизонтальным. Вероятно, если учесть эти особенности домостроительства, вход в сооружение приходился на менее углубленную северо-западную часть котлована.

После пожара жилище было восстановлено примерно таким же по размерам и форме, каким оно было прежде. Этот период существования жилища маркирует вторая (снизу) углистая прослойка в восточной части котлована и второй уровень угольков в переходе и восьмом сооружении.

Третье жилище, вдвое меньших размеров, было возведено в западной части большого котлована, диаметром примерно 7 м. Границы подчеркивались углистой прослойкой. При расчистке площадки под котлован, выброс производился в восточную часть прежнего котлована. В результате там образовался мощный слой костей толщиной 0,3 м. В этот же период, вероятно, костями был засыпан переход и большая часть восьмого сооружения.

Четвертое, последнее из реконструируемых жилищ, было возведено в пределах круглого котлована третьего жилища. От него сохранились остатки углистой прослойки. Поскольку костей в котловане не было, то вероятно оно было последним на этом месте.

Размеры котлована сооружения 8 в ходе его эксплуатации изменялись. Первоначально он представлял собой камеру в конце перехода размером 3,5 x 2 м. Возможно тогда же была выкопана канава в южной стенке сооружения. Позднее к восточной стенке камеры была прирезана еще одна камера диаметром 4 м. В результате очертания котлована приобрели форму восьмерки.

Жилище 9. Раскопано частично. Заполнение котлована практически не отличается по цвету от окружающего культурного слоя.

Границы сооружения проявились на глубине 0,6 м. Котлован углублен в материк на 0,2-0,3 м. На стенках и по дну отмечались вкрапления угольков.

В северной части сооружения обнаружена яма 18, несколько отличающаяся по цвету от заполнения котлована, глубиной 0,2 м и диаметром примерно 1 м, вложенная в культурный слой.

Жилище 10. Раскопано частично. Котлован глубиной 0,15 м. В заполнении повсеместно отмечались вкрапления угольков. Кости животных большей частью залежали выше них. В южной части котлована обнаружены четыре лежащих полукругом камня. Отдельно расположенные камни встречены также к югу от этого скопления.

Жилище 11. Вскрыто неполностью. Западная половина котлована на 0,1 м глубже восточной. Так же как и в сооружении 10, фиксировались пятна вкраплений угольков. В восточной части угольки отмечались на дне котлована, в западной они лежали выше него, спускаясь в центре ко дну.

В восточной части котлована частично раскопана яма 39, углубленная в материк на 0,12 м. На дне ямы и выше, среди костей животных зафиксированы скопления угольков.

Между жилищами 10 и 11 в блюдцеобразном понижении, большей частью разрушенном оврагом, было обнаружено скопление камней и горка отщепов. Камни довольно большие, размером 0,25 x 0,25 x 0,2 м.

Жилище 12. Первые очертания проявились на глубине 0,5 м. Котлован сложной конфигурации, однако, если ис-

ключить все пристройки и переходы, которые появились видимо в результате неоднократных перестроек, его можно определить как подпрямоугольный. Пол жилища углублен неравномерно: западная часть котлована более мелкая, чем восточная. Переходом в северо-восточной части жилища было связано с постройкой обозначенной как яма 25. Первоначальные размеры ее 3,2 x 1,8 м. На глубине 0,9 м от дневной поверхности она обособилась и размеры существенно сократились (2,8 x 0,6 м). Общая глубина ямы 0,7 м.

В переходе и рядом с ним раскопаны ямы 41, 43-45, 47. Ямы 41 и 43 диаметром 0,45 м и глубиной 0,1 м. Ямы 44, 45, 47 примерно одинаковы по размерам: 0,95 x 0,8 м; 0,95 x 0,6 м; 0,8 x 0,4 м соответственно. Глубина их от 0,05 м до 0,25 м.

В западной части котлован соединялся двумя проходами с сооружением, большая часть которого разрушена оврагом. Ширина проходов 0,95 м. На глубине 0,6 м в проходах зафиксированы две ямы – 42 и 46. Обе ямы квадратной формы и почти полностью перекрывали переходы. Яма 42 углублена в материк на 0,25 м. Размеры ее 0,8 x 0,6 м. Яма 46 также глубиной 0,25 м, размеры ее 0,85 x 0,6 м.

В примыкающей с запада конструкции обнаружены ямы 49-51. Яма 49 диаметром 0,4 м, глубиной 0,5 м от пола сооружения. Яма 50 диаметром 0,55 м, глубиной до 0,1 м. Яма 51 диаметром 0,6 м, глубиной до 0,05 м.

С наиболее глубокой юго-восточной частью сооружения связан зольник и яма 40. Зольник подквадратной формы размером 1,0 x 1,1 м, мощностью 0,15 м. Основание его лежит на полу. Яма 40 длиной 1,6 м, шириной 1,0 м и глубиной 0,4 м от дна котлована.

В южной части сооружения отмечен выступ, границы которого уходят за пределы раскопа. На дне его частично раскопана яма 48, глубина которой 0,4 м от уровня пола сооружения.

Жилище 13. Уверенно фиксировалось на глубине 0,5 м в виде пятна неправильно-округлой формы с двумя вы-

ступами. Размеры его без учета выступов 4,4 x 6,25 м (рис. 2,2).

С выступом в северо-восточной части сооружения, ширина которого 2 м и длина 2,5 м, связаны хозяйственная яма (54) и зольник. Яма 54 диаметром 0,7 м и глубиной 0,15 м.

Зольник зафиксирован ниже уровня пола. Он был перекрыт примерно десятисантиметровым слоем суглинка. Диаметр его 1,1 м, углублен в материк на 0,4 м. За 10 см до дна площадь зольника значительно увеличилась до 1,65 x 1,5 м. Не исключено что он более ранний, чем рассматриваемое жилище.

На дне сооружения, в центре отмечена яма 55 овальной в плане формы размером 0,75 x 0,5 x 0,15 м.

Жилище 14. В плане подпрямоугольной формы с выступом в восточной части и переходом в южной. Размеры его без выступов 4,6 x 6,0 м, глубина 0,3 м.

В северо-западной части котлована на глубине 0,6 м находилось пятно прокала размером 0,65 x 0,35 м, которое сверху было перекрыто тонкой углистой прослойкой. Толщина прокала 0,1 м.

В 0,75 м от него зафиксирован зольник диаметром 0,4 м и мощностью 0,15 м. Обращает на себя внимание тот факт, что пятно прокала расположено всего в 0,25 м от западной стенки котлована. Столь близкое расположение очага по отношению к краю котлована заставляет предполагать, что стенка жилища находилась несколько дальше, чем фиксируемые нами границы котлована. В противном же случае первая попытка развести огонь в очаге привела бы к пожару, а факты говорят, что им пользовались достаточно интенсивно (наличие прокала).

Рядом с прокалом, к северу от него, находились четыре ямы- 60-62 и 65 диаметром от 0,3 до 0,5 м и глубиной от 0,05 до 0,15 м.

Примерно в 2 м к востоку от зольника найдено скопление находок (281 экз.), большая часть которых представлена отщепами без ретуши(208).

Кроме описанных, в пределах котлована сооружения были обнаружены еще три ямы. Яма 58 неправильной в

плане формы размером 2,7 х 2,7 м. Углублена в материк на 0,2 м, дно неровное. Находилась в восточной части котлована, в выступе, занимая почти всю его площадь. Яма 59 расположена рядом с ямой 58. Диаметр ее 0,25 м, глубина 0,25 м. Яма 63 подтреугольной в плане формы, размером 1,75 х 1,1 х 0,4 м, располагалась у перехода.

В юго-западной части это жилище соединялось с помещением большая часть которого не раскопана (**жилище 15**). Котлован его глубиной до 1,2 м от дневной поверхности. На глубине 1,0 м в его пределах зафиксирована яма 66 диаметром 0,75 м, глубиной 0,15 м.

Подводя итоги описанию жилищ на поселении Кожай 1, следует отметить, что все многообразие их можно свести к двум типам.

Первый представлен жилищами подпрямоугольной формы со скругленными углами. Площадь самого большого около 100 кв.м (раннее жилище на месте сооружения 7), остальные имеют площадь порядка 30 кв.м.

Жилища второго типа округлой формы, площадь их колеблется от 20 кв.м (1,11,13) до 40 кв.м (позднее жилище на месте сооружения 7).

Отличительным признаком жилищ первого варианта, помимо подпрямоугольной формы, является наличие пристроек, соединенных с жилищем узким проходом, как это отмечено в жилищах 12,14 и 7 (ранние жилища). Площадь пристройки равна приблизительно 1/5 площади жилища. Назначение их не ясно. Обнаруженные в них скопления костей и большая часть других предметов по всей видимости отложились в то время, когда котлованы разрушившихся жилищ и пристроек были превращены в свалки. Предположение о том что это помещения для скота следует отбросить, так как на поселении нет костей мелкого рогатого скота, а сооружение небольших помещений для крупного рогатого скота и лошадей вряд ли было целесообразно.

Судя по стратиграфии в седьмом сооружении, жилище округлой формы самое позднее из всех существовавших на поселении жилищ. В нем нет скопления костей, которые хорошо фиксировались в других жилищах, что по

нашему мнению подтверждает более поздний его возраст, в противном случае оно было бы заброшено костями как и остальные.

Конструкции обоих типов кожайских жилищ во многом сходны.

Во-первых, все они в большей или меньшей степени были углублены в грунт.

Во-вторых, они имели легкую кровлю, основную часть которой составляли ветки, судя по макроостаткам, диаметром не более 3-4 см. По определениям специалистов это был тальник. Сверху каркас могли накрывать шкурами животных или камышом, травой и т. п. Землей крыша видимо не засыпалась, так как в ряде случаев, в том числе и в западной половине первоначального котлована седьмого сооружения, скопление костей лежало непосредственно на углистой прослойке. Земли между ними не было. Обращает на себя внимание то, что среди этих костей нет обгоревших экземпляров, следовательно они попали туда уже после того, как пожар закончился.

Сооружения с использованием в качестве строительного материала веток уже описаны в археологической и этнографической литературе. Так, С.А. Семёнов приводит данные о жилище, раскопанном А.Я. Брюсовым на свайном поселении на р. Модлоне [Семенов, 1968, с.190]. По мнению А.Я. Брюсова стены жилища состоят "из нетолстых слег, поставленных вертикально и переплетенных тонкими прутьями" [Брюсов, 1954, с.18]. Плетеные жилища характерны для поселений трипольской культуры [Черныш, 1982, с.178].

Судя по этнографическим свидетельствам, плетеные жилища бытовали у телеутов, абинских татар, татар, кочевавших между Днепром и Перекопом, ногайцев, калмыков, ордосских монголов, западных и восточных казахов [Харузин, 1896, с.17-21]. В качестве хозяйственных помещений подобные сооружения сохранились до настоящего времени у казахов, туркмен [Руденко, 1930, с.36-40; Народы..., 1963, с.69,404].

Стены плетеных жилищ, как правило, обмазывались глиной. Помимо этого при строительстве зимних жилищ

стены могли возводиться из двух параллельных плетней, пространство между которыми забутовывалось камнями, землей, глиной.

Какими были стены жилищ на поселении Кожай 1 сказать трудно. Можно лишь утверждать что они не были деревянными в полном смысле этого слова. Стены могли сооружаться или из веток и затем утепляться каким-либо материалом (шкура, камыш и т.п.), или из земли. При этом в последнем случае в качестве строительного материала должен был использоваться культурный слой. Только в этом случае исчезает возможность фиксации их в ходе раскопок. Использование другого материала, например глины, неизбежно было бы выявлено в процессе раскопок.

Похоже что стен в общепринятом смысле этого слова не было. Скорее всего кровля опиралась непосредственно на землю у края котлована и жилище таким образом представляло собой полуземлянку сферической формы.

Уверенно можно утверждать, что плетеный каркас сооружений на Кожае 1 не обмазывался глиной. Как уже нами отмечалось, жилища на поселении неоднократно горели. Если бы они обмазывались, то должны были остаться куски спекшейся (обожженной) глины или земли. Таких находок нет. Отсюда следует, что кровля была достаточно легкой и сгорала полностью.

Конструкция остова из тальника обеспечивала достаточно высокую прочность жилища. В качестве примера можно отметить, что казахские юрты вплоть до последнего времени делались из тальника. Юрты, перекрывающие площадь в 25-30 кв.м, обычны. В случае больших жилищ (типа раннего сооружения 7) можно было дополнительно использовать подпорки из тальника не закапывая их в землю.

На Кумкешу 1 также прослежены жилища двух типов. Один из них представлен однокамерными округлыми сооружениями с коридорообразным выходом. По форме основной части жилища они могут быть сопоставлены со вторым типом (округлые жилища) Кожая. Правда по размерам жилища Кумкешу несколько больше кожайских.

Второй тип жилищ - двухкамерные, составленные как бы из двух маленьких диаметром 4-5 м округлых жилищ, на других поселениях пока не обнаружен. Судя по тому что они расположены на периферии поселения, можно предполагать, что они наиболее поздние, во всяком случае в пределах раскопанной части. Таким образом, суммируя информацию по жилищам поселений Кожай 1 и Кумкешу 1, мы можем говорить о бытовании трех типов жилищ: подпрямоугольных, округлой формы в плане и двухкамерных с камерами округлой формы. При этом создается впечатление что во времени эти типы жилищ сменяют друг друга в той последовательности, в какой они перечислены выше.

Жилища Кумкешу 1 также скорее всего сооружались из тальника и конструктивно близки кожайским. Правда здесь мы не имеем следов периодических пожаров. Но на Кумкешу 1, несмотря на хорошие условия фиксации котлованов жилищ и ям, зафиксировано очень малое число ям, которые можно было бы трактовать как столбовые. С определенной долей сомнения можно отнести к таковым лишь пять ям во втором жилище .

Остальные сооружения строились без использования опорных, закапываемых бревен. Следовательно, конструкция остова жилищ на Кумкешу 1 могла быть только аналогичной прослеженной на Кожае 1. Причем, если на Кожае 1, с его суглинистым в основе культурным слоем, мы не можем полностью отрицать возможность сооружения стен жилищ из земли, то на Кумкешу 1 это исключено. Глиняные стены, равно как и обмазка их, не прослежены.

В целом оба рассмотренных поселения обнаруживают сходство по ряду признаков:

1. Значительное число компактно расположенных жилищ.
2. Легкая плетеная конструкция каркаса жилищ и видимо достаточно легкая кровля.
3. Наличие хозяйственных ям как внутри жилища, так и за их пределами.
4. Присутствие на обоих поселениях близких типов жилищ.

5. Малая мощность очагов и зольников.

6. Изготовление орудий преимущественно за пределами жилищ. Только в двух жилищах (Кумкешу 1-6, Кожай 1-14) зафиксированы явные следы обработки кремня.

К сожалению, в силу того что в нашем распоряжении нет ни одного полностью раскопанного поселения, говорить об их планировке сложно. Дело осложняется еще и тем, что на Кожае 1 и Кумкешу 1, наиболее исследованных памятниках, мы явно имеем дело не с однократными поселками.

На Кожае 1 одним из наиболее ранних являлось относительно большое (100 кв.м) жилище 7 подпрямоугольной формы с закругленными углами. Возможно одновременно ему и жилища 12-14 также подпрямоугольной формы, но несколько меньших размеров.

Судя по стратиграфии раскопа на седьмом жилище, через какое-то время прямоугольные сооружения перестали сооружаться и на смену им пришли округлые размером 20-40 кв.м.

Об этом же говорит и тот факт, что на периферии поселения, в наиболее удаленной от седьмого жилища части раскопа, зафиксированы жилища округлой формы.

На Кумкешу 1 большая часть жилищ округлой формы. При этом, судя по раскопанной части поселения, они концентрируются вокруг жилища 1, имеющего несколько большие размеры. Наиболее поздними здесь видимо являются небольшие двухкамерные жилища (3,7,8,12), которые расположены по периферии раскопанной части поселения. При этом следует иметь ввиду что на Кожае 1 и Кумкешу 1 разрыв во времени между ранними и поздними жилищами был видимо сравнительно небольшим, по крайней мере в масштабе времени определяемом длительностью человеческой жизни. В пользу этого говорит периферийное положение поздних жилищ. В том же случае, когда они сооружались на месте более раннего жилища, то точно вписывались в их котлованы. Таким образом, планировка поселка строителями поздних сооружений осознавалась и не нарушалась.

Существенно отличается от этих памятников *поселение Соленое Озеро 1*. Здесь в ходе раскопок были выявлены остатки лишь одного жилища подокруглой формы и хозяйственной ямы (рис. 2,1). Создается впечатление, что обитатели его вели обособленный образ жизни в отличие от жителей Кумкешу 1 и Кожая 1.

Верхняя часть жилища разрушена противопожарной полосой. Котлован неправильно-округлой формы с выступом в северной части диаметром около 6 м. Углублен в материк до 0,8 м от современной поверхности. В заполнении отмечены три черные линзы с мельчайшими углистыми включениями. В пределах котлована зафиксировано 16 столбовых ям, большая часть которых расположена в центре. Здесь же, в центре, в придонной части зафиксировано скопление костей, керамики и кремневых находок и у северо-западного края четыре скопления мелких отщепов и чешуек.

Шесть столбовых ям обнаружены за пределами жилища. Три из них находятся в северной части раскопа и столько же рядом с хозяйственной ямой, расположенной в 4 м к югу от жилища. Яма неправильно-округлой формы длиной 1 м, шириной 0,8 м и глубиной 0,8 м.

Столбовые ямы диаметром от 0,08 м до 0,2 м и глубиной от 0,06 м до 0,15 м.

По форме котлована это жилище может быть сопоставлено с округлыми жилищами Кожая и Кумкешу, но конструкция его существенно отличается. Прежде всего наличием большого числа столбовых ям. Судя по тому что они расположены в центре котлована, кровля была конусовидной. Столбовая конструкция в отличие от плетенки позволяла сооружать более тяжелую кровлю.

Вторая особенность состоит в том, что придонная часть котлована почти полностью перекрывалась тремя довольно мощными (до 0,4 м) линзами черного песка насыщенного углистыми включениями, свидетельствующими о достаточно высокой интенсивности использования огня обитателями жилищ. Очаг по всей видимости не имел постоянного места расположения, именно этим можно объ-

яснить образование линз черного песка на дне и в придонной части котлована.

В углубленной части жилища, по краям его было зафиксировано четыре скопления отщепов и чешуек.

Отличия соленоозерского жилища от ранее описанных столь существенны, что причины их обусловившие должны были быть очень весомы для энеолитических обитателей Тургая.

Глава 2

Орудия труда

Во все времена орудийная деятельность была одним из важнейших аспектов в жизни людей. Она в значительной мере предопределяла характер взаимодействия человеческих общин с окружающей средой, да и в формировании духовной сферы играла далеко не последнюю роль. Поэтому, не нарушая сложившихся в археологии традиций, мы попытались дать возможно более полное представление об этой группе находок.

В интересующем нас отрезке времени население Тургайского прогиба изготавливало орудия из камня, кости, керамики и меди. При этом каменные орудия значительно преобладают над всеми остальными. Второе по численности место в коллекциях занимают орудия из кости. Керамические и медные орудия единичны. Среди каменных орудий абсолютно преобладают орудия изготовленные в основном из кварцитов и кварцито-песчаников. На некоторых памятниках Южного Тургая (Кожай 1, Кумкешу 1, группа памятников на реке Каинды) довольно много орудий изготовленных из черного или темно-серого кремнистого сланца. Некремневые породы, по преимуществу песчаники и сланцы, применялись значительно реже, чем кремневые. Из них изготавливался ограниченный набор орудий.

Орудия из керамики (обломков сосудов) представлены немногочисленными пряслицами. Судя по единичным находкам медных предметов, население было знакомо также с металлом, однако фактов подтверждающих существование собственной металлургии у терсекского населения пока практически нет. Вместе с тем находки кусков медистого песчаника на Кумкешу 1 и Кожае 1 делают вполне возможным обнаружение остатков металлургического производства в будущем.

Большинство каменных орудий представлены орудиями из отщепов. Орудия из пластин составляют от 0,9% до 3,0% от суммы орудий из отщепов и пластин. Количество пластин без ретуши также невелико. Целых пластин

очень мало. Ширина пластин колеблется от 4 до 40 мм, при этом среди пластин без ретуши преобладают пластины шириной от 8 до 19 мм, а орудия из пластин в основном шириной от 11 до 32 мм.

У нас нет полной уверенности в том что терсекское население изготавливало орудия из пластин. Хотя они найдены почти на всех памятниках, однако всегда существует возможность объяснить их присутствие включением в культурный слой терсекского поселения вещей более ранних обитателей. Весьма симптоматично в этом плане отсутствие пластин в составе находок клада Аксу, единственного имеющегося в нашем распоряжении закрытого комплекса [Калиева, 1988].

Отщепы без ретуши составляют более половины каменных находок в коллекциях энеолитических памятников терсекского типа. Так на поселении Кумкешу 1 в коллекции из раскопа отщепы составляют 60,1%, на поселении Кожай 1 – 68,8%, на поселении Солёное Озеро 1 – 92,5%. Как правило, абсолютно преобладают отщепы размером от 10 до 50 мм. Исключением является Солёное Озеро 1, где 55,6% отщепов размером до 10 мм. Аналогичное соотношение мелких и средних отщепов сохраняется и в скоплениях отщепов зафиксированных на поселениях Кожай 1, Кумкешу 1 и Солёное Озеро 1.

На ряде поселений, в основном это южные памятники, в качестве заготовки для орудий использовались плитки кремнистого сланца. Из плиточного камня изготавливались те же типы орудий, что из отщепов. Орудия из плиток на Кумкешу 1 составляют 19,4%, на Кожай 1 – 1,7%, на Каинды 3 – 4,1%. В окрестностях этих поселений есть выходы плиточного камня.

Орудия изготавливались нанесением частичной или сплошной ретуши, резцового скола, оббивкой, точечной техникой, шлифованием.

Нуклеусы

Эта категория находок малочисленна. Нуклеусы найдены только на трех чистых поселениях Кожай 1, Кумке-

шу 1 и Каинды 3. Выделены нуклеусы для снятия пластин и скалывания отщепов.

Нуклеусы для снятия пластин призматической и пирамидальной формы (рис. 3,18,22). На поселении Кожай 1 кроме того найдены торцовые нуклеусы. Размеры нуклеусов: высота 23-55 мм, ширина 8 -38 мм. Ударные площадки прямые ровные или слегка скошенные ровные. Встречены нуклеусы с круговой огранкой, но большинство имеют тыльную сторону, с которой снятие пластин не производилось. Негативы от снятых пластин, за редким исключением, неправильной формы с заломами. Помимо целых экземпляров найдены поперечные и продольные сколы (рис. 3,14), заготовки (рис. 3,15), обломки. Всего на поселении Кожай 1 было найдено 70 предметов, отнесенных к данной категории находок, на поселении Кумкешу 1– 30, на Каинды 3 – 1.

Нуклеусов для скалывания отщепов несколько больше. На поселении Кожай 1 их 122 экз., на Кумкешу 1–4 экз. Поскольку наиболее представительна коллекция поселения Кожай 1, остановимся на ее характеристике более подробно.

Первую группу составляют плоские ядрища одно– или двухплощадочные(40экз.). В последнем случае площадки перпендикулярны друг другу (рис. 3,25). Шесть нуклеусов с острым ребром – лезвием, с которого производилось снятие отщепов. Не исключено, что это заготовки двусторонне обработанных орудий.

Вторая группа нуклеусов представлена конкрециями кремня со следами снятий отщепов. Скалывание производилось либо с одной плоскости, и тогда направление скалывания от краев к центру, либо со всей поверхности конкреции, в этом случае они более или менее шаровидной формы (со всех сторон покрыты фасетками от сколотых отщепов в самых различных направлениях и с различных точек). Скалывались как правило плоские короткие отщепы (рис. 3,23).

Третья группа выделена условно. В нее включены нуклеусы подпризматической формы (7). Они несколько напоминают нуклеусы аналогичной формы для снятия

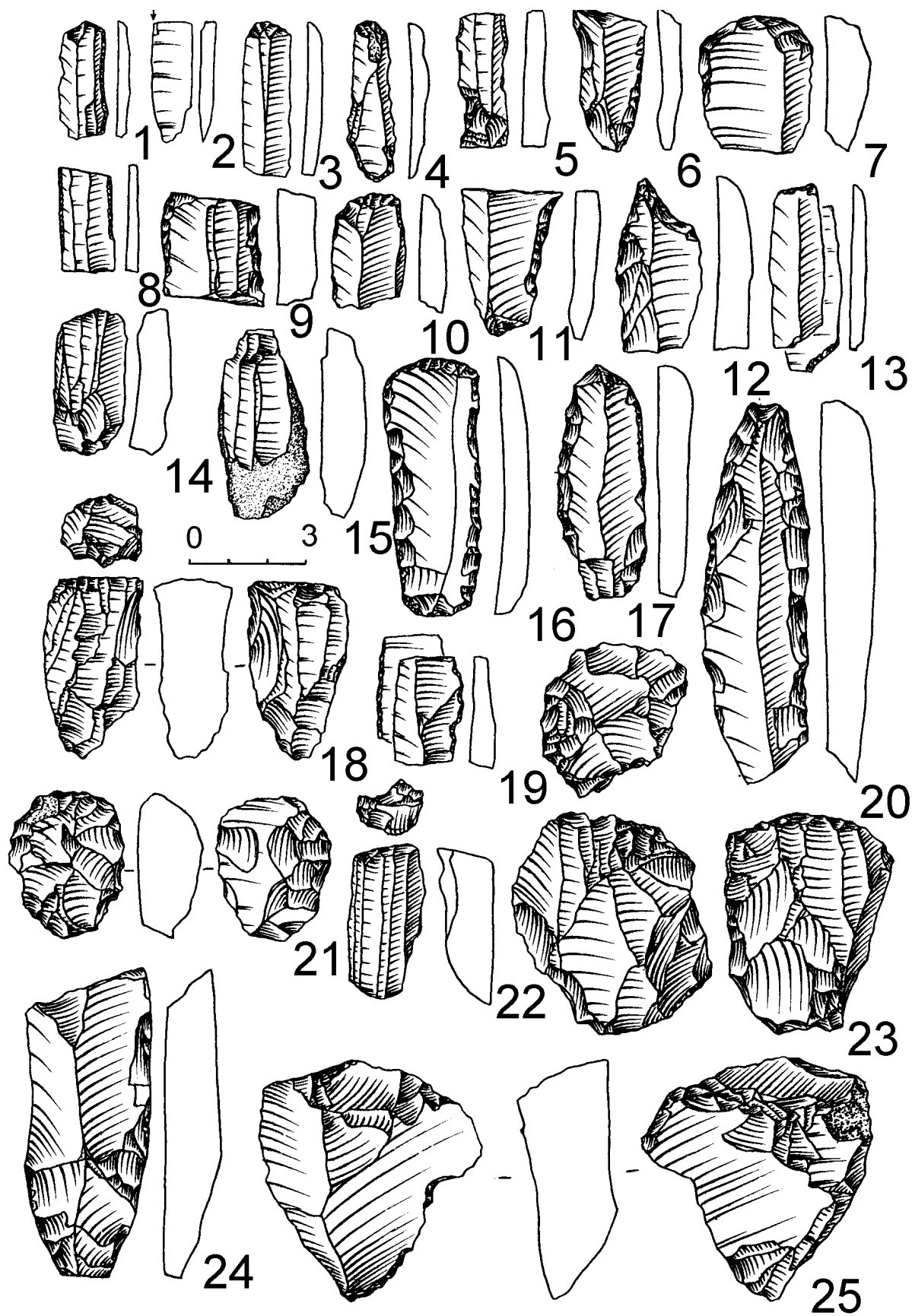

Рис.3. Нуклеусы и орудия из пластин поселения Кожай 1.

пластин, однако последними снимались с них отщепы. Не исключено, что мы имеем дело с утилизацией отработанных ядрищ.

К категории нуклеусов отнесены были также нуклевидные обломки и нуклевидные скребки (рис. 3,21).

Нуклеусы поселения Кумкешу 1 аналогичны плоским нуклеусам Кожая 1.

Незначительное количество нуклеусов для скалывания отщепов объясняется возможно тем, что часть отщепов была получена в процессе изготовления крупных орудий, а сработанные ядрища вероятно перерабатывались в орудия. Последние, судя по количеству отходов и скоплениям отщепов на поселениях Кожай 1, Кумкешу 1 и Соленое Озеро 1, изготавливались на месте.

Орудия из пластин

Несмотря на малочисленность в коллекциях памятников терсекского типа, они достаточно разнообразны.¹

Трапеция. Найдена на поселении Кумкешу I. Изготовлена из пластины шириной 16мм. На нижнем основании имеются оформленные ретушью выемки.

Наконечники. Найдены только на поселении Кумкешу 1. Один наконечник треугольной формы. Орудие оформлено краевой ретушью с брюшка по двум боковым краям, кроме того ретушью подработано основание.

Второй наконечник листовидной формы с прямым основанием, кончик обломан. Ретушь нанесена с брюшка и занимает почти всю поверхность орудия.

Третий наконечник – с боковой выемкой. Оформлен краевой ретушью со спинки по двум боковым краям.

Проколки и сверла. Орудия встречены только в коллекциях поселений Каинды 3, Кожай 1 и Кумкешу 1. Острия оформлены краевой ретушью (рис. 3,12). У сверл и части проколов рабочая часть выделена из основной массы заготовки и, как правило, симметричная. Кроме того среди проколов имеются пластины, у которых ретушью

¹ Еще раз напоминаем (см.41), что мы не уверены в единовременности пластин и нуклеусов для снятия пластин с основным комплексом находок терсекских памятников.

подправлена либо концевая часть пластины, либо острый конец, образовавшийся в результате излома.

У двух орудий помимо острия ретушью обработан противоположный торец. В одном случае он прямой, скошен влево, в другом оформлено скребковое лезвие. Не исключено, что последнее орудие это биполярный скребок, поскольку остриё достаточно широкое.

Резцы, как правило, угловые (рис. 3,2). Исключение составляет одно орудие: резцовый скол снят вдоль торца. Два резца из коллекции поселения Кожай 1 с дополнительной обработкой. Одна пластина по одной грани обработана встречной ретушью, а у второй пластины ретушь нанесена с бруска по одному боковому краю и на противоположном торце. На торце выполнена выемка. Резцы найдены только на Кумкешу 1 и Кожае 1.

Пластины со скошенным торцом, пластины с прямым и округлым обработанным торцом найдены на поселении Кожай 1.

Четыре пластины со скошенным торцом дополнительно ретушированы по боковым краям (рис. 3,13).

Четыре пластины с прямым обработанным торцом довольно грубы и массивны. У одной пластины из сооружения 14 ретушь нанесена частично по одному боковому краю со спинки. У двух пластин на торцах отмечены микровыемки.

Пластины с округлым обработанным торцом очень близки скребкам. У одной пластины два обработанных торца (рис. 3,1,4).

Пластины с ретушью на концевой части встречены в небольшом количестве в коллекциях Кожае 1 и Кумкешу 1.

Пластины с ретушью по боковым краям и скребки составляют большую часть коллекций орудий из пластин.

Среди пластин с ретушью по боковым краям преобладают пластины с ретушью со спинки по одному и двум боковым краям. На поселении Кожай 1 они составляют более 70% от суммы всех пластин с ретушью по боковым краям. Ретушь частичная или нанесена по всей длине граней.

Кроме того найдены пластины с ретушью с брюшка по одному или двум боковым краям, пластины с противолежащей и чередующейся ретушью (рис. 3,5,6,8,9,19,24).

Резчики найдены только на поселении Кожай 1. Выемка у поперечного излома пластины обработана затупливающей ретушью.

Скребки. Наиболее массовый тип орудий. Как правило, они составляют половину коллекций орудий из пластин. Все скребки концевые. Большинство скребков имеют выпуклое ровное лезвие. Выделены также скребки с выпуклым скошенным лезвием, с прямым ровным, лезвием углом, биполярные и микроскребки. Около трети орудий имеют дополнительную ретушь по боковым краям (рис. 3, 3,7,10, 16,17) .

Скребла из пластин найдены только на поселении Кожай 1. Ширина пластин 19 и 33 мм. Ретушь нанесена по торцу и боковым краям со спинки (рис. 3,20).

Орудия из отщепов

Нестандартная форма заготовок обусловила большое разнообразие форм в пределах выделенных типов орудий. Особенно ярко это проявляется в скребках. Как правило, четко определяемым формам сопутствуют орудия с признаками двух смежных групп и таким образом составляет непрерывная цепочка формообразования. В связи с этим следует учитывать, что приведенная ниже классификация скребков условна. Подобная ситуация отмечается не только внутри типов орудий, но и между ними. К примеру, нередко бывает трудно провести границу между листовидными двусторонне обработанными наконечниками и ножами. В этом случае внимание обращается на характер обработки. Часто орудия сочетают признаки двух или нескольких типов орудий (скребок-нож, скребло-нож, скобель-скребок и т.п.). Помимо этих трудностей в выделении типов орудий в подобных комплексах отмечаются случаи вторичного использования орудий. Чаще других встречаются орудия изготовленные из обломков двусторонне обработанных наконечников: скребки, острия и

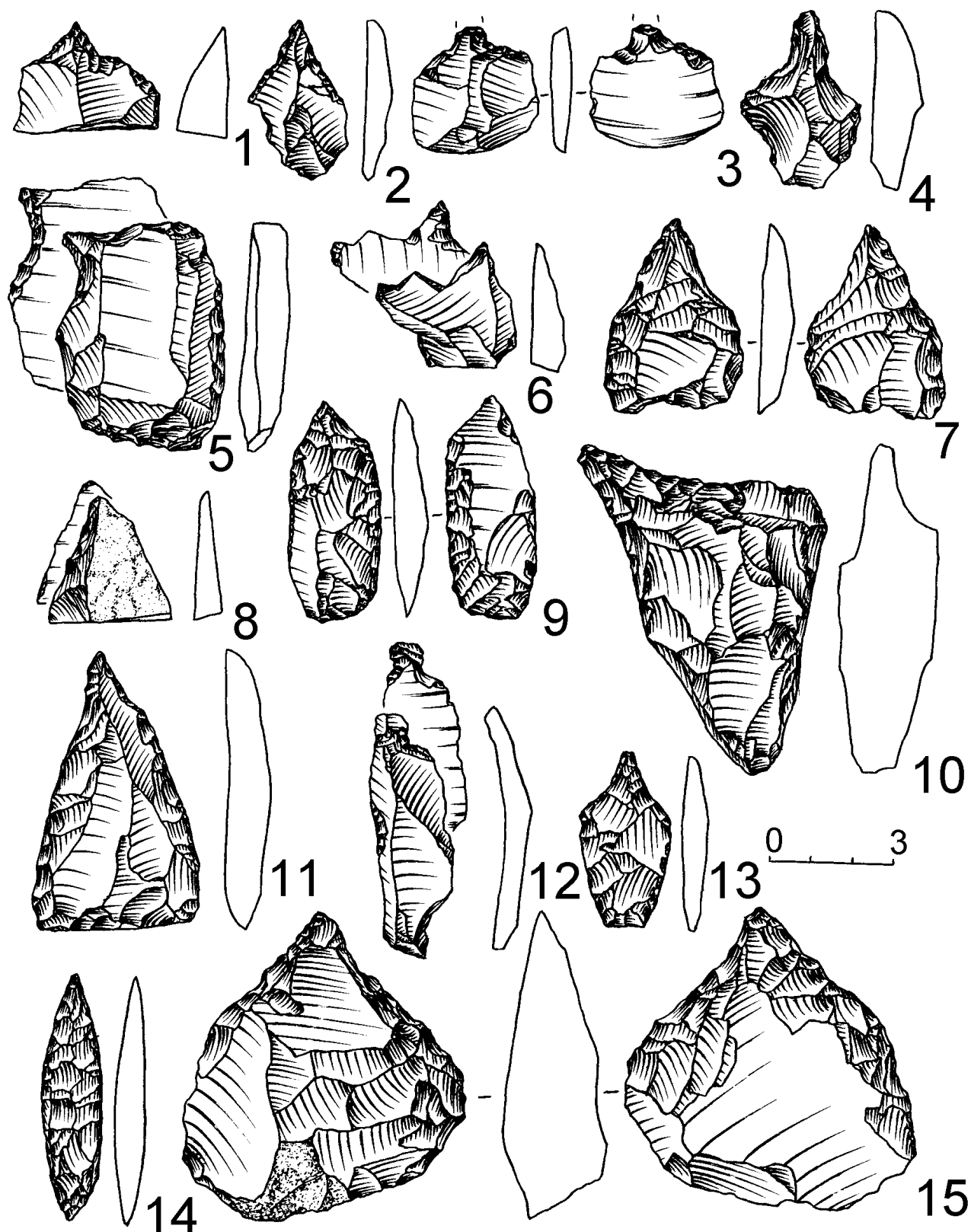

Рис.4. Кремневые находки. 1-7, 9-12, 14,15 - Кожай 1; 8, 13 - Кумкешу 1.

резцы. Из обломка обушковой части рубящего орудия могли сделать сверло (рис. 4,10). Все это в определенной мере сказывается на разнообразии форм орудий.

Наконечники. Они обычно двусторонне обработанные, но иногда делались из пластинчатых отщепов краевой ретушью. Доля их среди орудий из отщепов колеблется от 7% до 16%. Представлены в основном обломками.

Двусторонне обработанные наконечники листовидной, ромбической, треугольной формы. Последние найдены на поселении Кожай 1 (рис. 6,2). Основания наконечников округлые, прямые, слегка вогнутые или с выемкой (рис. 5-6).

Примерно около трети наконечников имеют прямое основание. Усеченное основание иногда не обрабатывалось ретушью. В этом случае оно оформлено в виде площадки. В продольном сечении орудия имеют линзовидную форму (рис. 5,25,28; 6,1,10,31).

Вторыми по численности являются наконечники с округлым основанием (от 10 до 15% коллекции наконечников).

Наконечники с выемкой, со слегка вогнутым и приостренным основаниями встречаются значительно реже двух первых групп (рис. 5,18,31; 6,3,5,6,8,11-13,17,20).

Черешковые наконечники или со слегка наметившимся черешком встречены на поселениях Кожай 1, Кумкешу 1 и в составе клада Аксу. Черешковая часть в плане имеет прямоугольную или треугольную форму. На поселении Кумкешу 1 обнаружен наконечник, у которого черешок дополнительно имеет шипы (рис. 5, 23, 27).

На поселении Соленое Озеро 1 найден обломок крупного наконечника ромбической формы и миндалевидный наконечник стрелы из пластинчатого отщепа оформленный краевой ретушью.

Ножи составляют от 6 до 28% орудий из отщепов. По характеру обработки их можно разделить на орудия двусторонне обработанные, со сплошь обработанной спинкой, а также изготовленные краевой ретушью. Форма в плане листовидная (рис. 7,4,10), треугольная (рис. 7,9,12),

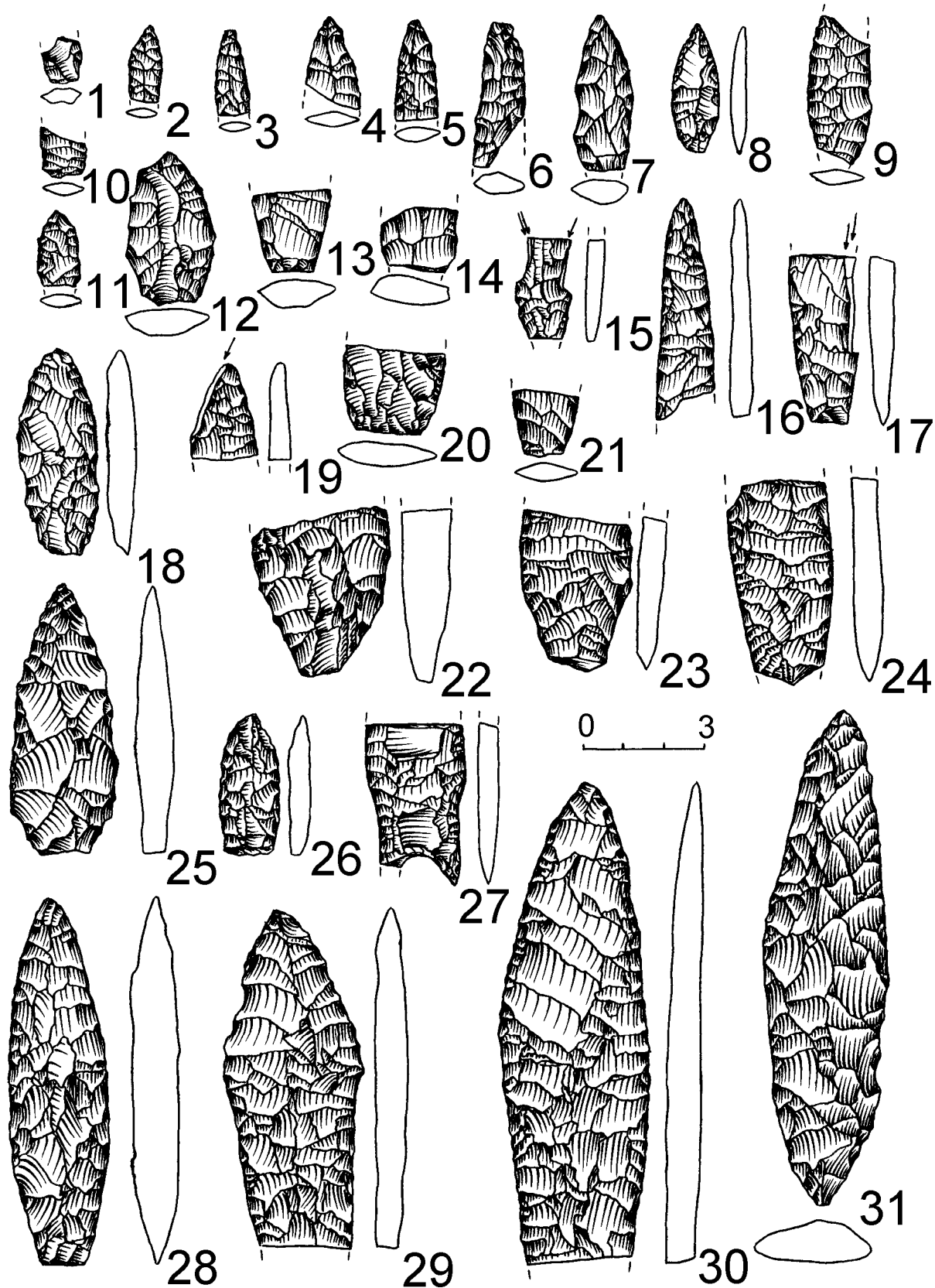

Рис.5. Кремневые находки. 1-7, 9-14, 20, 21, 31 - Бестамак; 8, 15-19, 22-30 - Кумкешу 1.

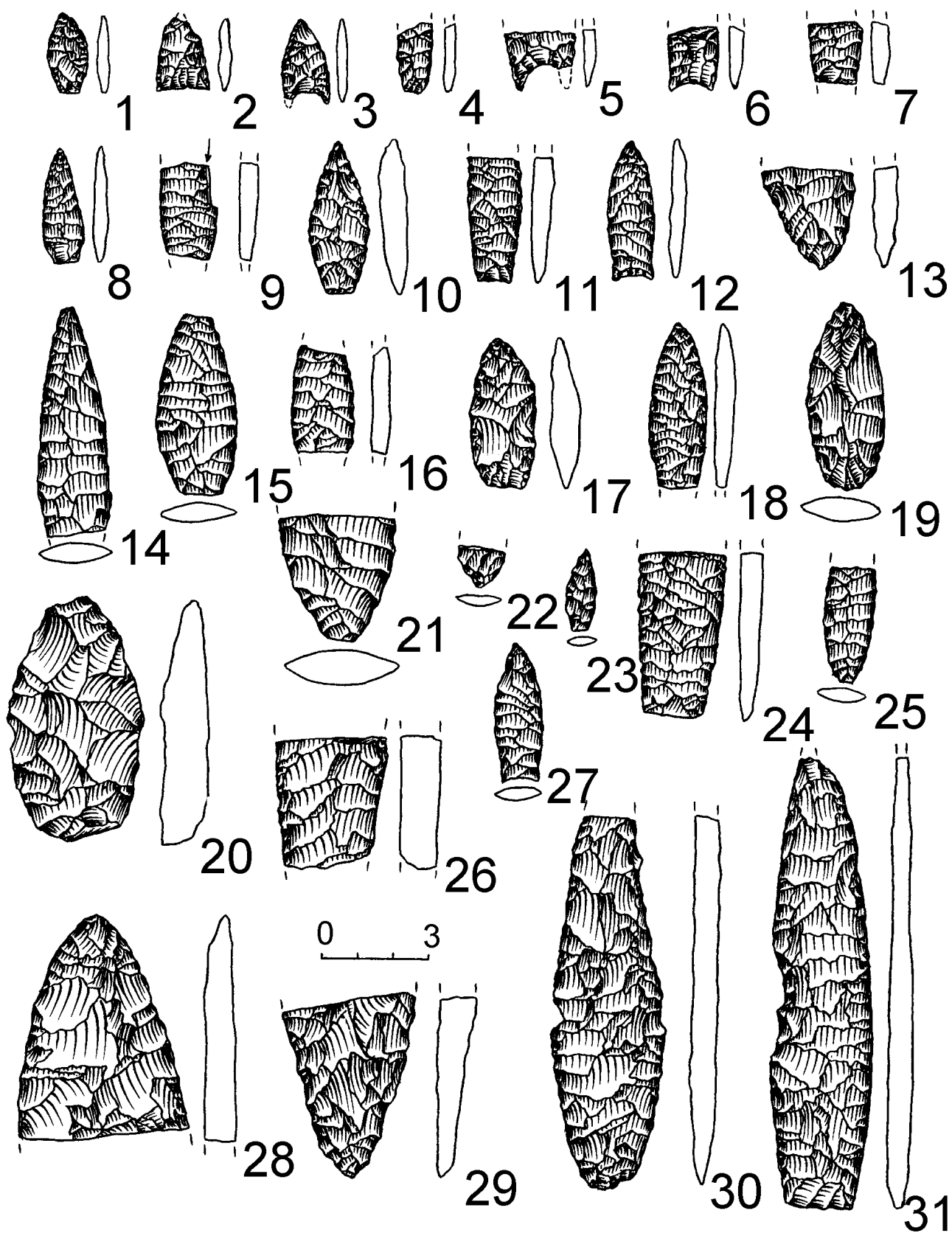

Рис.6. Кремневые находки. 1-13, 16-18, 20, 24, 26, 28-31 - Кожай 1;
14, 15, 19, 21-23, 25, 27 - Бестамак.

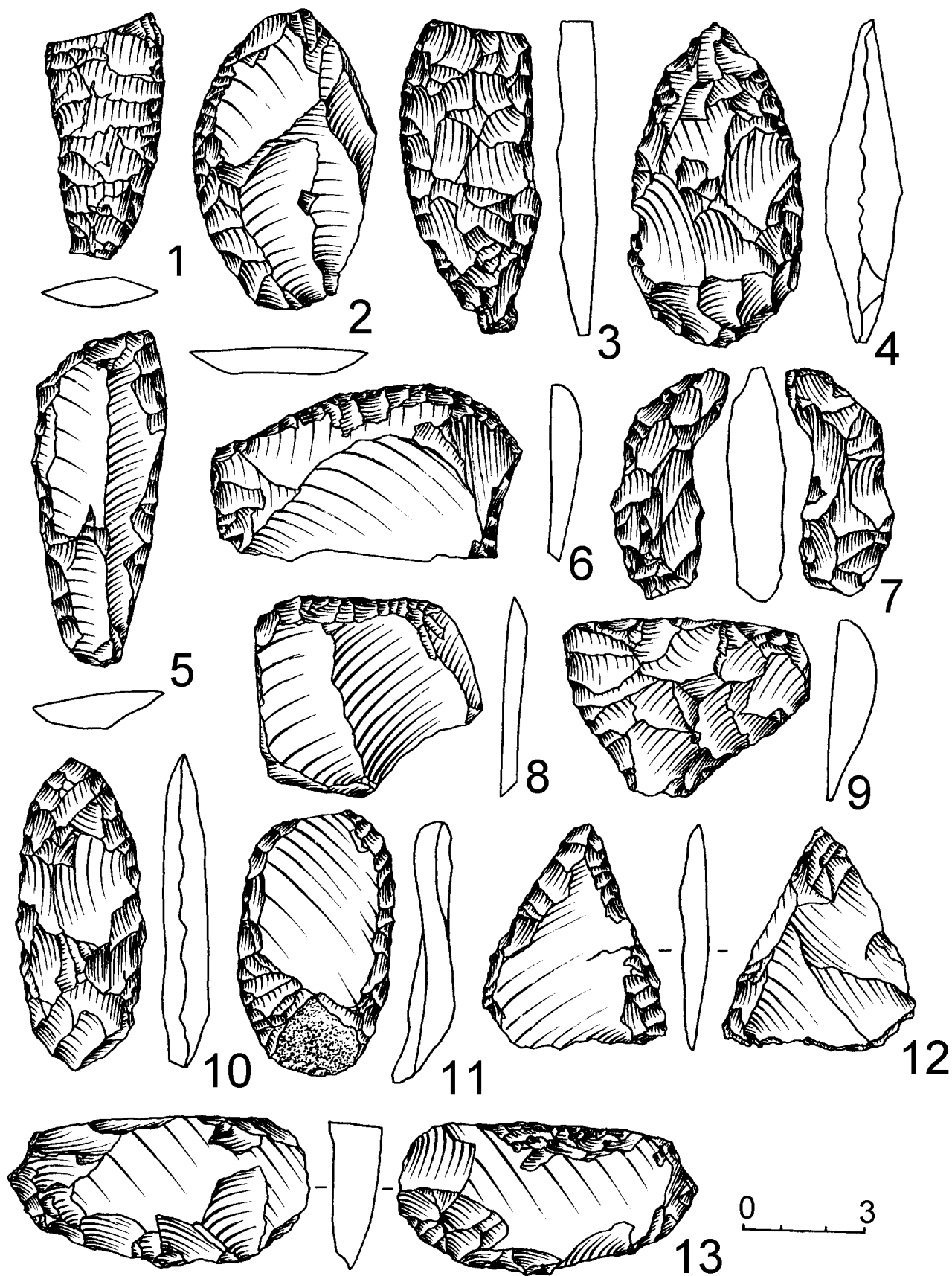

Рис.7. Кремневые находки. 1-6, 8-13 - Кожай 1; 7 - Бестамак.

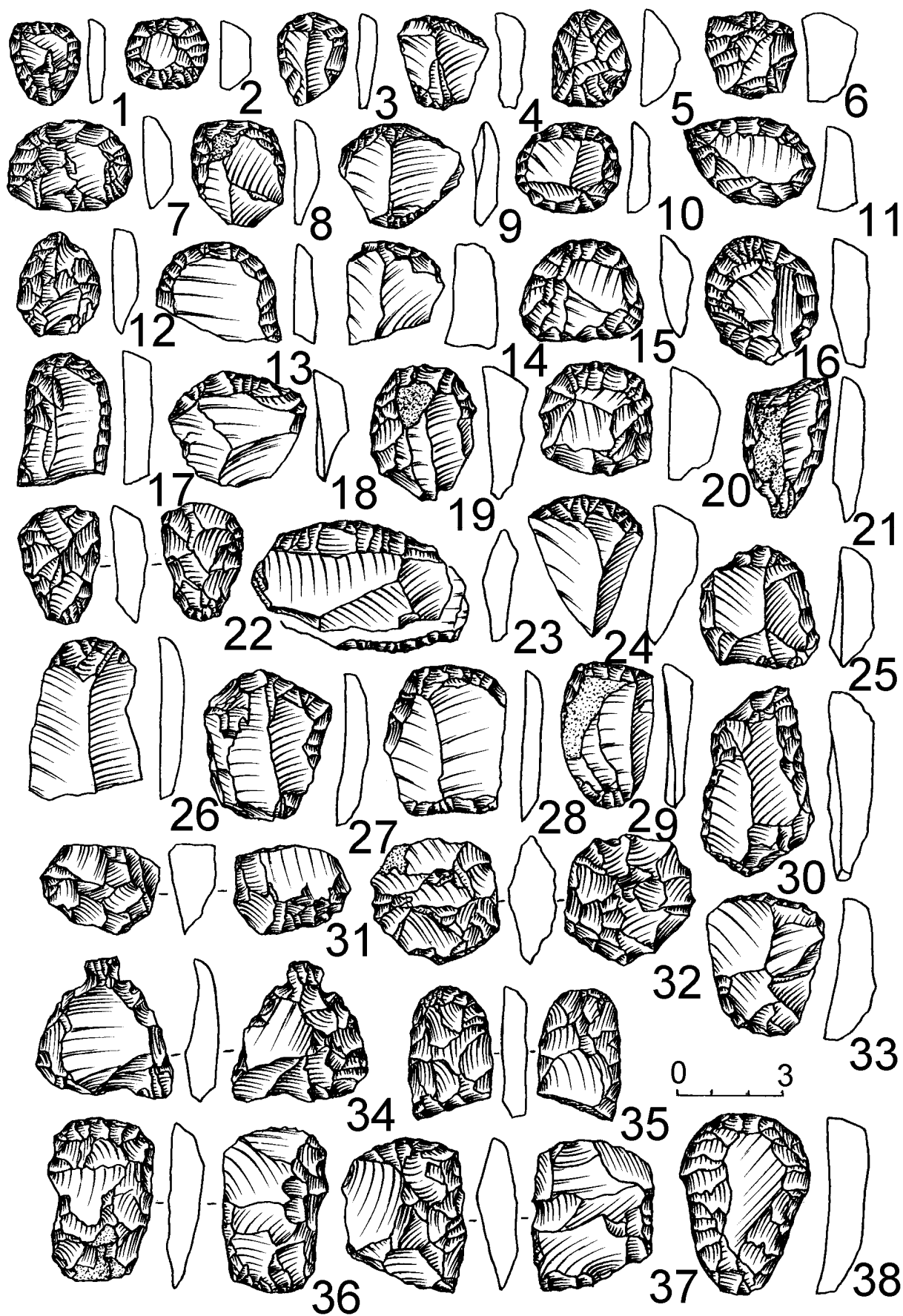

Рис.8. Кремневые находки. 1-30, 32-38 - Кожай 1; 31 - Кумкешу 1.

серповидная (рис.7,1), круглая, овальная, прямоугольная. Выделены также ножи коленчатые, с "пуговкой" (рис. 7,3), из пластинчатых отщепов (рис. 7,5), с обушком (рис. 7,13), из обломков наконечников, с лезвием (выпуклым или прямым) занимающим часть периметра отщепа (рис. 7,6).

Наиболее представительна группа ножей листовидной формы. В коллекциях они составляют примерно 40%. На поселении Соленое Озеро 1 все ножи листовидной формы.

Ножи с лезвием занимающим часть периметра отщепа представляют собой отщепы со значительными участками пологой ретуши. Доля их в коллекциях колеблется в пределах 12-18%.

Ножи из пластинчатых отщепов, серповидные, круглые, с обушком найдены на поселениях Кожай 1 и Кумкешу 1.

Скребки. Наиболее многочисленный тип орудий. Как правило они составляют более половины всех орудий из отщепов. По форме в плане и характеру ретуши выделены округлые (рис. 8,6,10), овальные (рис. 8, 7,11), квадратные, подпрямоугольные (рис. 8,2,20,25), подтреугольные (рис. 8,1,5), секторовидные (рис. 8,24), сегментовидные (рис. 8,13), с лезвием углом, с "носиком" (рис. 8,34), концевые скребки. Последние разделены нами на скребки из пластинчатых отщепов (рис. 8,3,4,26,29), с одним лезвием (рис. 8,14), с двумя и с тремя соприкасающимися лезвиями (рис. 8,8,17,36), биполярные (рис. 8,9, 33), с лезвием углом (рис. 8,27).

Примерно половина скребков на памятниках обычно представлена концевыми их разновидностями, а в составе коллекции клада Аксу все скребки концевые. Орудия, как правило, изготавливались из отщепов с естественными или образованными изломом параллельными боковыми краями.

Вторыми по численности на поселениях Соленое Озеро 1, Каинды 3, Кожай 1 являются сегментовидные скребки. На поселении Кумкешу 1 ситуация иная, здесь после концевых скребков преобладают округлые. На сегментовидных скребках ретушь в большинстве случаев нанесена только по дуге сегмента. Прямая, стягивающая концы ду-

ги лезвия, естественного происхождения или сформирована изломом.

Секторовидные скребки, так же как и сегментовидные, ретушированы только по дуге сектора. Сходящиеся под углом боковые стороны в основном образованы в результате сечения отщепа.

У скребков округлой, овальной, квадратной, подпрямоугольной и подтреугольной формы ретушь нанесена на 3/4 и более окружности (периметра) отщепа. Часто встречаются орудия со сплошной обработкой спинки.

Скребки с "носиком" выделены только на поселении Кожай 1 и Кумкешу 1. Как правило, "носик" обломан (после излома остается характерный выступ на лезвии). Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с комбинированными орудиями (скребок-острие).

Двусторонне обработанные скребки присутствуют почти во всех выделенных группах. Они изготавливались либо специально, либо из обломков наконечников и двусторонне обработанных орудий.

Во всех коллекциях довольно много отщепов с небольшими участками скребковых лезвий.

Скребки-ножи мало чем отличаются от скребков. Характерным признаком является наличие дополнительного лезвия оформленного заостряющей ретушью. Орудия изготовлены краевой ретушью, сплошной обработкой спинки, двусторонней подтеской или из обломков двусторонне обработанных орудий (рис. 8,23,28).

Скребла. В коллекциях их около 1%. Так же как и скребки, разделены на круглые (рис. 9,12), овальные (рис. 9,2), треугольные (рис. 9,8), подчетырехугольные (рис. 9,3,4,6), сегментовидные, концевые (рис. 9,7) и из удлиненных изогнутых в продольном сечении отщепов (рис. 9,11).

Круглые и овальные скребла либо со сплошь обработанной спинкой, либо обработаны краевой ретушью на 3/4 и более окружности отщепа.

Подчетырехугольные скребла имеют одно или два лезвия. Лезвия прямые или слегка вогнутые.

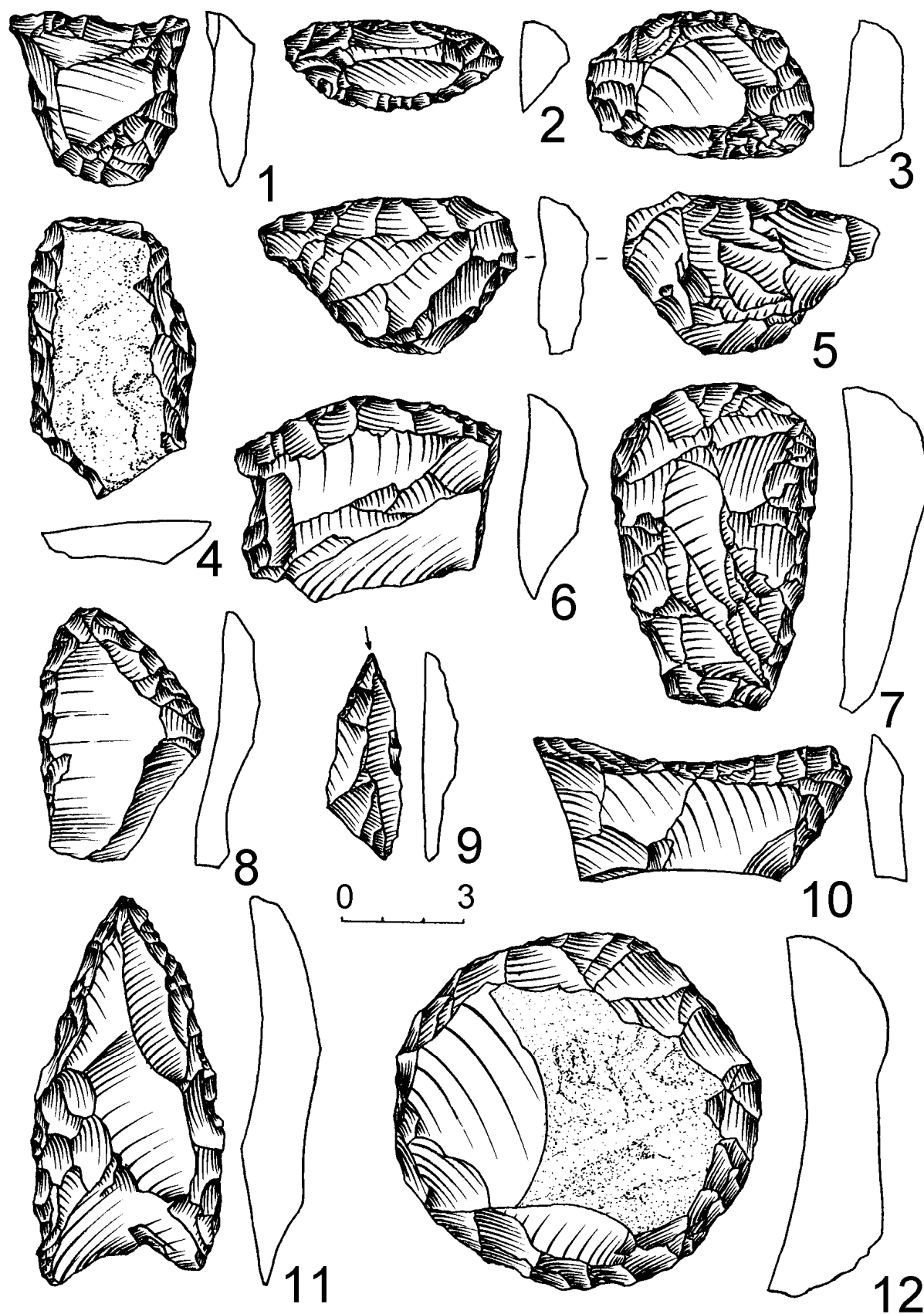

Рис.9. Кремневые находки. 1-7, 9, 11, 12 - Кожай 1; 8, 10 - Кумкешу 1.

Среди треугольных скребел преобладают орудия с одним лезвием.

Концевые скребла отличаются от аналогичных скребков только размерами.

Скребла из удлиненных отщепов изготовлены сплошной обработкой спинки и краевой ретушью. Часть из них со следами подтески с брюшка. Как правило, орудия имеют по два рабочих лезвия на противоположных длинных сторонах отщепа.

Скребла-ножи выделены только в коллекции поселений Кожай 1 и Кумкешу 1. Орудия имеют два рабочих лезвия, одно из которых оформлено пологой заостряющей ретушью.

Острия. Под общим названием объединены разнообразные орудия: сверла, проколки, отщепы с конструктивно выделенными рабочими элементами (рис. 4).

Сверла изготавливались двусторонней обработкой, краевой ретушью (в том числе противоположащей). Часть орудий изготовлена из обломков двусторонне обработанных наконечников, обломков других орудий (скребел, ножей, рубящих орудий) (рис. 4,10). Около половины орудий представлены обломками.

Особо следует отметить двусторонне обработанные сверла ромбической формы найденные на поселении Кожай 1 (6 экз.). Орудия довольно больших размеров: длиной от 105 до 127 мм, шириной от 37 до 58 мм. Рабочая часть оформлена противоположащей ретушью.

Проколки изготовлены из тонких или относительно толстых отщепов, обломков орудий. В основном двух разновидностей. В первом случае симметричное или асимметричное острие выделено из основной массы отщепа крутой затупливающей ретушью нанесенной с одной или двух сторон от лезвия проколки. В последнем варианте получались плечиковые острия (рис. 4,1-3,6,9,11-13,15). Для другой разновидности проколок подбирались тонкие отщепы, у которых ретушью подрабатывались естественные кончики отщепов (рис. 4,8). В эту группу следует отнести и отщепы с конструктивно выделенными элементами из

клада Аксу. Небольшие участки ретуши нанесены на естественно выступающих частях отщепов.

Остальные типы орудий не столь многочисленны. Исключение составляют отщепы с небольшими участками ретуши, которые после скребков преобладают почти во всех коллекциях памятников терсекского типа.

Острия - ножи. Орудия изготовлены из отщепов листовидной или треугольной формы, и напоминают мустьерские остроконечники. Краевая ретушь нанесена почти по всему периметру отщепа со спинки. Длина их от 35 до 98 мм, ширина от 19 до 61 мм.

Клинышки. Двусторонне обработанные орудия. В продольном сечении треугольные. Лезвия большинства из них изготовлены двусторонней подтеской, однако встречаются орудия и со сплошной двусторонней обработкой (рис. 8, 31).

Дисковидные. Как уже отмечалось, в плане округлой, овальной, подтреугольной, подчетыреугольной формы. Сечение линзовидное. Края острые. Орудия двусторонне обработанные. Размеры колеблются в пределах от 30 до 55 мм (рис. 8, 32).

Скобели. Орудия оформлены краевой ретушью. Рабочий край вогнутый. Выделены только в коллекции поселения Кожай 1 (рис. 9, 1).

Скобель-проколка, скобель-скребок - орудия с конструктивно выделенными рабочими элементами. Найдены в единичных экземплярах на поселениях Соленое Озеро 1, Кумкешу 1, Кожай 1.

Резцовые сколы на отщепах отмечены в небольшом количестве почти во всех коллекциях памятников терсекского типа (рис. 9, 9).

Орудия из плиток

Как уже отмечалось, характерны для памятников южной части Тургайского прогиба.

Наконечники. В основном представлены обломками. Целые наконечники были найдены на поселениях Кожай 1 и Кумкешу 1. Основания прямые или округлые. Обломки тыльных частей от наконечников с прямым, округлым и

слегка вогнутым основанием. Найдены также обломки средних и перьевых частей наконечников. Все орудия двусторонне обработанные (рис. 11,10,11,13-17,20,21,24-26). Отмечены случаи переработки обломков наконечников в резцы и острия (рис. 11,17).

Ножи. Так же как и ножи из отщепов, двусторонне обработанные или изготовлены краевой ретушью.

Двусторонне обработанные ножи листовидной формы (рис. 10,13,16;11,22). Ножи, оформленные краевой ретушью, листовидной, подчетыреугольной и треугольной формы. Сюда отнесены также обломки плиток со значительными участками пологой ретуши (рис. 10,3,7,11,12,14, 15,18).

Скребки. Орудия округлой (рис. 11,2,12), овальной, подчетыреугольной (рис. 11,6,7) формы, сегментовидные (рис. 11,1) и секторовидные (рис. 11,5). Концевые скребки с одним, двумя и тремя соприкасающимися лезвиями, биполярные, с лезвием углом (рис. 11,3,4,8,9). На поселении Кумкешу 1 найден скребок-нож (рис. 10, 5).

Скребла подтреугольной и подчетыреугольной формы (рис. 10, 4,6,8,). Ретушь занимает одну или две длинные стороны плитки. На поселении Кожай 1 выделены скребла-ножи. Они аналогичны скреблам-ножам из отщепов.

Острия. Найдены только на Кумкешу 1. Типологически близки остриям из отщепов (рис. 11,18,19,23,27).

Скобели. Этот тип орудий также присутствует только в коллекции Кумкешу 1. К ним были отнесены обломки плиток с вогнутыми рабочими лезвиями (рис. 10,10,17).

Клинышки. Присутствуют только в коллекции Кумкешу I. Аналогичны клинышкам из отщепов.

Кроме выделенных типов орудий найдены мелкие обломки двусторонне обработанных орудий и обломки плиток с ретушью.

Прочие орудия

Диски (рис. 12,6,8,13). Орудия изготавливались пикетажной техникой, большая часть их затем шлифовалась. Диаметр от 32 до 125 мм. Отверстия в центре цилин-

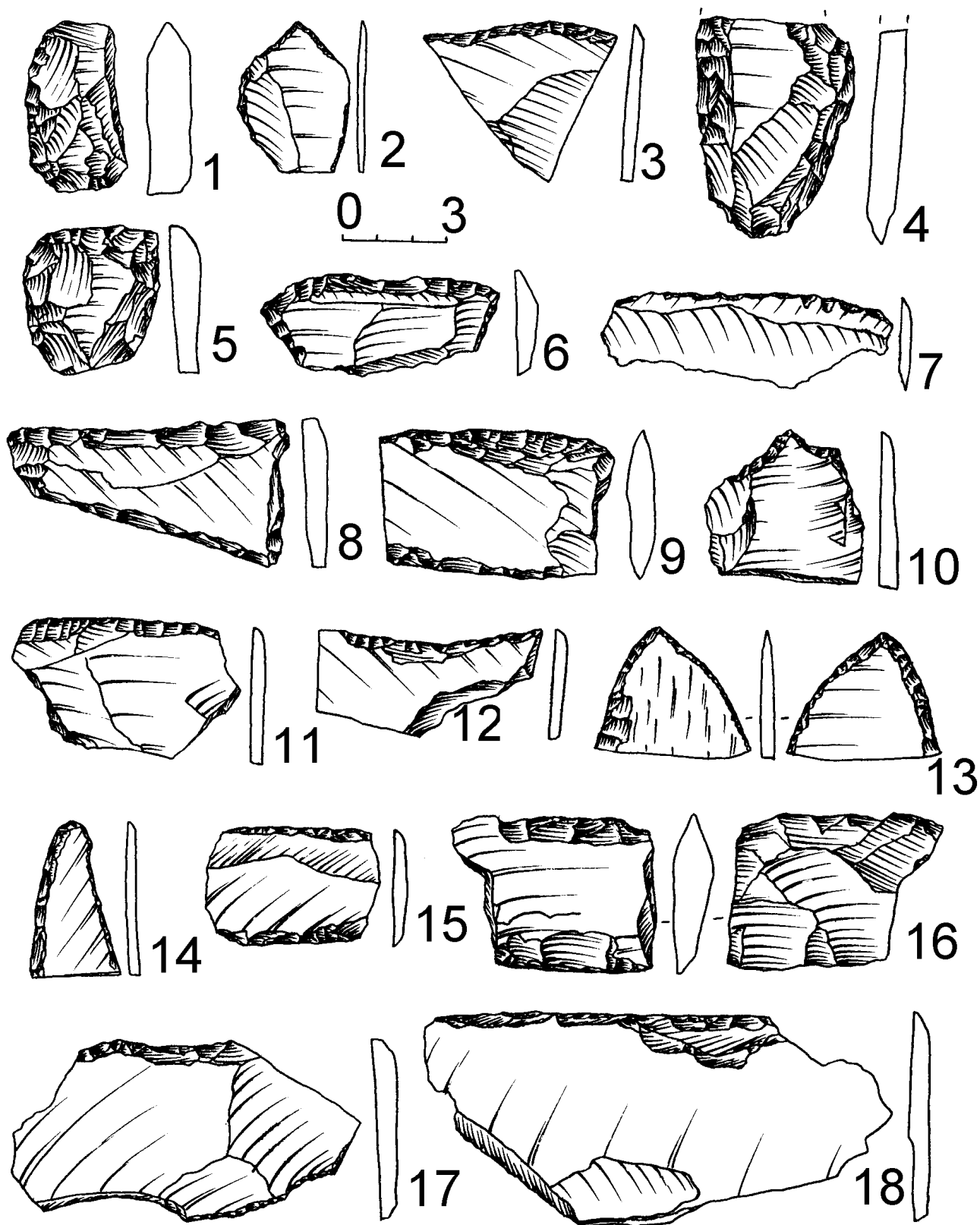

Рис.10 Орудия из плиток кремнистого сланца поселения Кумкешу 1.

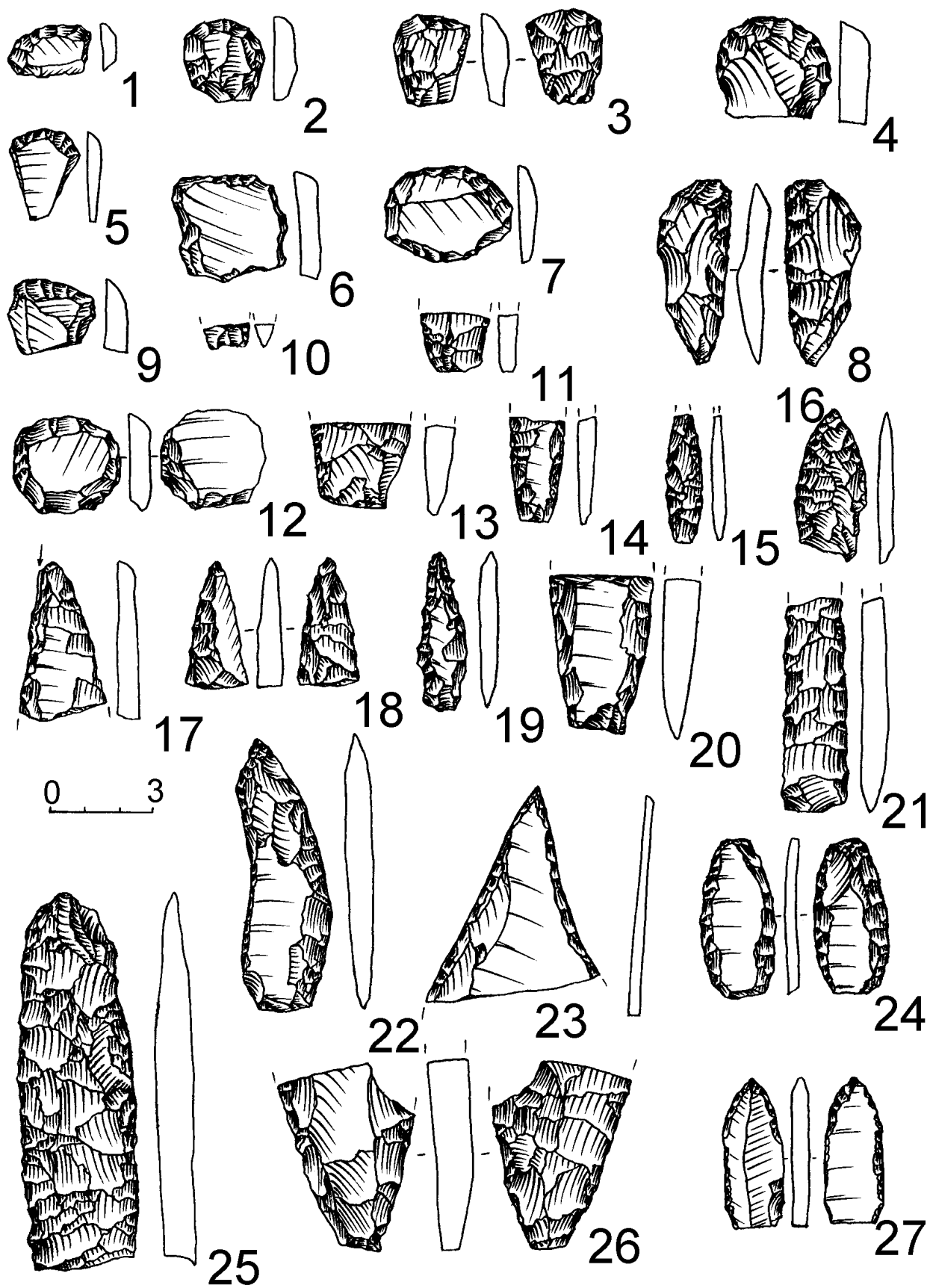

Рис.11. Орудия из плиток кремнистого сланца поселения Кумкешу 1.

дрической или биконической формы. Очень часто на сильно заполированной поверхности срединной части биконического отверстия или по всей площади цилиндрического видны тонкие концентрические круги. В поперечном сечении диски овальные, подпрямоугольные или шестигранные. Часть орудий украшена узором из прямых линий, зигзагов, точек, насечек. Некоторые диски напоминают шестеренки.

Диски, как и многие другие орудия на терсекских памятниках, видоизменялись в процессе эксплуатации. Так, на одном диске биконическое отверстие сильно заполировано, однако затем по краям заполированность была снята продольными срезами какого-то инструмента с шириной рабочей части примерно 3 мм (рис. 12,13).

Одно орудие из Кумкешу 1 в настоящее время имеет подпрямоугольную форму с сильно закругленными углами. Судя по всему первоначально оно было "нормальным" диском, а затем его со всех сторон оббили. Ребра фасеток сколов сильно заглажены. Создается впечатление, что этим орудием в последнее время выглаживали какой-то мягкий материал.

В коллекциях Кумкешу 1 и Кожай 1 имеется несколько дисков отличающихся от других орудий этой группы малыми размерами.

Помимо кондиционных орудий найдены также заготовки дисков разной стадии изготовления, в том числе почти полностью готовые за исключением отверстий, сверление которых не было завершено.

Рубящие орудия. Изготовлены из кремневых желваков и плиточного камня двусторонней оббивкой. Ширина их по лезвию колеблется от 36 до 92 мм, высота от 50 до 204 мм. В плане орудия трапецевидной, треугольной, прямоугольной и овальной формы. Предпочтение, судя по целым экземплярам и обломкам обушковых частей, отдавалось треугольным, хотя на Кумкешу 1 среди целых орудий преобладают трапецевидные. У первых обух в плане округлый или приостренный, в сечении приостренный (рис. 13, 3,5,7-11,13,15,20). Трапецевидные орудия имеют пря-

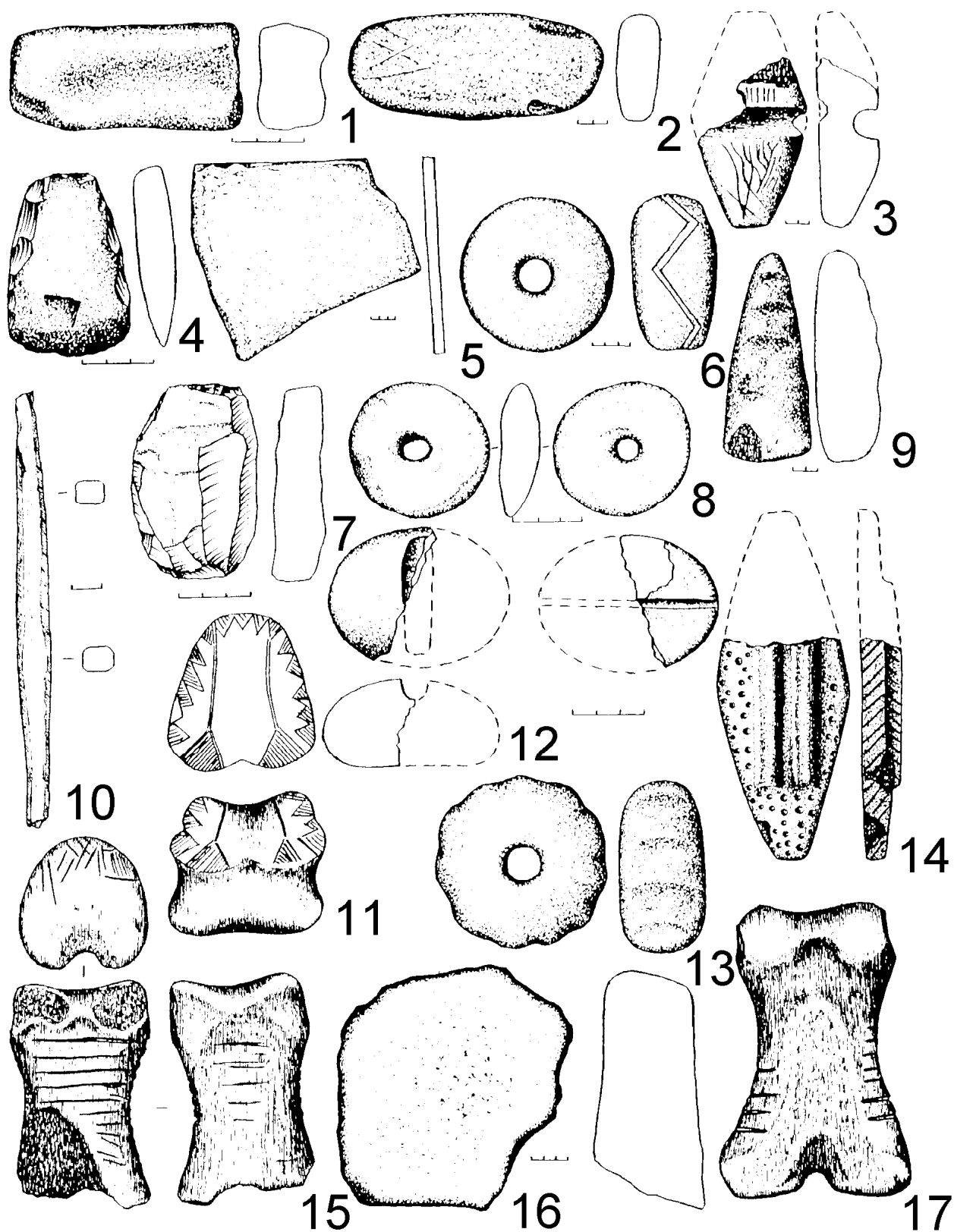

Рис.12. Изделия из камня (1-9, 12-14, 16), кости (11, 15, 17) и металла (10). 1-2, 8 - Кумкешу 1; 3-7, 9, 13-17 - Кожай 1; 10 - Ливановка 2; 11 - Ливановка; 12 - Токанай 9.

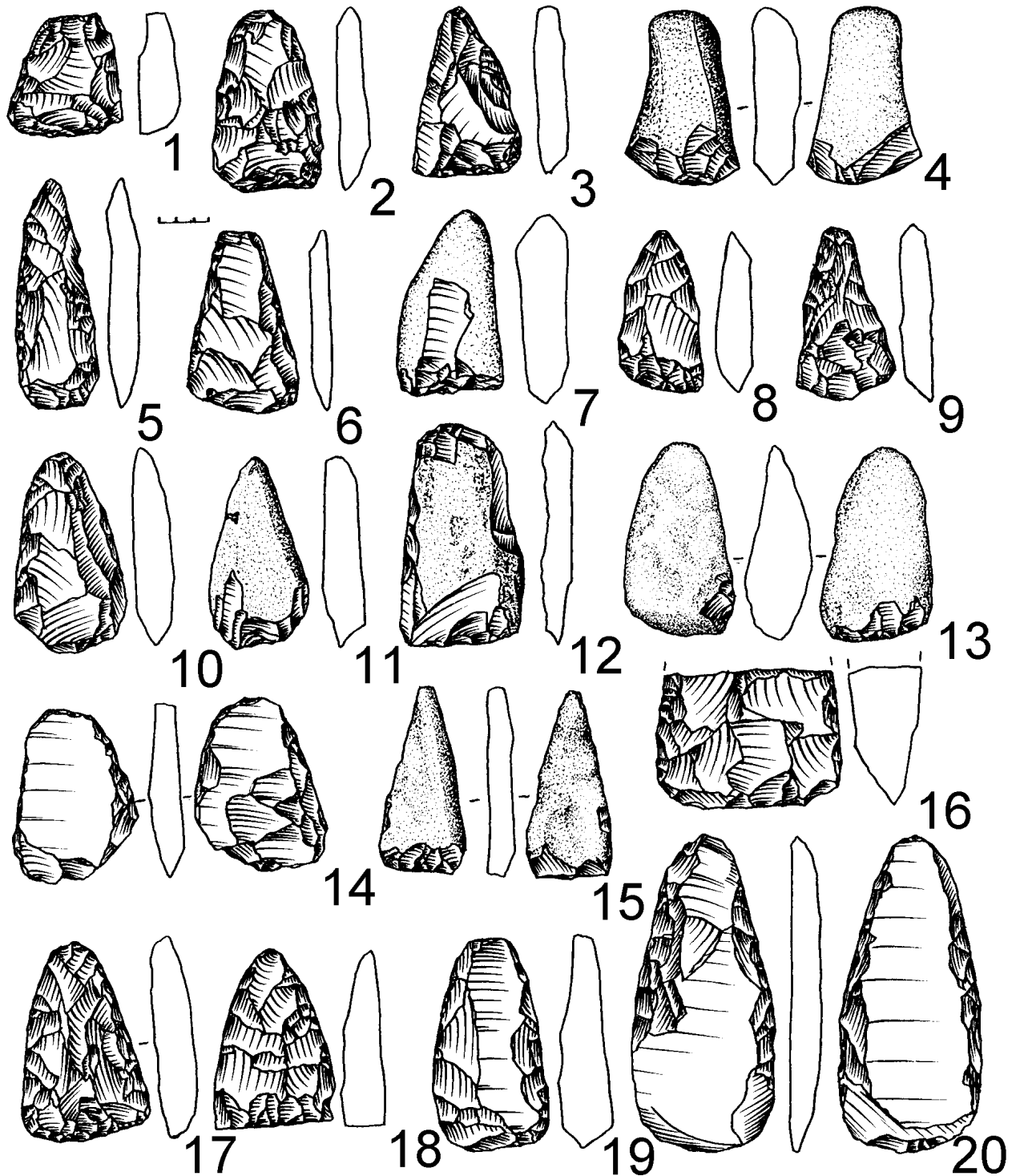

Рис.13. Рубящие орудия. 1-15, 17, 19, 20 - Кожай 1; 16, 18 - Кумкешу 1.

мой или округлый обух в плане, в продольном сечении приостренный или уплощенный (рис. 13, 1,2,4,6,12,14,19).

Продольные сечения орудий обеих групп в лезвийной части по преимуществу асимметричны. Часть рубящих орудий имеет сильно сработанные (забитые) лезвия, при-

чем в этом случае рабочий край вогнутый или скошен (рис. 13,2,7).

Особую группу составляют шлифованные рубящие орудия. Их немного, имеются они в коллекциях с поселений Кожай 1, Кумкешу 1 и клада Аксу (рис. 13,4). Орудия треугольной, трапециевидной и прямоугольной формы. Изготовлены двусторонней оббивкой, затем пришлифованы по всей плоскости или только по лезвию. В продольном сечении они большей частью асимметричные.

Утюжки. Собственно утюжки, то есть предметы овальной формы в плане с поперечным желобком на спине в сечении приближающиеся к сегменту, представлены обломками. Найдены они на поселении Кожай 1 (рис. 12,3), Малом Аксуате, Токанае 9 (рис. 12,12).

Утюжок из Малого Аксуата отличается своими размерами. Длина его около 21 см, обычно они меньше. Кроме того на нем два желобка: один поперечный широкий и глубокий, другой продольный узкий.

Утюжок с Токаная 9 также имеет два желобка. Они расположены на разных плоскостях орудия.

Утюжки поселения Кожай 1 орнаментированы резными линиями (рис. 12,3).

Подобные целые предметы были найдены на поселении Бестамак, однако нельзя с уверенностью утверждать что они связаны с материалами терсекской культуры.

Другие орудия, отнесенные в эту группу, отличаются формой и размерами от собственно утюжков. Объединены они по признаку наличия желоба. Как правило, орудия плоские. Обломки плоских орудий прямоугольной и ромбической формы с продольным желобом найдены на поселениях Кумкешу 1, Кожай 1. Найдены предметы с двумя и, вероятно, с тремя желобами на спинке. Иногда продольные или поперечные желобки встречаются и на брюшке.

Одно орудие из Кожая 1 представляет особый интерес так как несколько отличается от остальных. Боковые плоскости украшены косыми нарезками, спинка украшена большим количеством высверленных ямок. Продольный желоб приподнят над основной плоскостью орудия (рис. 12,14).

Ступки. На поселении Кожай 1 найдено пять целых ступок, на Кумкешу 1 – 7 целых и два обломка. Предметы размером более 90 мм, толщиной от 50 до 100 мм. В плане подпрямоугольной формы. Имеют одну или две вогнутые (иногда чашевидные) поверхности (рис. 12,16).

Песты. Орудия шлифованные. Изготовлены из плотных пород камня или крупнозернистого песчаника. В работе могли использоваться оба торца. Форма конусовидная, овальная или подпрямоугольная. Высотой от 50 до 245 мм, шириной от 36 до 93 мм. Нередко в качестве заготовки для песта использовались гальки подходящей формы или кремневые конкреции.

Один пест из Кожая 1 имеет широкие поперечные желобки (рис. 12,9).

Абразивы. Предметы использовавшиеся для шлифования, полирования, доводки и заточки каменных, костяных и металлических орудий, а также предметы использовавшиеся для изготовления керамики и растирания каких-то веществ. Последние изготовлены из мелкозернистых пород песчаника и представлены в основном обломками (рис. 12,5).

Основная часть абразивов изготовлена из крупнозернистого песчаника. Как правило, это бруски прямоугольной или овальной формы с вогнутыми или ровными, очень редко выпуклыми плоскостями. Часть орудий имеют желобки (рис. 12,1,2).

Ретушеры. Орудия подтреугольной, подпрямоугольной, овальной или шаровидной формы, небольшие. Изготовлены из галек, плиток, толстых отщепов или обломков орудий. Следы сработанности в виде звездчатых вдавлений фиксируются на торце или одной из длинных сторон орудия, иногда в сочетании (рис. 12,7).

Штампы. Каменные штампы найдены только на поселениях Кожай 1 и Кумкешу 1. Изготовлены из плоских галек, по краю которых нарезаны зубчики, или обломков орудий (рис. 14,18). Один штамп из плоской галечки в виде подвески (имеет сквозное отверстие) (рис. 14,20).

На поселении Кумкешу 1 найдена шлифованная очень тонкая и небольших размеров пластинка треугольной

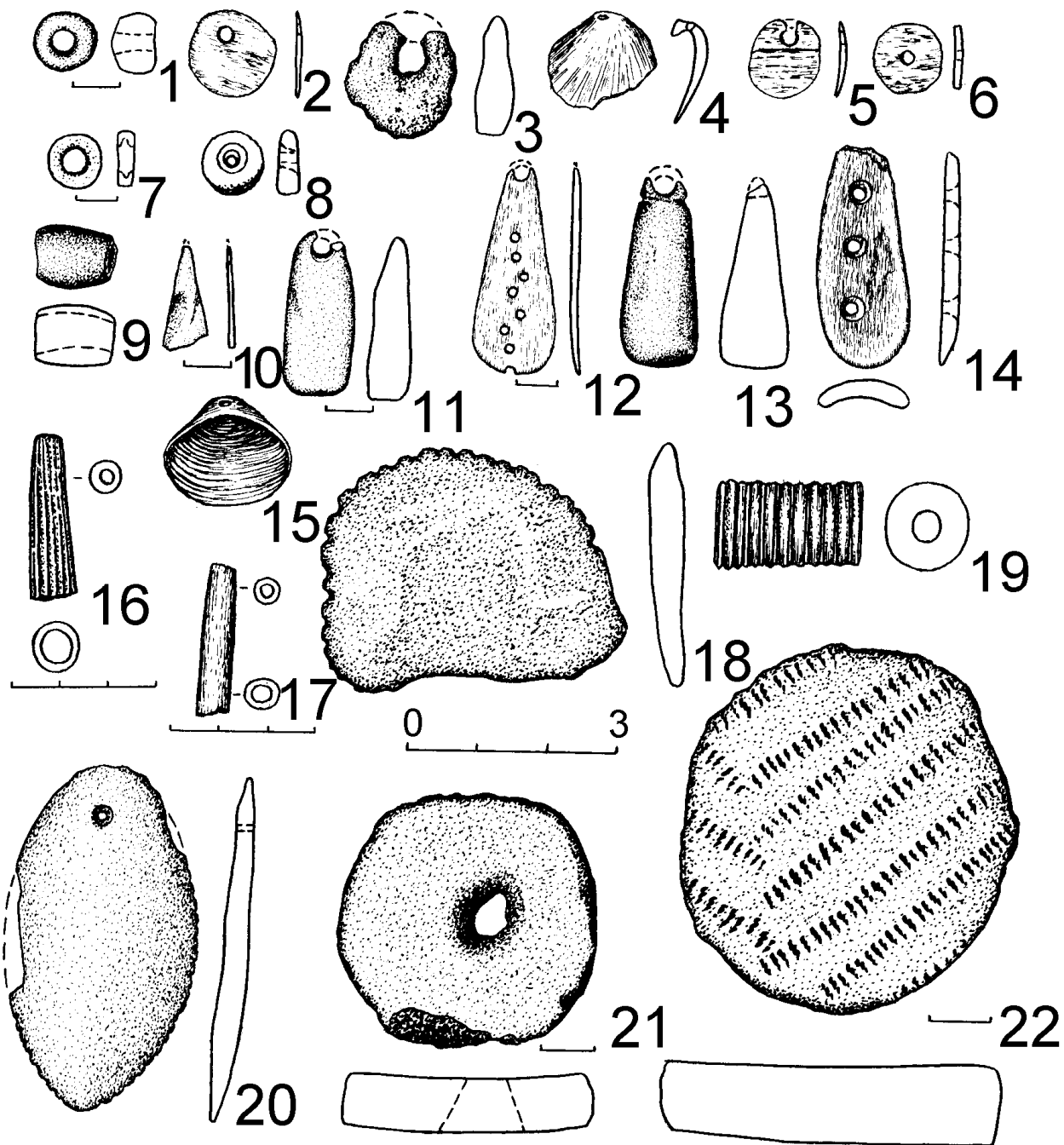

Рис.14. Изделия из кости (1-8, 12, 14-17, 19), камня (9-11, 13, 20) и керамики (21-22).1, 10, 11 - Кумкешу 1; 2-9, 12, 13, 15-22 - Кожай 1; 14 - Каинды 3.

формы (рис. 14,10). Не исключено, что она могла использоваться и для орнамента керамики.

Наконечник листовидной формы с прямым основанием, изготовленный краевой встречной ретушью из отщепа

сколотого со шлифованного предмета, найден на поселении Кумкешу 1.

Костяные орудия. Изготовлены из целых и расщепленных ребер, грифельных костей, метаподий крупных животных и костей птиц. Орудий из трубчатых костей и лопаток значительно меньше.

Преобладают острия и кочедыки (рис.15,1,4,9,10). Острия в сечении круглые, подтреугольные и линзовидные. Использувавшиеся в качестве проколов грифельные кости обработаны только на острие (рис. 15,4,8,9).

Найдены также долотовидные орудия (рис. 15,14), наконечник пешневидного орудия (рис. 15,17), обломки орудий имевших отверстия (рис. 15,6). Все они изготовлены из трубчатых костей животных.

В единичных экземплярах найдены такие орудия как скребок, штамп, лощило, наконечник(?), скобель(рис. 16,7,9,12).

На некоторых предметах по заключению Т.А. Даниленко фиксируются следы использования при их изготовлении металлических орудий.

Следует также отметить наличие других поделок из кости. Это трубочки, найденные на поселении Кожай 1 (рис. 15,13); фаланги лошади и кулана с нарезками на тулове и головке (рис. 12,11,15,17; 16,1-3); фаланги сайги с просверленными отверстиями или нарезками на тулове (рис. 15,2; 16,4-6); другие кости с поперечными нарезками (рис. 15,12,16).

Особый интерес вызывают кости из Ливановки 1, которые украшены геометрическим орнаментом (рис. 12,11).

Металлические орудия. Найдено два предмета. Один – в переходе из сооружения 7 в сооружение 8 на поселении Кожай 1 на глубине 90 см, второй – на поверхности стоянки Ливановка 2 (рис. 12,10; 16,8).

Медное шило(?) из Кожая 1 имеет длину 64 мм, ширина одного конца 7 мм, другого 4 мм. Изготовлено ковкой. По заключению лаборатории естественных научных методов Института археологии АН СССР шило отковано из меди, выплавленной из полиметаллических руд, "химический состав металла не соответствует тому, что извест-

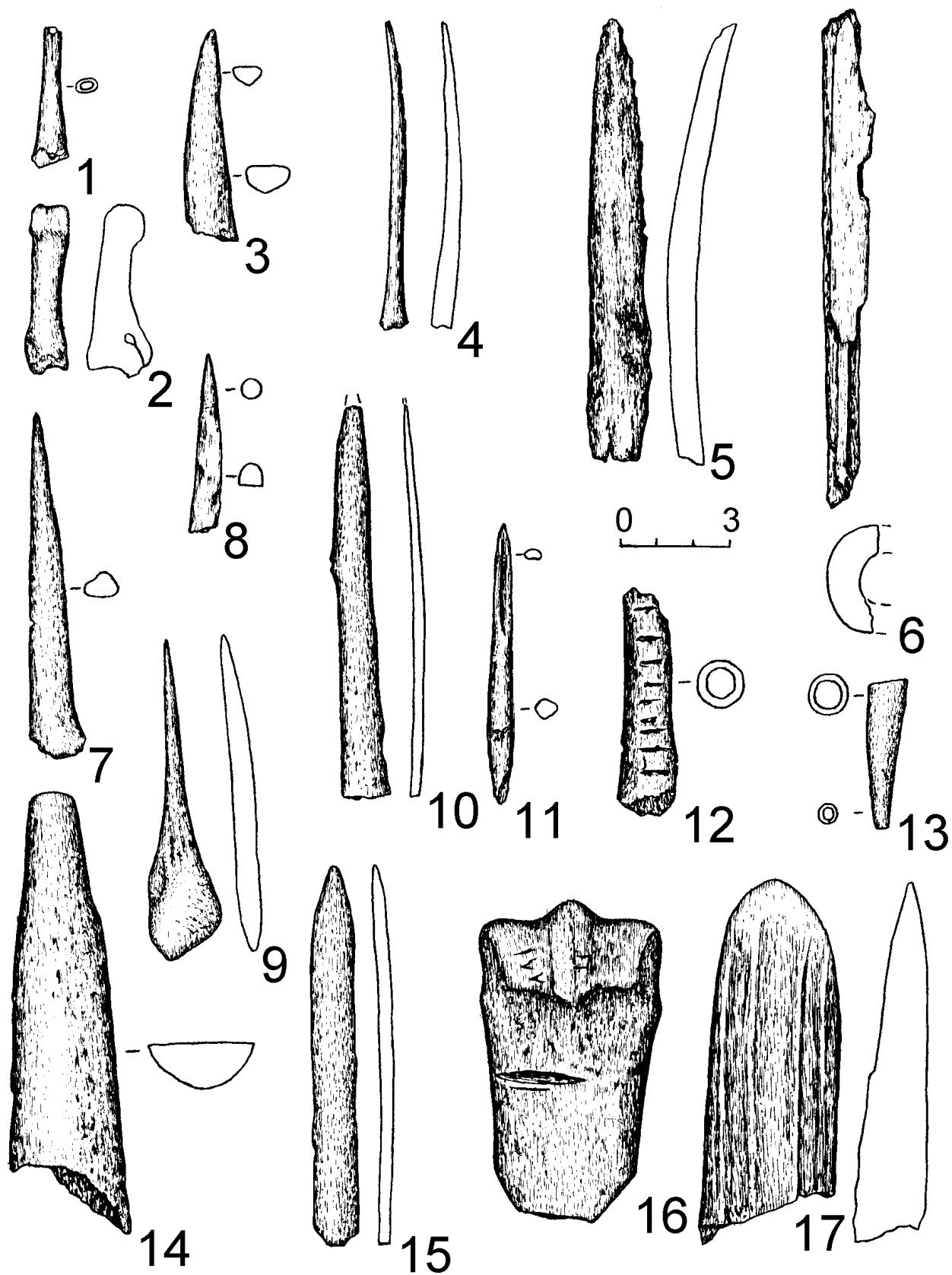

Рис.15. Изделия из кости. 1-7, 9, 10, 13-17 - Кожай 1; 8, 11, 12 - Кумкешу 1.

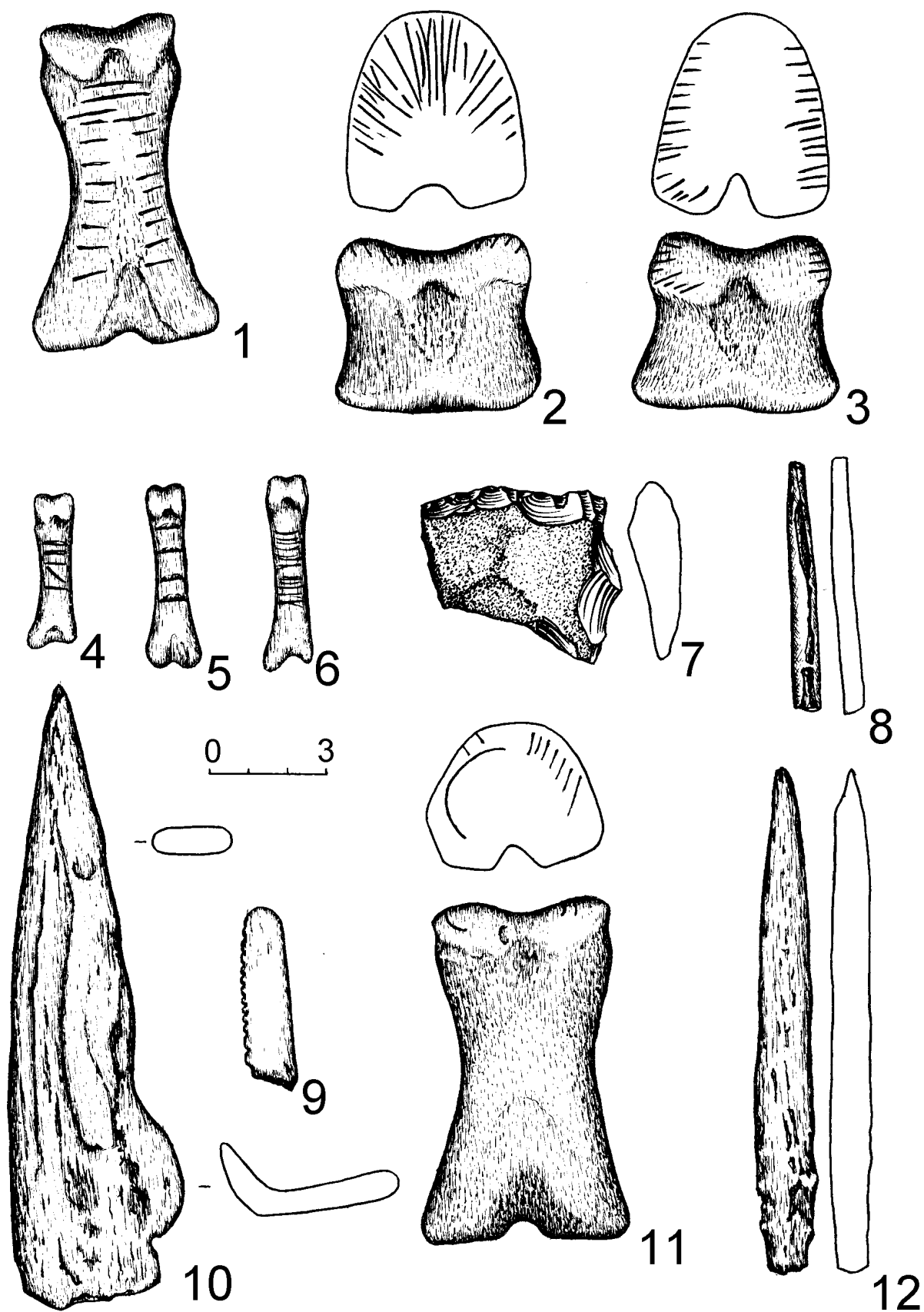

Рис.16. Изделия из кости и металла (8). 1-8, 11 - Кожай 1; 9, 10, 12- Кумкешу 1.

но в настоящее время для исследованных материалов Казахстана, Урала и более западных территорий".¹

Кроме этого орудия на поселении найдены кусочки руды. Часть их связана с сооружениями 7, 11 и 12, а часть залегала выше уровня уверенной фиксации сооружений, над ними, в горизонте от 10 до 40 см, над сооружениями 12,13,14.

Орудие из Ливановки 2 длиной 129 мм, шириной 10 мм. По химическому составу (анализ был выполнен в той же лаборатории) оно идентично металлическим предметам ямной культуры и энеолитических памятников Южного Урала (рис. 12,10).

Керамические орудия представлены пряслицами и обломком грузила конусовидной формы (Кумкешу 1). Пряслица изготовлены в основном из обломков сосудов (рис. 14,21,22).

Следует упомянуть также, что из камня, кости и раковин изготавливались **украшения**. Найдены подвески изготовленные из камня, кости, раковин, а также бусы.

Каменные подвески удлиненной треугольной и подпрямоугольной формы, отверстие расположено на узком конце (рис. 14,11,13). Подвески из кости, украшенные сквозными отверстиями, подтреугольной и овальной формы (рис. 14,12,14). Подвески из раковин изготовлены из створок беззубки, раковин *Cardium* и ископаемых моллюсков (рис. 14,2,4,5,15,17,19).

Бусы каменные бочонкообразные или плоские цилиндрические (рис. 14,1,8,9). Отверстия в них обычно биконические. Бусы из раковин отличаются от подвесок только расположением отверстия (рис. 14,6,7,16).

В заключение отметим, что описанный комплекс орудий труда и поделок достаточно типичен для времени бытования терсекских памятников.

¹ Информация 1988 года.

Глава 3 **Керамика**

Керамика терсекских поселений Тургайского прогиба представляет собой одну из наиболее важных и интересных категорий находок. К сожалению мы не имели возможности подвергнуть всю керамическую коллекцию технологическому анализу. Однако Т.М.Тепловодская любезно согласилась сделать анализ части керамики с поселений Кумкешу 1 (100 фр.) и Кожай 1 (104 фр.). Результаты анализа оказались интересными, хотя безусловно они дают лишь самое общее представление о технологии изготовления керамики терсекским населением.

В качестве основного сырья на обоих памятниках использовались ожелезненные глины с естественной примесью полевых шпатов и кварца; полевых шпатов, кварца и бурого железняка; полевых шпатов, кварца и слюды. На Кумкешу 1 кроме того встречены сосуды для изготовления которых использовалась глина с естественной примесью полевых шпатов, кварца, бурого железняка, известняка, а также глина с этим набором признаков плюс слюда. Для Кожай 1 специфической является глина с естественной примесью полевых шпатов, кварца и гипса.

На Кожае 1 рецептов формовочных масс немного – всего три. Они сложные двух-трехкомпонентные. Больше всего фрагментов от сосудов изготовленных с добавлением гранитной дресвы и навоза крупных животных. В анализированной коллекции эту формовочную массу представляют примерно 70% черепков. Около 20% этой коллекции представлены фрагментами сосудов изготовленных из глины с добавлением гранитной дресвы, шамота и навоза крупных животных. В формовочной массе трех фрагментов сочетаются такие искусственные примеси как гранитная дресва и ракушка.

Картина по формовочным массам Кумкешу 1 более сложная. Значительная часть подвергнутой анализу коллекции, примерно 30% черепков, изготовлена из так называемых "чистых", однокомпонентных формовочных масс. Среди них абсолютно преобладают (23) фрагменты с

примесью ракушки в тесте. Фрагменты от сосудов с примесью шамота, гранитной дресвы, талька или навоза крупных животных единичны.

Для изготовления остальных сосудов использовались сложные двух-трехкомпонентные формовочные массы, в которых в различной композиции сочетаются примеси отмеченные в "чистых" формовочных массах. Кроме того в отдельных случаях отмечается наличие в тесте комочков сухой глины. Больше всего (59) случаев использования двухкомпонентных масс, причем примерно около половины их (25) имеют в тесте примесь гранитной дресвы и ракушки. В целом же, если говорить о сложных составах, то в них мастера поселения Кумкешу 1 предпочитали использовать такие искусственные примеси как навоз животных (53 случая), гранитную дресву (44), ракушку (26) и шамот (22).

Поскольку фиксируется разная структура теста сосудов (плотная, рыхлая, слоистая), можно предполагать, что существовали разные методы подготовки формовочных масс.

Формовка сосудов на обоих памятниках чаще всего проводилась с использованием шаблона лоскутным или спиральным налепом. На Кумкешу 1 на одном фрагменте фиксируется сочетание лоскутного и кольцевого налепа. На Кожае 1 в одном случае отмечено использование шаблона с тканевой основой. Небольшая часть сосудов формовалась без шаблона кольцевым ленточным налепом. На Кумкешу 1 фиксируется один случай, когда днище было изготовлено отдельно и затем пристыковано к сосуду изнутри.

После того как сосуд был сформован, внешняя и внутренняя поверхности его обычно заглаживались. Чаще всего заглаживание производилось рукой, реже каким-то деревянным инструментом, кожей. На единичных сосудах прослеживаются следы заглаживания тканью. Часть сосудов Кумкешу 1 подвергалась лощению.

Практиковалось два вида обжига: восстановительный (преобладающая часть сосудов) и окислительный (на Кожае 1– 5 фр.; на Кумкешу 1– 17 фр.). В кожайской коллек-

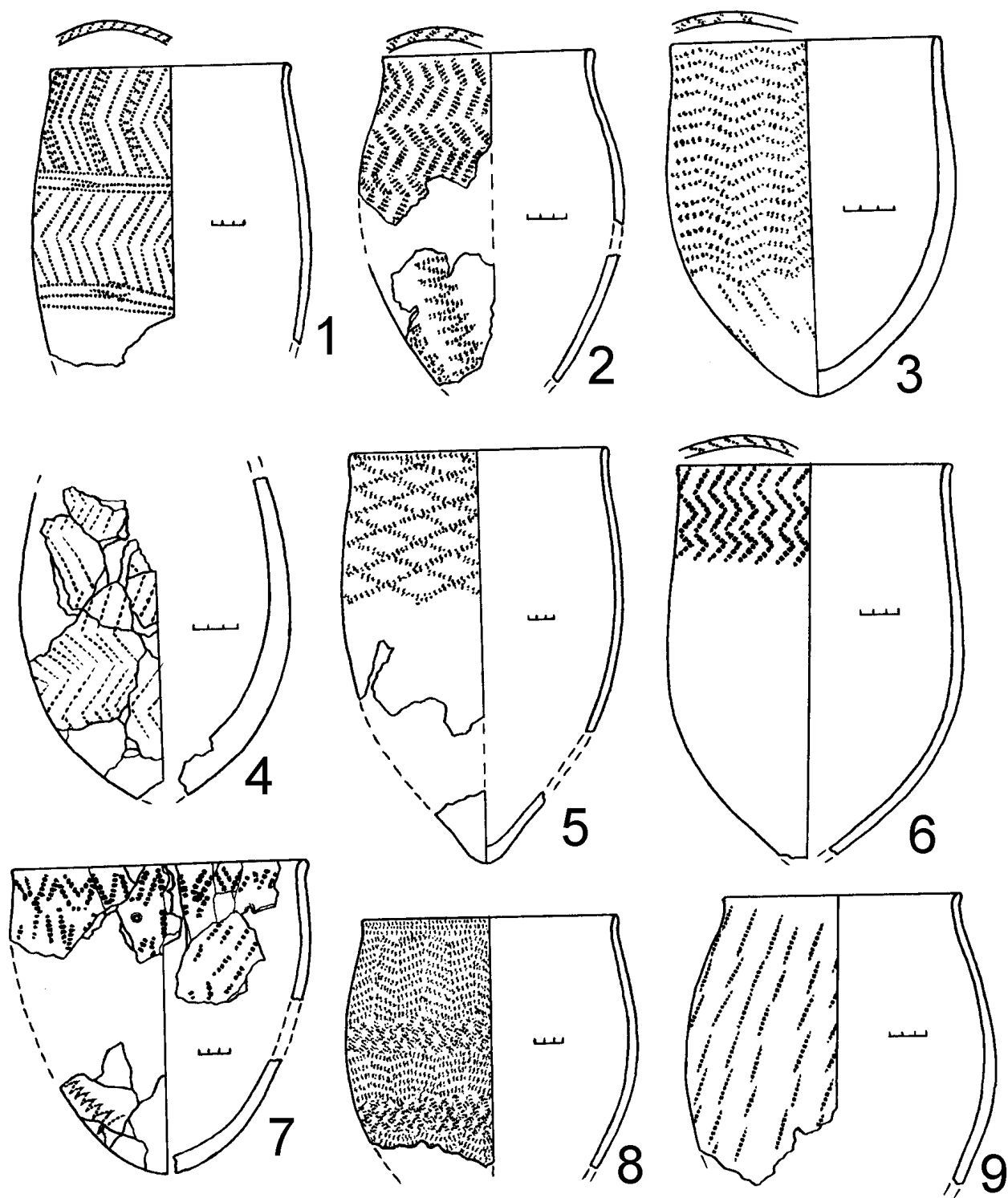

Рис.17. Керамика. 1-6, 9 - Кожай 1; 7 - Токанай 9; 8 - Агайдар 1.

ции керамики, изучавшейся Т.М.Тепловодской, примерно четверть фрагментов подвергалась вторичному действию огня.

По форме целых сосудов и крупным фрагментам верхних частей их выделяется несколько групп керамики.

К первой наиболее многочисленной группе нами отнесены сосуды со слегка раздутым туловом, стенки которых наклонены внутрь сосуда. Шейка короткая, слабо выделенная, слегка отогнута наружу. Резко преобладают сосуды с уплощенным венчиком. С округлым венчиком сосудов значительно меньше. Единичные сосуды имеют приостренный венчик. Очень редко встречается волнистое оформление венчика. Дно острое (иногда шиповидное) или округло-приостренное (рис. 17,1,2,5, 6,8,9; 18,1-9; 19,1,2,7,9; 20,2,4,5,7-9; 21,1,2,5,8; 22,1,2,6,7,9). По расположению наиболее раздутой части тулова в этой группе выделяется три варианта сосудов:

1. Наибольшая раздутость тулова отмечается в верхней половине сосуда. Такие сосуды наименее многочисленны в рассматриваемой группе и более всего характерны для северотургайских памятников. Здесь они встречены на Дузбае 3, Ливановке и Соленом Озере 1 (рис. 22,1, 3,4). Для последнего памятника это пожалуй ведущая форма сосуда. В Южном Тургае такие сосуды в единичных экземплярах представлены на Токанае 7, Кумкешу 1 и Кожае 1 (рис. 18,7). Обращает на себя внимание, что сосуды этого варианта в большинстве своем украшены зубчатым штампом. Только на одном сосуде из Кожае 1 орнамент выполнен оттисками веревочного штампа.

2. Наибольшая раздутость тулова приходится на середину высоты сосуда. Этот вариант наиболее многочислен и более всего характерен для южнотургайских памятников (рис. 17,1,8; 18,1,2, 6,8,9; 19,9; 20,2,4,5,7; 21,5; 22,2). В Северном Тургае такие сосуды представлены только в материалах Бестамака. В отличие от сосудов первого варианта при нанесении орнамента в равной степени использовались как зубчатые, так и веревочные штампы.

3. Наиболее раздутая часть тулова приурочена к нижней половине сосуда. Сосуды этого варианта, так же как и первого, немногочисленны. Пока они встречены лишь на поселениях Кожае 1 и Кумкешу 1 (рис. 18,5; 21, 2,8).

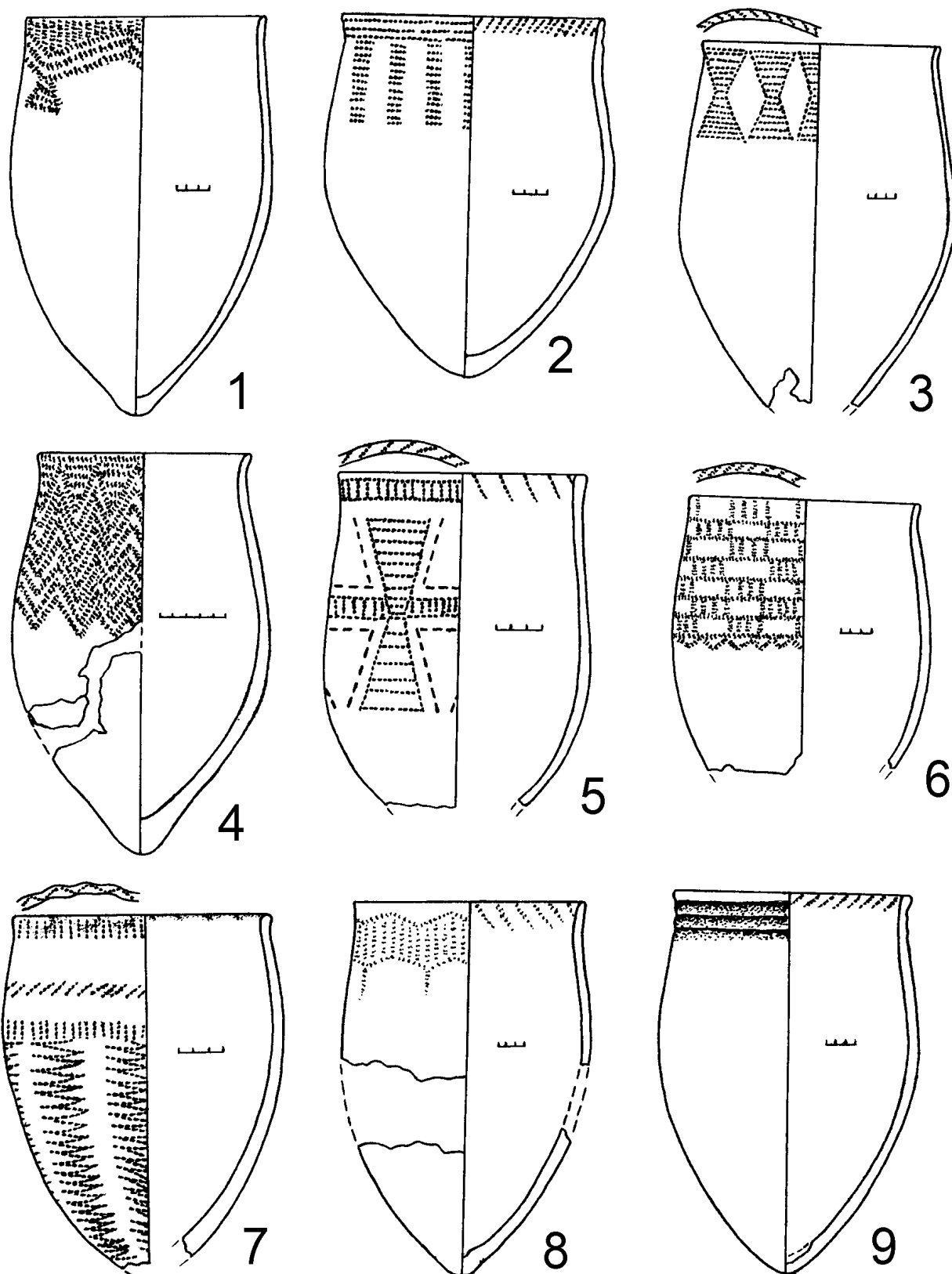

Рис.18. Керамика поселения Кожай 1.

Ко второй группе отнесены сосуды с цилиндрическим или почти цилиндрическим туловом. Цилиндрическая часть занимает примерно половину высоты тулова. Вторая половина приходится на коническое (или близкое к коническому) дно. Шейки не выделены. Верхний край сосуда иногда отогнут наружу. Срез венчика уплощенный или округлый, очень редко приостренный (рис. 17,3; 19,3, 6; 21,3,4). Основная масса сосудов этой группы найдена на южнотургайских памятниках. На севере Тургайского прогиба они встречены пока лишь на Бестамаке.

К третьей группе отнесены сосуды со слегка раздутым туловом и высокой, слабо выделенной шейкой. Уплощенный венчик слегка отогнут наружу. Целые сосуды не известны. Крупные обломки верхних частей (предположительно от трех сосудов) найдены только на Кожае 1.

Четвертая группа керамики представлена сосудами закрытой формы. Шейка не выделена. Венчик уплощенный. Верхний край сосуда иногда слегка отогнут наружу (рис. 18,6). Сосуды этой группы единичны. Встречены только на поселениях Кумкешу 1 и Кожай 1.

К пятой группе отнесены сосуды конической или близкой к конической формы. Венчики уплощенные и округлые. Большая часть их встречена на северотургайских памятниках Евгеньевка 2, Дузбай 2,3.

Наиболее полное представление о форме сосудов шестой группы дает поддающийся полной реконструкции сосуд найденный на поселении Кожай 1. Он небольшой, круглодонный, сравнительно хорошо профилированный, с короткой сильно отогнутой наружу шейкой. Найденные на Бестамаке и Кожае 1 фрагменты верхних частей сосудов аналогичной формы показывают, что бытовали экземпляры и существенно больших размеров. Для сосудов этой группы характерно округлое оформление среза венчика.

Нетрудно заметить, что все описанные группы керамики в определенной степени близки друг к другу и являются разными вариантами реализации одной идеи формообразования.

Довольно резко от них отличается седьмая группа ке-

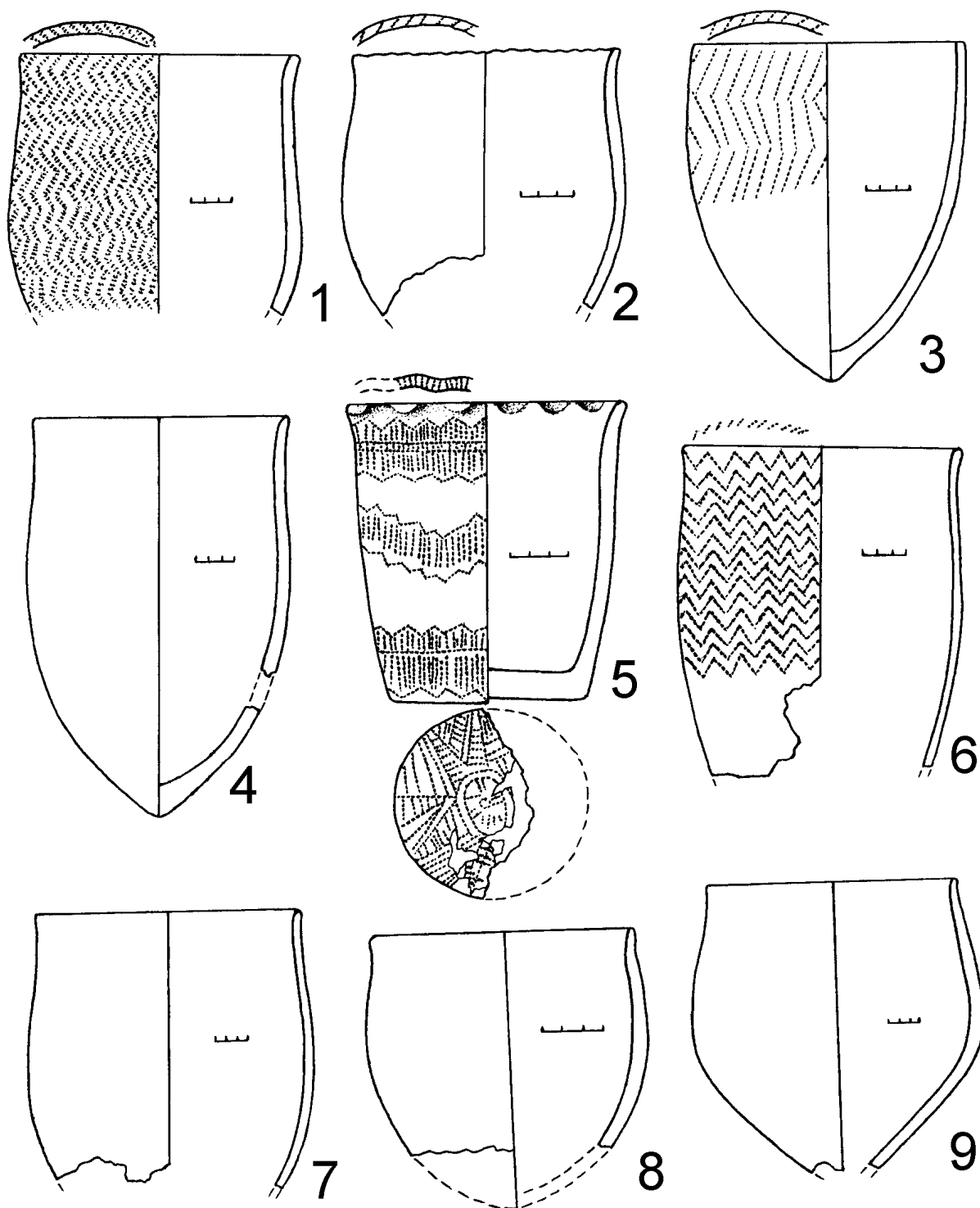

Рис.19. Керамика. 1-4, 6, 7, 9 - Кожай 1; 5 - Кумкешу 1; 8 - Бестамак.

рамыки, представленная всего четырьмя сосудами, найденными на поселении Кумкешу 1. Один сосуд целый, а три представлены фрагментами днищ. Целый сосуд плос-

кодонный баночной формы открытого типа. Венчик уплощенный волнистый (рис. 19,5). По форме он настолько отличается от остальных сосудов, что если бы не орнамент, то неизбежно возник вопрос о правомерности отнесения его к основному комплексу находок поселения Кумкешу 1. Однако техника нанесения орнамента, узор, равно как и технологические признаки, не позволяют это сделать.

Переходя к описанию орнаментации терсекских сосудов следует отметить, что привлекаемые нами памятники существенно различаются по представительности полученных на них коллекций керамики. Это делает их статистически трудно сопоставимыми. Лишь три памятника дали более или менее сопоставимые по числу находок материалы: Кожае 1 (572 сосуда), Кумкешу 1 (658 сосудов) и Бестамак (373 сосуда). В это число, помимо целых экземпляров, включены также сосуды выделенные по достаточно крупным фрагментам их верхних частей. Следует также иметь ввиду, что терсекская керамика Бестамака выделена типологически из коллекции имеющей в своем составе находки от неолита до бронзы.

Наши памятники существенно различаются по степени употребляемости орнамента. Это явление четко фиксируется уже при подсчете орнаментированных и неорнаментированных сосудов¹. На Кожае 1 последних более 34%, на Бестамаке –15,3%, а на Кумкешу 1 –17%. На Соленом Озере 1 не имеют орнамента шесть верхних частей сосудов из четырнадцати.

Интересные результаты получаются при сопоставлении орнаментированных и неорнаментированных фрагментов стенок сосудов. Последние на Кумкешу 1 составляют 49,3% всех фрагментов стенок (от 8066 фр.), на Кожае 1 - 84,1% (от 16541 фр.), на Соленом Озере 1 - 62% (от 300 фр.).

Здесь мы имеем дело, естественно, как с фрагментами от неорнаментированных сосудов, так и с фрагментами

¹ Под неорнаментированными понимаются сосуды без орнамента на внешней поверхности. Бережок сосуда и внутренний край его могут быть украшены.

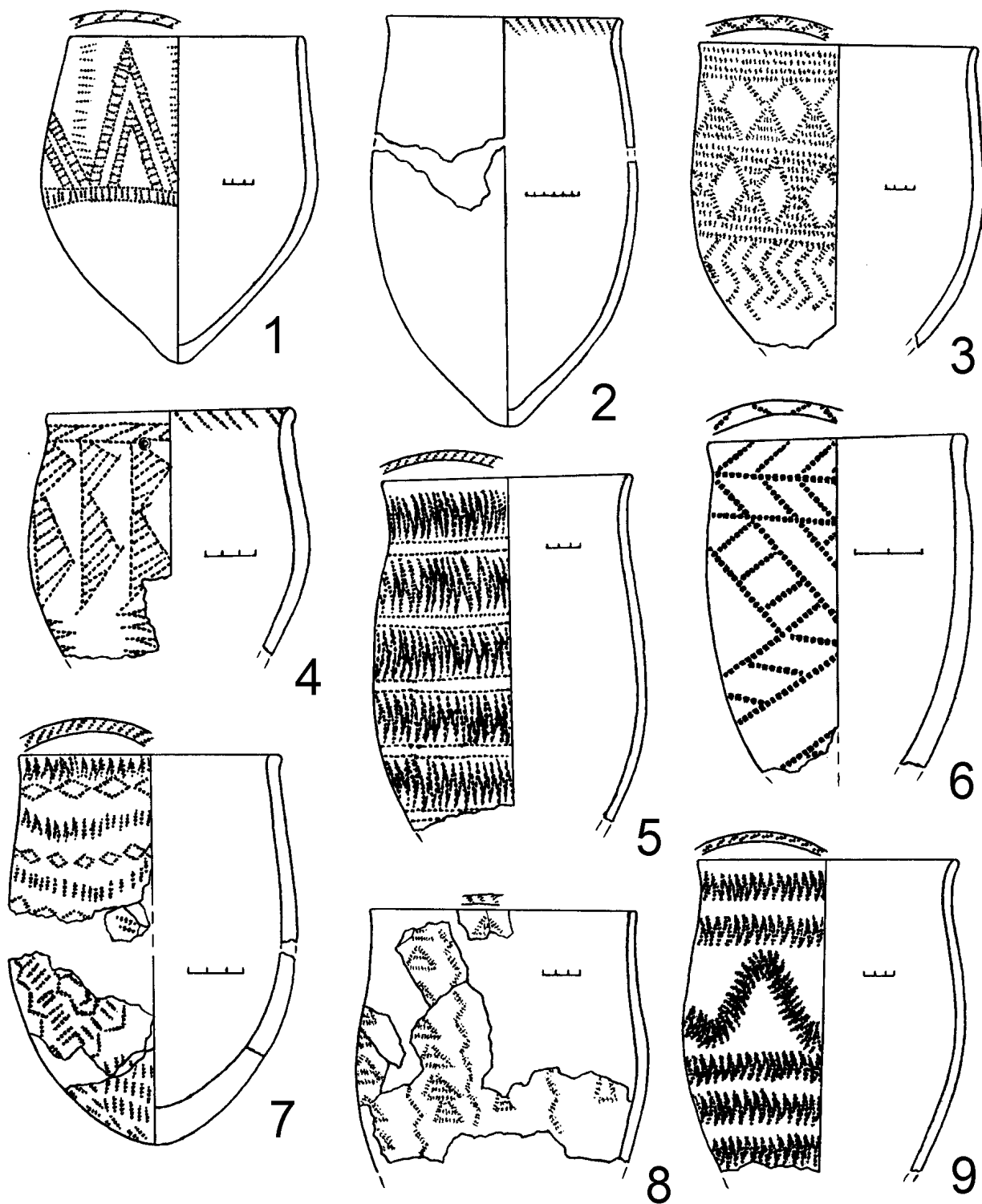

Рис.20. Керамика. 1, 2, 4, 6, 8 - Кожай 1; 3, 5, 7, 9 - Кумкешу 1.

сосудов, поверхность которых покрывалась орнаментом не полностью. Видимо не будет большой ошибкой, если мы предположим, что удельный вес фрагментов стенок от неорнаментированных сосудов в этих коллекциях пропор-

ционален удельному весу последних в коллекции сосудов, выделенных по целым экземплярам и крупным обломкам верхних частей. Таким образом, мы получаем возможность вычестить их и получить общее представление о количестве частично орнаментировавшихся сосудов. Проведя эту операцию, мы получаем на Кожае 1 примерно 49,7% частично орнаментированных сосудов (84,1%-34,4%), на Кумкешу 1 – 32,3% (49,3%-17%) и на Соленом Озере 1 – 20%. По Бестамаку мы к сожалению такие подсчеты не можем произвести, так как энеолитическая керамика на этом памятнике была выделена типологически, а с фрагментами стенок без орнамента такую операцию провести невозможно. Безусловно эти подсчеты дают лишь самое общее представление о степени употребляемости сосудов украшенных фризами. Можно, например, предполагать, что удельный вес их в действительности был несколько выше, чем у нас получилось, поскольку орнаментированная керамика более предрасположена к измельчению, чем неорнаментированная. Вместе с тем, нам представляется, что для сравнения однотипных памятников такие подсчеты правомерны и небесполезны. Сравнение полученных нами данных показывает, что частично орнаментированные сосуды более всего характерны для Кожая 1.

Это явление прослеживается и при анализе целых и реконструированных сосудов. На Кожае 1 украшенные лишь в верхней своей части сосуды достаточно обычны (рис. 17,5,6; 18,1-6,8,9; 19,3; 20,1; 21,4). На северотургайских памятниках и на Кумкешу 1 информация такого плана чрезвычайно скудна. По сути дела мы лишь на Дузбае 3 (1 сосуд) и Кумкешу 1 (2 сосуда) имеем свидетельства о бытовании частично орнаментированных сосудов. Анализ же коллекций фрагментов стенок приведенный нами выше показывает, что они были достаточно обычны для этих памятников, хотя и менее характерны чем для Кожая 1.

В абсолютном большинстве случаев терсекская керамика украшена узором выполненным оттисками зубчатого или веревочного штампа. Соотношение керамики с

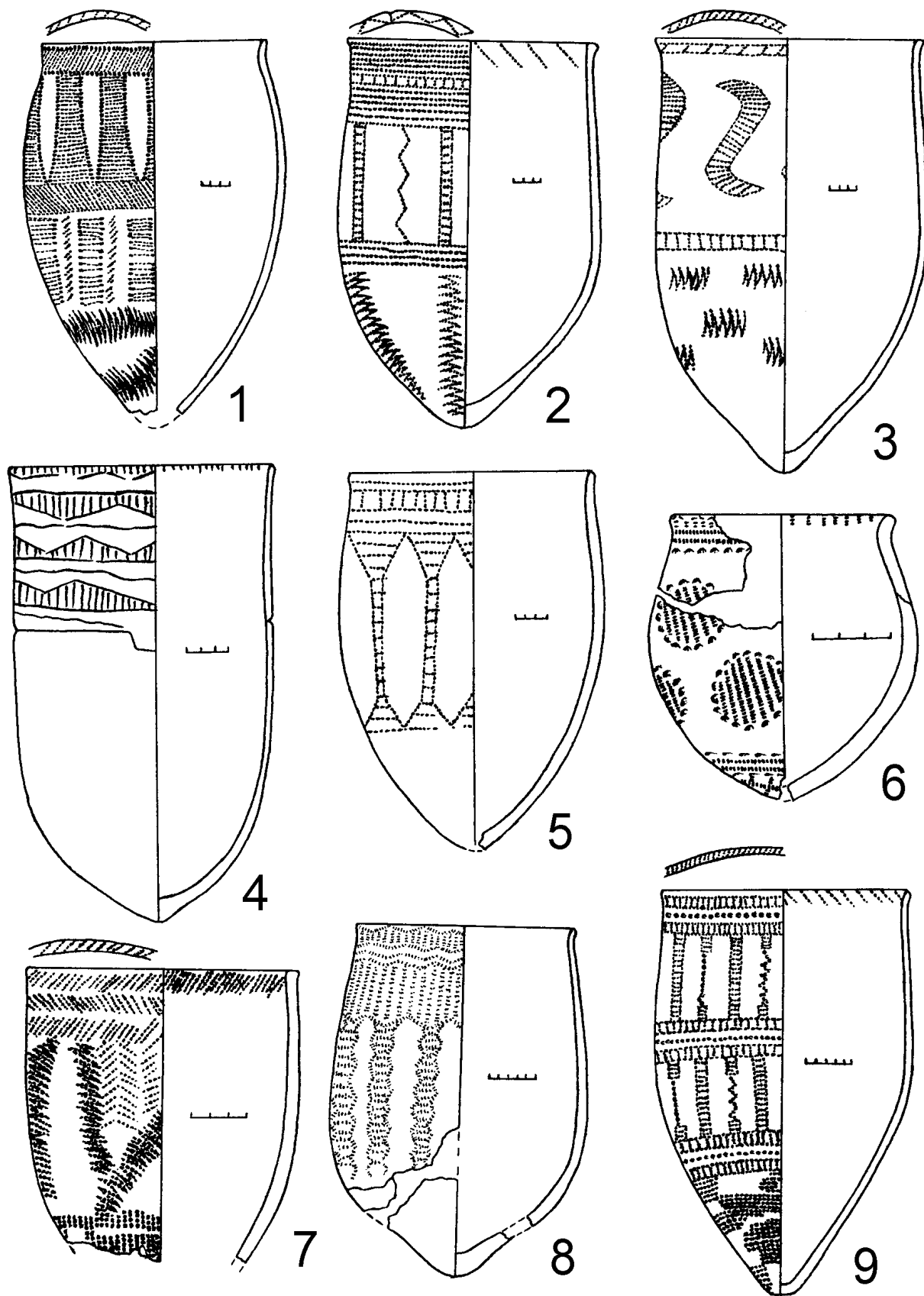

Рис.21. Керамика. 1-6, 8, 9 - Кожай 1; 7 - Кумкешу 1.

зубчатой и веревочной орнаментацией на памятниках различно. Так, если судить по сосудам, то на Кожае 1 керамики с зубчатой орнаментацией 37,3%, а с веревочной 44% от общего числа орнаментированных сосудов; на Кумкешу 1 – 66,1% и 6,99% соответственно; на Бестамаке – 66,1% и 7,9%; на Соленом Озере 1 все сосуды украшены зубчатым штампом. Близкие соотношения мы получаем и в коллекциях фрагментов стенок сосудов с орнаментом. На Кожае 1 44,5% фрагментов с орнаментом выполненным зубчатым штампом и 47,5% веревочным, на Кумкешу 1 – 34,8% и 2,64% соответственно, на Соленом Озере 1 фрагментов с веревочным орнаментом нет, а фрагменты с зубчатой орнаментацией составляют 95,4%. По Бестамаку такие подсчеты сделать невозможно.

Для нанесения орнамента использовались различные штампы: длинные и короткие, сравнительно узкие и широкие. На Соленом Озере 1 отмечено употребление двухзубого штампа, а на Кумкешу 1 фигурного. Размеры веревочных штампов были также различными.

Другие приемы нанесения орнамента представлены вдавлениями, оттисками трубочки, резным орнаментом, включая сюда оттиски гладкого штампа, насечки и прочерченные линии. Сосуды, украшенные с помощью только одного из этих технических приемов, на Кожае 1 составляют 13,3% всех сосудов, на Кумкешу 1 – 2,12%, на Бестамаке – 20,9%. На Соленом Озере их нет. Среди орнаментированных фрагментов стенок сосудов ситуация несколько иная. На Кожае 1 их 7,1%, на Кумкешу 1 – 0,64%, на Соленом Озере 1 – 4,6%. Эти данные показывают, что на памятниках, давших наиболее представительные коллекции керамики (Кожай 1 и Кумкешу 1), рассматриваемые приемы нанесения орнамента применялись для украшения верхней части сосудов чаще, чем нижней (рис. 21,5).

Редко, но встречаются сосуды, орнамент на которых выполнен с использованием двух приемов его нанесения. Чаще всего отмечается сочетание резного орнамента с узорами выполненными оттисками зубчатого или веревочного штампа, а также сочетание вдавлений с оттиска-

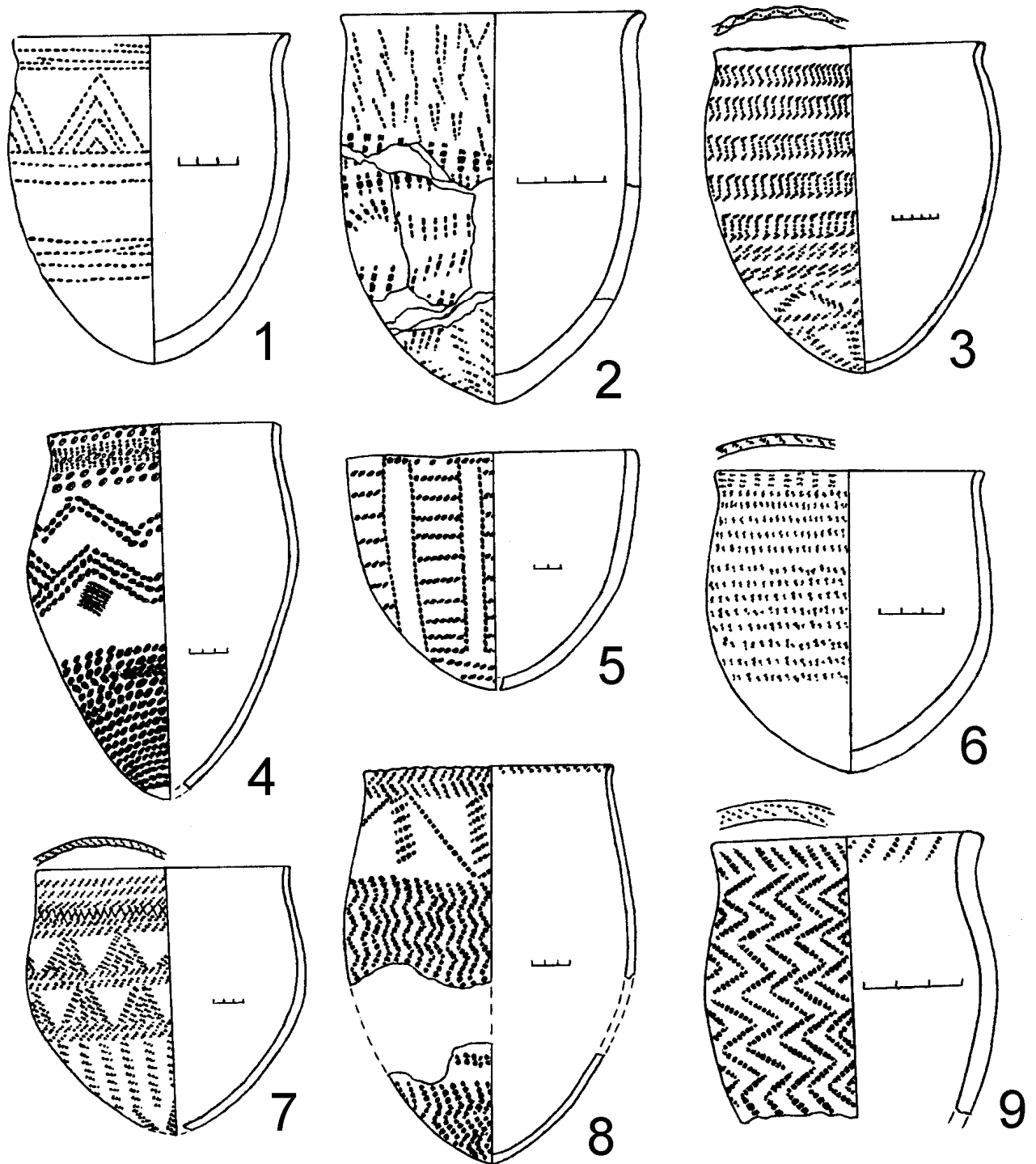

Рис.22. Керамика. 1, 6, 8 - Бестамак; 2, 7, 9 - Кумкешу 1; 3 - Ливановка; 4 - Дузбай 3; 5 - Евгенийевка 2.

ми трубочки, зубчатого и веревочного штампа или резным орнаментом. Чрезвычайно редко сочетаются оттиски зубчатого и веревочного штампов. Наличие такой керамики свидетельствует об одновременности бытования всех перечисленных выше приемов нанесения орнамента.

В узорах, покрывающих внешнюю поверхность сосудов, отмечается большое разнообразие составляющих их элементов орнамента (табл. I-V).

Последние можно свести в несколько групп:

1. Горизонтальные линии (табл. I,1-3; II,1-2; III,1-4; IV,1-2; V,1-2). Одиночные горизонтальные линии как самостоятельный вид орнамента практически не встречаются. Они использовались в композиции с другими элементами. Те немногие фрагменты верхних частей сосудов, имеющих одиночные горизонтальные линии, обычно невелики по размерам, и существует большая вероятность того, что на утраченных частях сосудов были и другие элементы орнамента. Чаще, хотя и достаточно редко, встречаются сосуды, внешняя поверхность которых вся или почти вся покрыта горизонтальными линиями¹.

Обычно же они применялись сгруппированными в виде полос из трех или более линий. В таком виде они часто представляли собой самостоятельный вид орнамента. Особенно он характерен для Кожая 1. Здесь примерно треть сосудов украшена только этим элементом орнамента. Следует отметить, что на этом памятнике рассматриваемый орнамент на сосудах украшенных с помощью веревочного штампа встречается в два раза чаще, чем на сосудах украшенных зубчатым штампом. На других памятниках сосуды с таким орнаментом встречаются несколько реже. Например, на Бестамаке они составляют примерно 20%. При этом следует иметь в виду, что на последнем памятнике высокий процент дали сосуды украшенные вдавлениями и насечками (табл.V,42-47). Если же мы возьмем только сосуды с веревочной и зубчатой орнаментацией, то получим показатель равный примерно 9%.

Полосы из горизонтальных линий чаще всего сочетаются с другими элементами орнамента. На Кожая 1 это явление отмечается примерно на 12% сосудов. На других

¹ Здесь и далее в подобных случаях под сосудами понимаются как целые экземпляры, так и сосуды выделенные по крупным обломкам верхних частей

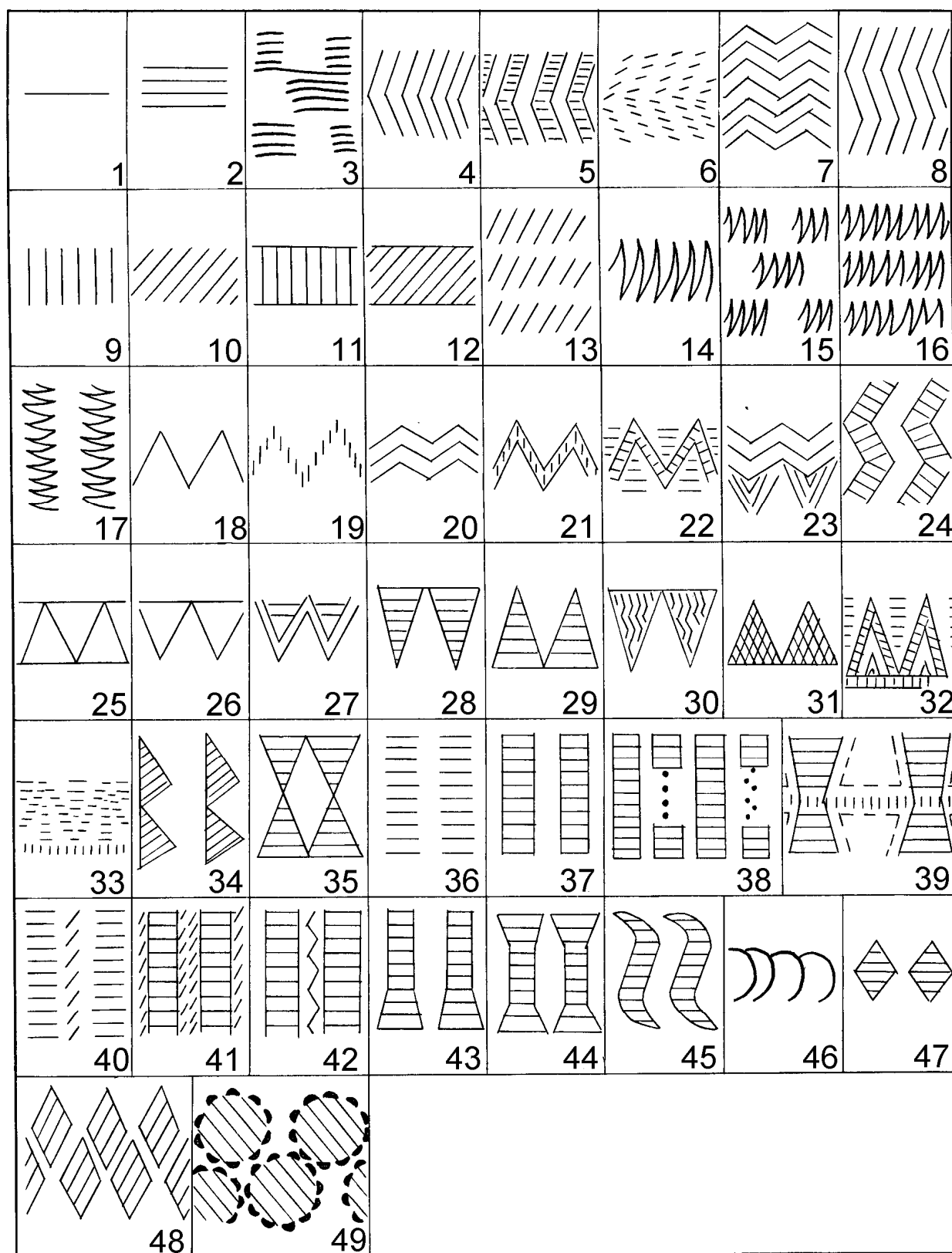

Таблица I. Орнаментальные мотивы гребенчатой керамики поселения Кожай I.

памятниках этот показатель несколько меньше (рис. 21,2; 22,1).

В эту же группу нами были отнесены встреченные на одном сосуде прямоугольники из коротких отрезков прямых линий расположенных относительно друг друга в шахматном порядке (табл. I,3).

2. Горизонтальная елочка (табл. I,4-6; II,3,4; III,7; IV, 3, 4; V,3). Наряду с традиционной, на Кумкешу 1 встречена елочка, края которой подчеркнуты линиями (табл. IV,4). На Кожае 1 отмечена прерывистая лента елочки и елочка из лесенок (рис. 17,1; 20, 6; табл. I,5; II,4). Здесь же встречена елочка составленная из коротких оттисков зубчатого штампа (табл. I,6). Сосуды, украшенные только елочкой, встречены лишь на Кожае 1. В сочетании с другими элементами орнамента они известны и на других памятниках.

3. Горизонтальные ряды из коротких вертикальных или наклонных отрезков линий. Так же как и выше описанные элементы орнамента выполнялись в различной технике (табл. I,9-18; II,9-13; III,8-11; IV,8-11; V,8-14,33, 34,48). Чаще всего встречаются одиночные ряды вертикально или наклонно поставленных оттисков короткого зубчатого или веревочного штампа. Иногда границы их оконтурены горизонтальными линиями, в результате чего получаются горизонтальные прямо или косо заштрихованные лесенки. В одном случае лента составлена из чередующихся участков горизонтальных и вертикальных отрезков прочерченных линий, а в другом из чередующихся заштрихованных и незаштрихованных участков (рис. 18, 5,7; 21,1,5,9). За редким исключением эти элементы орнамента используются в сочетании с другими.

Встречаются и сосуды, у которых вся внешняя поверхность или значительная часть ее покрыта горизонтальными рядами вертикальных или наклонных линий. В этом варианте известны и прерывистые ряды, в которых чередуются заштрихованные и незаштрихованные участки. Обычно они расположены относительно друг друга в шахматном порядке (рис. 18,6).

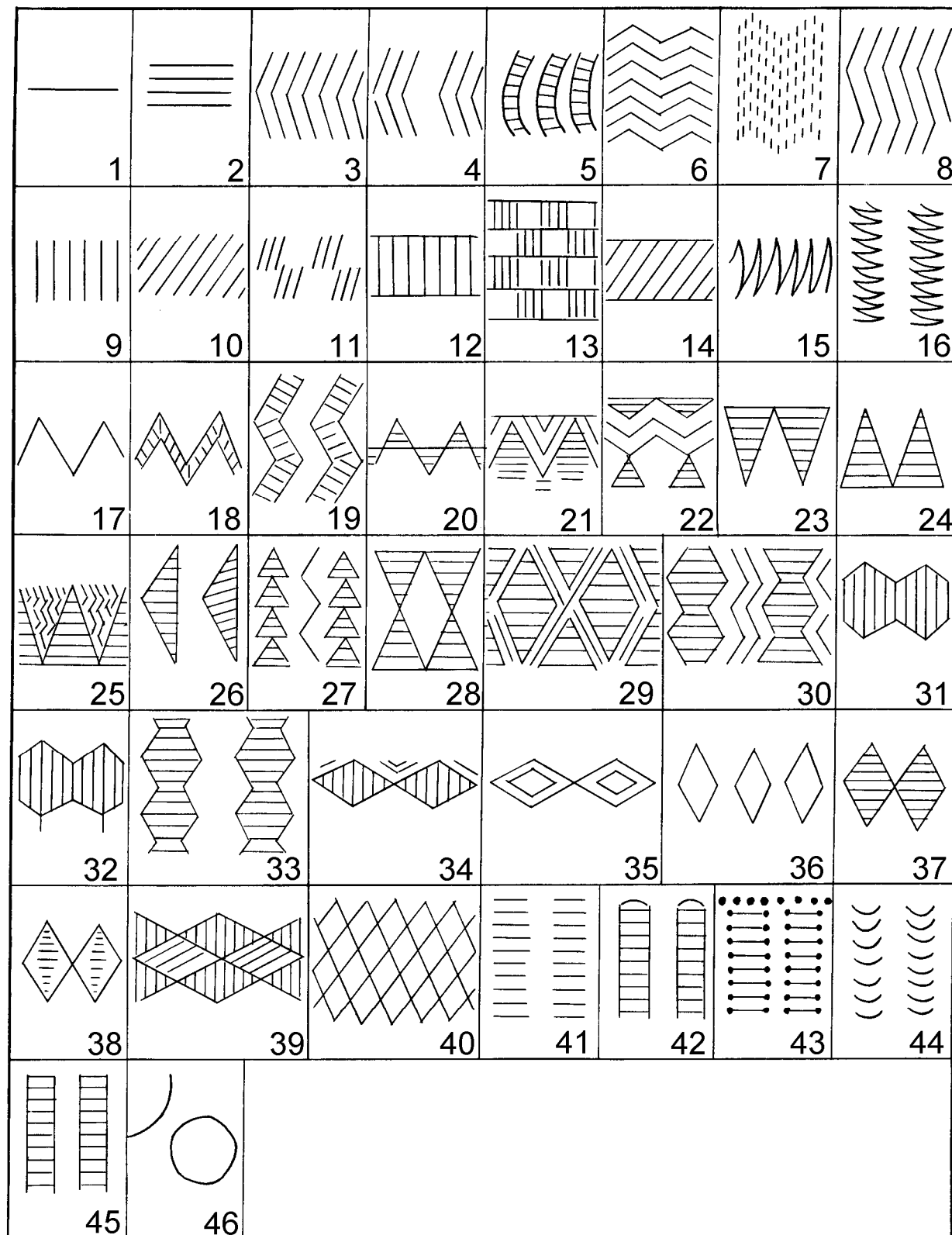

Таблица II. Орнаментальные мотивы веревочной керамики поселения Кожай I.

4. Горизонтальные ряды z-образных фигур встречены лишь на одном сосуде из Ливановки 1, где они покрывают большую часть его внешней поверхности (рис. 22,3).

5. Горизонтальные ленты качалки (табл. I,14-16; II,15; IV, 12-14; V,16,17). Обычно одиночные ленты применялись в сочетании с другими элементами орнамента. Вместе с тем, имеются сосуды внешняя поверхность которых сплошь покрыта этим элементом орнамента или же им покрыта значительная часть его. Ленты качалки иногда оконтурены горизонтальными линиями (рис. 20,5,9).

На Кожае 1 и Кумкешу 1 найдены сосуды в орнаментальной композиции которых участвуют расположенные в шахматном порядке короткие отрезки ленты качалки. Короткие отрезки ленты качалки встречены также на одном сосуде из Дузбая 3 (рис. 21,3; табл. I,15; IV, 47).

6. Горизонтальный зигзаг (табл. I,7,18-23; II,6,7,17,18; III,6, 18,19; IV,6,15-17,19,21,23; V,4,5,18). Одиночный горизонтальный зигзаг обычно применялся в сочетании с другими элементами орнамента. Отмечено несколько вариантов его: сплошная зигзаговая линия из длинных оттисков штампов, вдавлений или прочерченная; зигзаг, выполненный из коротких оттисков зубчатого или веревочного штампа; зигзаговая лента, составленная из отрезков лесенок (табл. I,18,19,21; II, 17,18; III,19; IV,15,16; V,18). Последняя иногда дополняется столбиками из коротких горизонтальных линий помещавшимися между вершинами (табл. II,32). Кроме того на Кумкешу 1 встречена зигзаговая лента с крупным шагом, выполненная качалкой (рис. 20,9; табл. IV,17). Здесь же на плоскодонном сосуде встречена широкая зигзаговая лента, поле которой заштриховано оттисками зубчатого штампа, а контуры образованы также зигзагами (рис. 19,5; табл. IV,19).

Помимо одиночных зигзагов встречены спаренные и зигзаговые ленты из трех и более параллельных зигзаговых линий. В одном случае к вершинам зигзаговых лент снизу приурочены вложенные друг в друга уголки, а в другом – маленькие заштрихованные треугольники (рис. 18,1; табл. I,23; II,22). В последнем варианте штриховкой поля между зубцами зигзага образованы треугольники и в

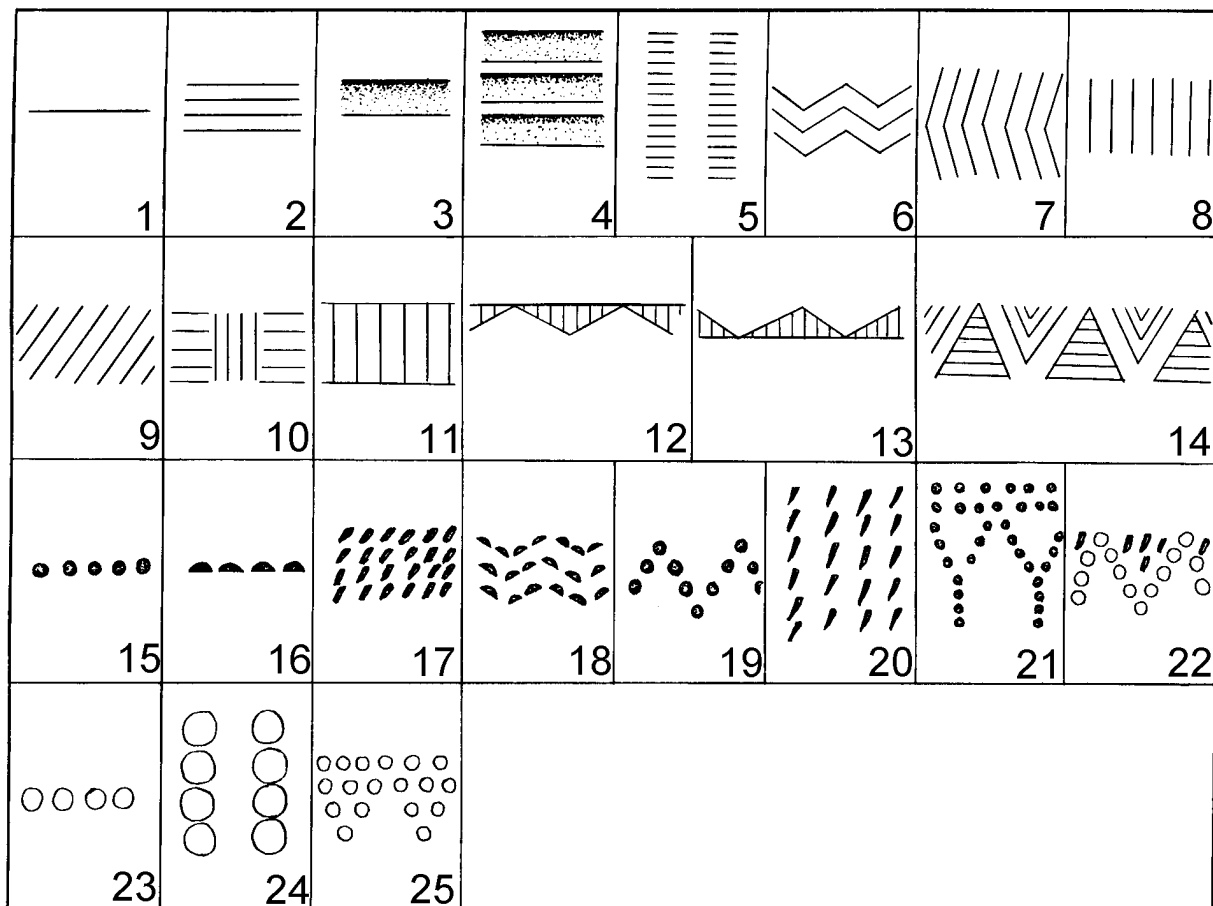

Таблица III. Орнаментальные мотивы керамики поселения Кожай I. 1-14 - резные линии; 15-21 - вдавления; 22 - вдавления и оттиски трубочки; 23-25 - оттиски трубочки.

верхней части зигзаговой ленты.

Значительно чаще, чем описанные виды, применялся многорядовый горизонтальный зигзаг. Обычно он покрывает всю или большую часть внешней поверхности сосудов. На Кожае 1 в одном случае этот вариант зигзага составлен из коротких вертикальных оттисков веревочного штампа (рис. 17,3,8; 18,4; 19,6; табл. II,7).

7. Вертикальный зигзаг. Обычно представлен многорядовым вариантом, покрывающим всю или значительную часть поверхности сосуда. Выполнялся только зубчатым или веревочным штампом (рис. 17, 2,4; 19,3; 20,3; 22,9). На Бестамаке есть сосуды, у которых в верхней части поверх многорядового горизонтального зигзага нанесен горизонтальный ряд круглоямочных вдавлений (табл. V,7). Значительно реже встречаются вертикальные зигза-

говые лесенки и ленты сгруппированные из трех-четырех вложенных друг в друга зигзаговых линий. Первые известны только на Кожае 1, а вторые на Кумкешу 1 и Бестамаке (табл. I,24; II,19; IV,50; V,29). Кроме того на Соленом Озере 1 встречен сосуд, большая часть внешней поверхности которого украшена одиночными рядом расположенными вертикальными зигзагами. Последние три элемента орнамента близки тем, которые ниже мы отнесли к группе элементов с вертикальным членением орнаментального поля.

8. Горизонтальные ряды треугольников. Эта группа элементов орнамента очень разнообразна. В основе многих из них лежит зигзаг. Так, контурные треугольники образовывались горизонтальным одиночным, а в одном случае спаренным зигзагом, примыкающим к горизонтальной линии. В зависимости от того, где располагалась горизонтальная линия, вверху или внизу, образовывались ряды треугольников обращенные вершиной вниз или вверх. Иногда контурные треугольники получались в результате нанесения зигзага между двумя горизонтальными линиями (табл. I,25-27; III,21; V,19-20). Вариантом этого элемента орнамента можно считать и треугольники, образованные зигзагом из горизонтальных оттисков короткого штампа, который примыкает к горизонтальному ряду вертикальных оттисков этого же штампа. На внутреннем поле треугольника имеется опущенная от вершины к основанию колонка горизонтальных оттисков штампа. Такие же колонки нанесены между треугольниками. Они встречены на Кожае 1 (табл. I,33). Близки им треугольники, обнаруженные на одном из сосудов Бестамака, которые сформированы зигзаговой линией примыкающей к горизонтальной елочке (табл. V,24).

Встречаются вложенные друг в друга треугольники. В чистом виде они известны на Бестамаке (табл. V,21,22). На Кожае 1 в одном случае этот элемент орнамента усложнен расположенными между треугольниками колонками. В другом случае описываемые треугольники сочетаются с рядом треугольников заштрихованных параллель-

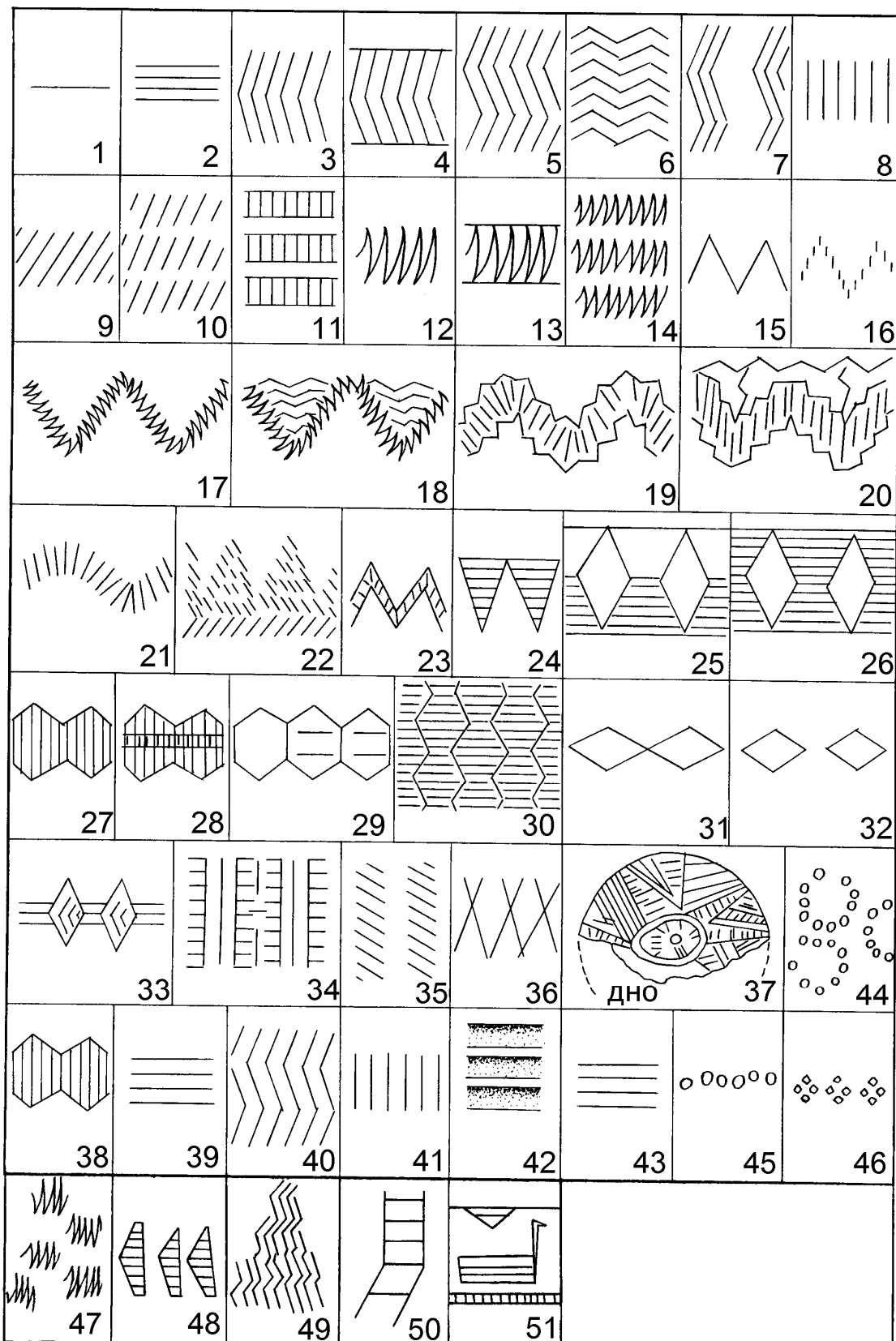

Таблица IV. Орнаментальные мотивы поселения Кумкешу I.1-37, 47-51 - зубчатый штамп; 38-41 - веревочный штамп; 42-43 - резные линии; 44-45 - вдавления; 46 - фигурный штамп.

но основанию (табл. II,21; III,14; V,21,22). На Кожае 1 в одном случае такие треугольники составлены из горизонтальной и зигзаговой лесенок (рис. 20,1; табл. I,32).

Чаще, чем другие разновидности треугольников встречаются треугольники заштрихованные прямыми линиями параллельно одной из сторон, обычно основанию. Разновидностью этого элемента орнамента являются и встреченные на Кумкешу 1 треугольники, выполненные оттисками короткого зубчатого штампа (рис.22,7; табл.IV, 22). Интересной, хотя и редкой разновидностью такого орнамента, являются треугольники получавшиеся в результате нанесения посередине зигзага горизонтальной линии. Образовавшиеся по обе стороны ее треугольники заштриховывались (табл.II,20; V,23). Часто два ряда треугольников с противоположной ориентацией вершин наносились попарно. Вследствие этого в одном случае образовывалась негативная зигзаговая полоса, а в другом, когда вершины треугольников соприкасались, получались негативные ромбы (рис. 20,3; 21,4; 22,1; табл. I,28,29,35; II,23, 24,28; III,12,13,22,25; IV,24).

Треугольники, заштрихованные параллельно двум сторонам (в виде сеточки), встречены лишь на одном сосуде из Кожая 1.

Известны треугольники, внутреннее поле которых заштриховано многорядовым, чаще вертикальным зигзагом. Обычно это крупные треугольники (табл.I,30; II,25;IV,49). На Кожае 1 пространство между ними заштриховано прямыми линиями, в результате чего образовался второй соприкасающийся с первым ряд заштрихованных треугольников (табл. II,25). На Соленом Озере 1 в одном случае между треугольниками помещался одиночный вертикальный зигзаг. Интересны близкие описанным треугольники Кумкешу 1. В одном случае они выполнены качалкой, а внутреннее поле заполнено многорядовым горизонтальным зигзагом (рис. 21,7; табл. IV,18). В основе второго типа треугольников лежит широкая заштрихованная полоса примыкающая к одиночному зигзагу. Внутреннее поле перечеркнуто одиночным зигзагом (табл. IV,20).

Наконец, на Соленом Озере 1, Кожае 1 и Кумкешу 1

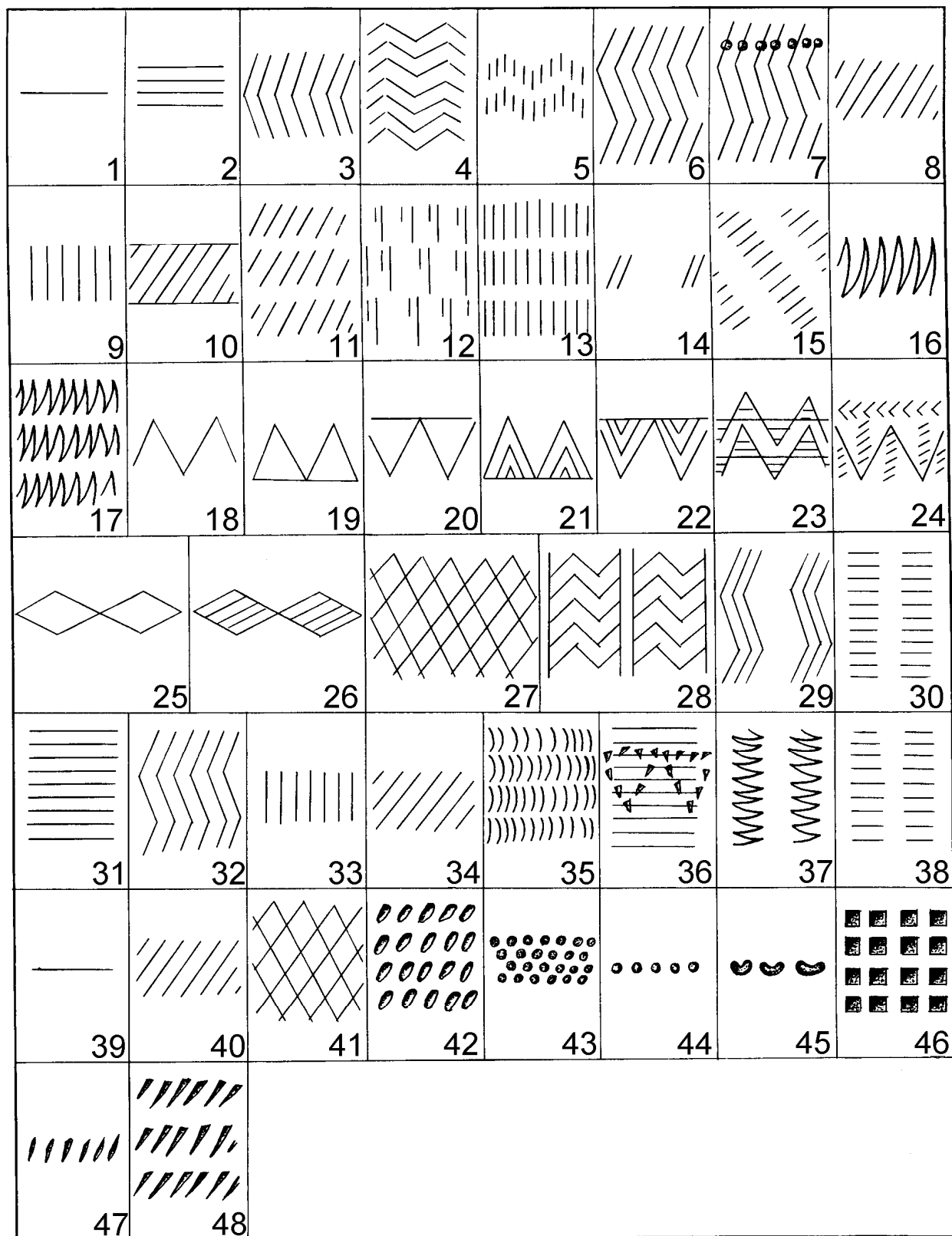

Таблица V. Орнаментальные мотивы керамики поселения Бестмак. 1-30 - зубчатый штамп; 31-35,37 - веревочный штамп; 36- веревочный штамп и вдавления; 39-41 - резные линии; 42-46 - вдавления; 47-48 - насечки.

встречены фризы из "лежачих" треугольников. Во всех случаях они заштрихованы. На Соленом Озере 1 и Кумкешу 1 треугольники высокие (вытянутые), а на Кожае 1 низкие. На последнем памятнике встречен и вариант спаренных треугольников (рис. 20,4; табл. I,34; II,26; IV,48). Эти элементы, по принципу организации орнаментального поля образуемых ими фризов, также могут быть сближены с группой элементов с вертикальным его членением.

9. Ромбическая сетка встречена на Соленом Озере 1, Бестамаке, Агайдаре 1 и Кожае 1. Как правило, она образует широкие фризы, но иногда, как на Агайдаре 1, и сравнительно узкие (рис. 17, 5,8; табл. II,41; V,27,41). Близок этому и узор из перекрещивающихся линий встреченный на одном из сосудов Кумкешу 1 (табл. IV,36).

10. Горизонтальные ряды ромбов также достаточно обычны для терсекской керамики. Эта группа элементов орнамента многовариантна. Цепочки ромбов могут состоять из соприкасающихся и отдельно стоящих фигур. Длинной осью они могут быть ориентированы горизонтально или вертикально. Они могут быть контурными, заштрихованными параллельно одной из сторон или перпендикулярно длинной оси. Известны цепочки из вложенных друг в друга ромбов (рис. 20,7; табл. I,47,48; II,34-38; IV,31,32; V, 25,26). Особый интерес на Кожае 1 представляет встреченная на одном фрагменте стенки сосуда лента из трех соприкасающихся цепочек по-разному заштрихованных ромбов (табл. II,39). На Кумкешу 1 определенный интерес представляет лента из вертикально ориентированных заштрихованных уголками ромбов как бы наложенных на три горизонтальные линии (табл. IV,33). На одном сосуде Кожае 1 встречен фриз из заштрихованных ромбов и вложенных между ними заштрихованных треугольников (табл. II, 29). Близки этому элементу орнамента фризы, встреченные на одном сосуде из Бестамака. Один фриз составлен из заштрихованных биконических колонок и образованных ими негативных ромбов. Второй фриз в принципе аналогичен первому, но колонки заштрихованы лишь наполовину (рис. 20,3; табл. IV,25, 26).

11. Горизонтальные ленты сотового орнамента. Классические соты (правильные шестиугольники) встречены лишь на одном сосуде из Кумкешу 1 (табл. IV,29). Во всех остальных случаях мы имеем дело с горизонтальной лентой составленной из двух зигзагов, расположенных относительно друг друга в противофазе, пространство между которыми заштриховано прямыми вертикальными линиями (рис. 21, 8; табл. II,31,32; IV,27,28,38).

12. Фризы с вертикальным членением орнаментального поля. Формируют их как правило вертикальные колонки, по большей части прямоугольные. Часто они составлены из горизонтальных, реже вертикальных коротких отрезков прямых линий. В роли таких колонок очень часто выступали вертикальные лесенки, в том числе на Кожае 1 известны не только прямоугольные лесенки, но и расширенные в верхней и нижней или только в нижней части. Пространство между колонками часто заполнялось вертикальными линиями коротких оттисков косо поставленного штампа или зигзагами (рис. 18,2; 21,1, 5,9; табл. I,36, 37,40-44; II,42,44,46; III,5; IV,35; V,30,38).

На одном сосуде из Кожае 1 отмечена несколько более сложная ситуация. Здесь между двумя длинными вертикальными лесенками по краям фриза помещаются короткие лесенки соединенные между собой прямой или зигзаговой линией. При этом лесенки выполнены зубчатым штампом, а линии и зигзаги вдавлениями (рис. 21,9; табл. I,38). На Кумкешу 1 встречены "разорванные" колонки, между которыми расположены вертикальные линии (табл. IV,34). На одном фрагменте из Кожае 1 колонки составлены из изогнутых линий (табл. II,45). Довольно часто в роли колонок применялись отрезки вертикально ориентированных заштрихованных сотовых лент. В тех случаях, когда они располагались на определенном расстоянии друг от друга, между ними образовывались негативные незаштрихованные сотовые ленты. Иногда пространство между ними заполнялось вертикальным зигзагом (рис. 17,2; 18,7; 21,2; табл. I,17; II,16; V,37). На Бестамаке встречены широкие колонки, заштрихованные горизонтальным зигзагом (табл. V,28). В эту же группу элементов

орнамента нами были отнесены наклонные ряды оттисков короткого штампа и наклонные лесенки встреченные на Бестамаке и Соленом Озере 1 соответственно (рис. 17,2;18, 7; 21,2; табл. V,15). Интересны колонки, встреченные на одном из сосудов Кожая 1. Они составлены из поставленных друг на друга треугольников. Между колонками помещен вертикальный зигзаг (рис. 20,8; табл. II,27).

13. В особую группу выделен нами элемент орнамента, встреченный на одном сосуде из Кожая 1. Он представляет собой крупные (на половину высоты сосуда) заштрихованные биконические колонки соединенные между собой в средней части горизонтальной лесенкой. Пространство между колонками оконтурено прерывистой линией. В целом получается узор слегка напоминающий мальтийский крест (рис. 18,5; табл. I,39).

14. Криволинейные элементы орнамента. Эта группа многочисленна. Чаще всего это круги. Наиболее яркий образец такого орнамента представлен на маленьком сосуде из Кожая 1. Довольно крупные круги (диаметр примерно 25 мм) оконтурены полулунными вдавлениями. Внутреннее поле заштриховано прямыми линиями оттисков зубчатого штампа. Круги покрывают почти всю поверхность сосуда (рис. 21,6; табл. I,49). На этом же памятнике круги, а точнее окружности, встречены еще на двух фрагментах от разных сосудов (табл. I,46; II,46). Встречены они и в коллекциях Кумкешу 1 и Каинды 3 (табл. IV, 44).

В эту группу отнесена также горизонтальная лента изогнутых лесенок (Кожай 1) и горизонтальная волнистая лента из оттисков вертикально поставленного штампа, встреченная на одном сосуде из Кумкешу 1 (табл. II,5; IV, 21).

Безусловно к этой группе относятся и вертикально стоящие "змейки", которыми украшена верхняя часть одного из сосудов Кожая 1 (рис. 21,3; табл. I,45).

Круг встречен и в орнаментальной композиции покрывающей дно плоскодонного сосуда из Кумкешу 1. Здесь он помещен в центре звезды (рис. 19,5; табл. IV,37).

15. На поселении Кумкешу 1 найден сосуд с очень

редким для Тургая орнаментом – изображением водоплавающей птицы (табл. IV,51).

Описанные выше элементы обычно применялись в различных сочетаниях друг с другом. Правда, если мы проведем подсчет сочетаний элементов орнамента на крупных фрагментах верхних частей сосудов (по которым и выделена их большая часть), то окажется что одним элементом украшена внешняя поверхность 70-90% сосудов. Но здесь, хотя и имеется возможность утверждать что мы имеем дело с разными сосудами (в связи с чем можем говорить об их количестве), нет никакой уверенности в отсутствии других элементов орнамента на их утраченных частях. Анализ же целых сосудов в наиболее значимых по числу находок коллекциях показывает, что сосуды, украшенные по внешней поверхности лишь одним видом из описанных элементов орнамента, составляют не более трети их общего числа. В узоре большей части сосудов сочетается от двух до пяти элементов. Обращает на себя внимание чрезвычайно редкая повторяемость сочетаний элементов орнамента на разных сосудах. Обычно они в этом отношении индивидуальны.

Помимо внешней поверхности сосудов очень часто они украшались по бережку и по краю внутренней поверхности. Узоры в этом случае простейшие. Обычно это ряды оттисков штампа, реже зигзага.

Из приведенного выше описания керамики нетрудно заметить, что керамические коллекции (так же как и коллекции каменных находок) терсекских памятников, расположенных в различных регионах Тургайского прогиба, имеют между собой столь много общего, что отчленить их друг от друга или вычленить какую-то часть памятников из этого круга пока не представляется возможным. Вместе с тем, они не идентичны. Например, керамика памятников северной части Тургайского прогиба (Соленое Озеро 1, Ливановка 1, Евгеньевка 2, Дузбай 2,3, Бестамак) в сравнении с керамикой южных памятников (в основном Кожай 1 и Кумкешу 1) характеризуется меньшим разнообразием и разработанностью сложных геометрических орнаментальных мотивов. По орнаменту, да и по форме сосудов,

северотургайские памятники более сходны, чем южнотургайские, с памятниками восточных и северных соседей (Ботай, кысыкульские, липчинские, аятские древности) [Крижевская, 1977, табл. I-III, VIII, XII; Косарев, 1981, с.23-53, рис. 4,5,9-12; Матюшин, 1982, с.116-125,139-141, 179]. С другой стороны, если отвлечься от различий в технике нанесения орнамента, такой южнотургайский памятник как Кожай 1 показывает значительное сходство по элементам орнамента на сосудах с одновременными и более ранними памятниками древнеземледельческих регионов Средней Азии (Намазга-Депе, Алтын-Депе и др.). Причем сходство это проявляется пожалуй более ярко, чем сходство с керамикой промежуточной территории Среднеазиатского междуречья [Калиева, 1990, с.13]. Последнее возможно объясняется фрагментированностью керамики и слабой изученностью энеолитической эпохи в пустынных районах [Виноградов, 1968, с.38-41,47,50, 53, 60,61,74-85,147; Хлопин, 1969, с.19, рис. 4,с.35, рис.9, с.36, рис.10, с.38, 39, рис.11,12; Виноградов, 1981, с.85,88,107; Массон, 1981, с.14; Массон, 1982, с.68-70; табл. IV,с.77-91]. Можно предполагать, что для Кожая 1 южная ориентировка контактов наряду с контактами в пределах прогиба была более характерна, чем для северотургайских памятников.

Некоторые признаки керамической коллекции Кумкешу 1 (примесь ракушки в тесте, широкое участие зубчатой качалки в орнаментации) как будто указывают на западное и юго-западное направление (Урало-Поволжское междуречье и Прикаспий) контактов. Обильная примесь ракушки в тесте сосудов характерна для нео-энеолитических памятников Прикаспия и Урало-Поволжского междуречья. Традиция украшения сосудов лентами качалки, часто оконтуренными, здесь очень характерна для керамики типа Съезженского могильника. Правда последняя датируется исследователями более ранним временем, чем терсекская [Васильев, 1981, табл.4-6, 16; История Казахстана, 1996, с.91, 98; Древние культуры..., 1995].

На высокую степень контактности населения оставившего терсекские памятники указывает также разнообразие

источников сырья для изготовления сосудов, рецептов формовочных масс, методов их подготовки и формовки сосудов.

По наблюдениям А.А.Бобринского, в условиях "постоянной работы на одном месте гончары, как правило, пользуются одними и теми же залежами глин" [Бобринский, 1978, 10,с.76]. У нас же на Кожае 1 и Кумкешу 1 использовалось не менее четырех разновидностей глин.

То же самое и с формовочными массами. Этнографические наблюдения А.А.Бобринского показывают, что столь характерное для наших памятников явление как широкое распространение сложных, "смешанных" рецептов формовочных масс обычно является результатом "культурного смешения носителей разных навыков" их приготовления [Бобринский, 1978, 10,с.92-94].

Таким образом, уже анализ керамики памятников терсекского типа свидетельствует о том, что оставившее их население скорее всего вело подвижный образ жизни.

Глава 4 **Хозяйство**

Среди полученных к настоящему времени материалов наиболее важную информацию для реконструкции основ экономики терсекского населения дали остеологические коллекции.¹

Самая представительная коллекция костей животных получена на поселении Кожай 1. Только определимых до вида костей 71101 экз. Среди них имеются костные остатки лошади (46974/3475), быка (1483/186), кулана (6706/715), сайги (15627/1363), лося (3/1), косули (9/2), лисицы (17/7), корсака (27/7), волка (27/6), собаки (53/9), сурка (5/2), хоря (4/3) и мелких грызунов, которые ближе не определялись (45/23). Птицы представлены болотным лунем (1/1), чирком-трескунком (1/1), серым гусем (5/3), лебедем (1/1), журавлем (1/1); пресмыкающиеся – степной черепахой (6/2); земноводные – лягушкой (11/3) и зеленой жабой (9/4); рыба – карасем (1/1) и щукой (2/2); беспозвоночные – обломками раковин беззубки (41) и наземного моллюска (28). Найдены и кости людей (14/5).²

Значительная коллекция была получена и на поселении Кумкешу 1. Определимых костей 22475 экз., в том числе имеются кости лошади – 8777/1026, быка – 12042/1379, сайги – 820/184, кулана – 414/105, косули – 1/1, лося – 4/4, кабана – 57/30, собаки – 207/55, волка – 30/14, лисицы – 26/11, корсака – 30/19, барсука – 1/1, хоря – 1/1, горностая – 2/1, зурмана – 2/2, зайца – 9/8, бобра – 5/5, ежа – 1/1, тушканчика – 2/2, птицы – 12/11. Рыба представлена щукой (1/1) и язем (3/2), а беспозвоночные беззубкой (11) и наземным моллюском (15). Встречены также две человеческих кости.

¹ Определения костей с поселений Соленое Озеро 1 и Евгеньевка 2 сделаны Л.А.Макаровой, с поселений Кожай 1, Кумкешу 1, Каинды 3 – Л.Л.Гайдученко.

² Здесь и далее в подобных случаях в числителе количество костей, в знаменателе количество особей.

На Каиндах 3 определимых до вида 4442 кости, в том числе костей лошади– 197/39, быка– 1073/149, сайги – 2761/336, кулана– 360/60, собаки– 7/3, волка– 11/5, корсака– 3/1, бобра– 2/2, зурмана– 9/7, зайца– 5/2, большого тушканчика– 5/3, птицы– 3/3. В коллекции имеются кроме того раковины беззубки (4) и кость человека.

На поселении Солёное Озеро 1 обнаружены костные остатки лошади (245/12), быка (143/4) и кабана (4), а на Евгеньевке 2– кости лошади (6) и быка (4).

Часть животных в приведенных нами списках никогда человеком не одомашнивались. Естественно, что костные остатки их могли отложиться на поселениях в таком большом количестве только в результате охотничьей деятельности их обитателей. К таким животным должны быть отнесены кулан и сайга, остатки которых наиболее многочисленны среди отмеченных на терсекских поселениях представителей дикой фауны. Эти животные никогда не были человеком одомашнены. Правда, некоторые исследователи говорят о том, что одна из разновидностей кулана – онагр – в Месопотамии использовалась как упряжное животное [Кинк, 1970, с. 51; Соломатин, 1973, с.14].

Однако есть и другая точка зрения, сторонники которой считают, что запрягались в повозки не онагры, а ослы. Об этом в частности сообщает В.А. Шнирельман со ссылкой на П.Дюкоса и А.А.Браунера [Шнирельман, 1980, с.54-56].

Современные опыты по приручению кулана показывают, что это возможно вплоть до использования их в качестве транспортного животного [Соломатин, 1973]. Однако куланы отличаются от лошади значительно более агрессивным характером и значительно хуже поддаются тренингу. Видимо именно этим объясняется тот факт, что кулан не был одомашнен.

Таким образом, безусловно документируется существование у терсекцев охоты, как одного из видов хозяйственной деятельности. Вместе с тем, возникают определенные сложности при попытке определения удельного веса и соответственно места охоты в общей системе хозяйства. Дело в том, что кости быка и лошади, составляющие

основу остеологических коллекций наших памятников, теоретически могли отложиться в результате как охоты, так и скотоводства. Следовательно, прежде всего нам необходимо было выяснить домашним или диким животным принадлежали кости лошади и быка, найденные на тургайских энеолитических памятниках.

С костями лошади на первый взгляд ситуация выглядит вообще безнадежной. Исследователи единодушны в том, что морфологические признаки, по которым можно было бы отличить кости диких и домашних лошадей, в настоящее время неизвестны. С костями быка ситуация вроде бы проще. Поэтому анализ мы начнем с них.

Археозоологи при выработке критериев определения доместикационных признаков на костях быка исходили из идеи прогрессирующего уменьшения размеров животных после их доместикации, которое действительно было неоднократно зафиксировано не только зоологами, но и этнографами.

Вместе с тем очевидно, что чем ближе мы будем подходить к истокам доместикации, в данном случае быка, тем разница в размерах диких и домашних животных, а соответственно и их костей, будет становиться все меньше до тех пор, пока не исчезнет совсем, закрытая размахом вариабельности размеров в рассматриваемых популяциях.

Это одна сторона проблемы, затрудняющая решение интересующего нас вопроса. Другая сторона заключается в том, что появились данные о естественном, не связанном с процессом доместикации, измельчании животных в связи с изменениями климата начавшимися в конце плейстоцена. Это как будто доказано для многих видов диких животных Кавказа и Передней Азии [Шнирельман, 1980, с.41]. В таком случае вообще возникает сомнение в возможности использования биометрических признаков при рассмотрении проблемы доместикации животных.

Имея все это ввиду, обратимся к костным остаткам быка наших памятников. Удельный вес их в остеологических коллекциях разных памятников неодинаков. На Кожаяе 1 они составляют 2,1% всех костей, на Кумкешу 1 – 53,6%, на Соленом Озере 1 – 36,5%, на Каиндах 3 – 24,1%.

Чтобы создать представление о размерах нашего быка в сравнении с ископаемыми быками других территорий, а так же туром и серым степным скотом, воспользуемся данными В.И.Цалкина [Цалкин, 1970, с.57].

По длине таранной кости мы получаем такую картину:

Тур из раскопок (125 экз.)	76-95 мм, средняя 83,20 мм.
Серый степной скот	69-82 мм, данных нет.
Флорешты (115 экз.)	61-95 мм, средняя 74,76 мм.
Раннее триполье (20 экз.)	62-96 мм, средняя 77,80 мм.
Ямная культура (100 экз.)	63-99 мм, средняя 76,20 мм.
Майкопская культура (73 экз.)	60-86 мм, средняя 72,20 мм.
Культура гумельница (50 экз.)	70-88 мм, средняя 71,92 мм.
Кожай 1 (14 экз.)	75-91 мм, средняя 82,3 мм.
Кумкешу 1 (59 экз.)	70-88 мм, средняя 79,9 мм.
Каинды 3 (3 экз.)	78-81 мм, средняя 79,9 мм.

Следует иметь ввиду указание В.И.Цалкина на то, что приводимые выше минимальные размеры длины таранной кости тура не отражают естественный размах вариаций. Просто более мелкие кости исследователи, по его мнению, относили к домашнему скоту. Он был склонен нижний предел вариаций для тура проводить на уровне 72-74 мм [Цалкин, 1970, с.56-57].

Приведенная информация наглядно показывает на примере таранной кости масштаб трансгрессии размерных характеристик дикого и домашнего быка. Размеры таранных костей Кумкешу 1 более всего сопоставимы с размерами таких же костей современного серого степного скота и вместе с ними оказываются очень близки к размерам костей тура. Особенно, если учесть замечание В.И. Цалкина о нижнем пределе вариаций тура. Размерные характеристики таранных костей быка Кожая 1 вообще совпадают с характеристиками костей тура.

Используя методику В.И.Цалкина [Цалкин, 1970, с. 162-164], можно по таранным костям определить рост животных. На Кумкешу 1 рост быка в холке колеблется в диапазоне 128-161 см, на Кожае 1– 137-166 см, на Каинды 3– 143-146 см. Для сравнения можно привести рост тура (139-

174 см) и серого степного скота (126-150 см и даже 175 см), подсчитанные по этим же костям.

Таким образом, стандартные морфометрические показатели как будто свидетельствуют о том, что если не все кости быка наших памятников, то абсолютное большинство их должно быть признано костями тура. Но есть одно обстоятельство позволяющее несмотря на всё выше сказанное считать их происходящими от домашних животных.

Дело в том, что терсекский крупный рогатый скот, судя по всему, был комолым. В.И.Цалкин, анализируя остеологические коллекции античного времени степей Восточной Европы, обратил внимание на то, что они существенно отличаются по процентному содержанию роговых стержней крупного рогатого скота от коллекций синхронных лесных памятников. На скифских и античных памятниках, население которых разводило комолый скот, процент роговых стержней составляет от 0,23% до 0,88% всех костей крупного рогатого скота. В коллекциях лесных памятников этот показатель поднимается до 1,35% и выше. Здесь разводили рогатый скот [Цалкин, 1966, с.11-13].

Если мы посмотрим на наши коллекции под этим углом зрения, то обнаружим, что на Кожае 1 роговые стержни составляют 0,26% всех костей быка(1483). На Кумкешу 1 этот показатель составляет 0,36%¹, на Каиндах 3 – 0,09%.

Предположение о действии каких-то сугубо местных естественных факторов, действовавших избирательно разрушающе на роговые стержни, в нашем случае не выдерживает критики, так как на Кумкешу 1, Кожае 1 и Каинды 3 найдены роговые стержни сайги, которые по своему строению практически не отличаются от стержней рогов быка. На Кожае 1 роговые стержни составляют 1,1% всех костей сайги, на Кумкешу 1 – 5,2% и на Каиндах 3 – 1,7 %. Отличие от коллекций крупного рогатого скота как видим разительное.

¹ Анализировались коллекции 1984,1985 и 1990 годов.

Заслуживает внимание и такой факт, в раскопе 1990 года в пятом и седьмом жилищах были обнаружены ямы с черепами крупного рогатого скота. В яме 32 пятого жилища найдено три черепа с рогами, а в яме 53 в седьмом жилище пять черепов с рогами, а один, по словам Л.Л.Гайдученко, расчищавшего его, был безрогий. К сожалению взять этот череп из-за плохой сохранности не удалось.

Комолость терсекского крупного рогатого скота не оставляет нам выбора отнести или нет его к домашним животным. Дикий комолый бык пока неизвестен. Можно конечно предположить что мы имеем дело с рогатой в принципе породой скота, а малое число роговых стержней объясняется искусственным уничтожением рогов у молодняка. Это можно сделать, например прижиганием, но тогда сами масштабы проведения этой операции заставляют считать терсекского быка домашним.

Переходя к анализу костных остатков лошади, напомним, что морфометрические признаки костей домашних животных до настоящего времени не выявлены. В связи с этим для нас представляют интерес не данные промеров, а вычисленная на их основе информация о росте терсекских лошадей и степени тонконогости. Определялись они по традиционным методикам В.О.Витта и А.А.Браунера [Витт, 1952, с.172; Цалкин, 1966, с.42].

По данным Л.Л.Гайдученко рост лошади на Кожае 1 колебался в диапазоне 129–146 см, в среднем 139 см. Они были полутонконогие, средненогие, полутолстоногие и толстоногие.

На Кумкешу 1 рост лошадей был примерно таким же (128–146, в среднем 139,4 см). Преобладали в основном средненогие, полутолстоногие лошади.

На Каинды 3 рост лошадей находится в диапазоне 128–143 см, в среднем 135 см. Преобладают полутолстоногие.

По информации Л.Л.Гайдученко на части костей прослеживаются отдельные признаки присущие тарпану и лошади Пржевальского, причем костей с признаками последней значительно больше, чем костей с признаками тарпана. Л.Л.Гайдученко считает, что на этом основании

ни в коей мере нельзя делать вывод о присутствии в наших коллекциях костей диких лошадей. С этим необходимо согласиться.

Дикий предок домашней лошади в настоящее время строго говоря не известен. В последнее время широкое распространение получила точка зрения ряда исследователей считающих предком домашних лошадей тарпана. Лошадь Пржевальского по их мнению никоим образом не могла принимать участия в процессе доместикации лошадей. В качестве доказательства последнего использовались даже данные о различиях в хромосомном наборе домашней лошади, с одной стороны, и лошади Пржевальского, с другой.

Однако практика свидетельствует об обратном. И тарпан, и лошадь Пржевальского великолепно скрещиваются с домашней лошастью и дают вполне жизнеспособное, в том числе способное к дальнейшему размножению, потомство [Хавесон, 1958, с.119-121; Соколов, 1959, с.46-52, 56-63; Цалкин, 1970, с.201-203]. Надо думать, что тарпан и лошадь Пржевальского могли скрещиваться и между собой в контактной зоне их ареалов. Возможность такой ситуации подтверждает и успешный опыт по скрещиванию тарпанообразных кобыл с чистокровным жеребцом лошади Пржевальского предпринятый в Аскании-Нова [Треус, 1964, с.757-763]. Для нас это немаловажно, так как наши памятники находятся достаточно близко к предполагаемой контактной зоне, которая проходила видимо по р.Урал [Соколов, 1959, с.51,56].

Следовательно, даже если лошадь Пржевальского и не была той основой, на которой формировалась домашняя лошадь, то во всяком случае не внести определенный вклад в этот процесс она не могла. В азиатской части степей этот вклад был вероятно достаточно весом. В свете этих данных сочетание признаков трёх линий в костных остатках наших коллекций может рассматриваться как свидетельство принадлежности их домашним животным.

Большая вариабельность признаков костных остатков Кумкешу 1 и Кожай 1 может рассматриваться как признак доместикации ещё и потому, что по наблюдениям биоло-

гов большая амплитуда изменчивости, часто выходящая за рамки "не только видовых, но и родовых особенностей", как раз характерна для домашних животных [Шварц, 1972, с.12].

Одним из признаков того, что терсекское население имело домашнюю лошадь, является наличие в стаде крупного рогатого скота. Маловероятно, что люди, имевшие значительный опыт в одомашнивании быка, не попытаются применить эти навыки к такому ценному для степняков виду животных как лошадь. Это тем более невероятно, что лошадь давала значительную (Соленое Озеро 1, Кумкешу 1, Каинды 3), а иногда и преобладающую (Кожай 1) часть мясной пищи.

В этом смысле чрезвычайно интересен факт, свидетельствующий о разном отношении населения Кожая 1 к сайгакам и куланам, с одной стороны, и к лошадям и крупному рогатому скоту, с другой. Этот факт фиксируется очень четко по разному удельному весу костей молодых животных. Среди костей кулана они составляют 26,9%, а среди костей сайги 15,1%. По быку и лошади этот показатель составляет соответственно 6,4% и 7,5%. Судя по этим цифрам, лошадей и крупный рогатый скот кожайцы предпочитали забивать во взрослом состоянии, когда скелет животных уже полностью сформировался. В отношении сайги и особенно кулана они видимо особой разницы не делали.

На Кумкешу 1 молодые особи среди лошадей составляют 9,9%, крупного рогатого скота – 14,5%, сайги – 19,5%, кулана – 24,7%. Как видим и здесь четко фиксируется разное отношение к лошади и кулану¹.

Кулан и лошадь родственные животные, и в диком состоянии по образу жизни мало чем отличаются друг от друга. Мясо их по пищевой ценности было примерно равнозначно. Следовательно, разное отношение к ним может быть объяснено только принадлежностью кулана к диким, а лошади к домашним животным.

¹ Различие с информацией приводимой нами ранее [Гайдученко и др., 1989, с.27-33] объясняется тем, что в данной работе используются материалы всех лет раскопок.

В пользу принадлежности терсекской лошади к кругу домашних животных свидетельствует и широкое распространение домашней лошади в степях Восточной Европы в ямное и предьямное время [Цалкин, 1970, с.183-204; Телегин, 1973, с.131-139; Шилов, 1975; Петренко, 1984, с.69-70].

Среди культур степей Восточной Европы в интересующем нас плане выделяется среднестоговская культура. По мнению большей части исследователей среднестоговское население, по крайней мере на ряде поселений, строило свою экономику в значительной мере на коневодстве. Аргументируется это, помимо большого количества костей лошади, находками псалий и "ритуальным" захоронением головы коня в Деревке [Телегин, 1973, с.131-139]. Череп из этого захоронения изучался Д.Энтони и Д.Браун. На вторых премолярах они обнаружили следы изношенности, которые по их мнению могли быть оставлены только металлическими удилами [Antony, Brown, 1991, с.32-36].

Следует однако отметить, что в последнее время вывод о скотоводческой экономике населения Деревки был оспорен М.А.Левин. Она также изучала коллекцию костных остатков лошади с поселения Деревка и пришла к выводу, что основная масса костей происходит от диких животных добытых на охоте. При этом она считает вполне возможным, что во время охоты использовали "домашних или прирученных" лошадей [Levine, 1990, с.739].

К этому выводу она пришла после анализа возрастного состава забитых на Деревке лошадей. Возраст определялся по зубам. Основная масса лошадей по данным М.Левин забивалась в возрасте от 5 до 8 лет. Она считает, что забивать домашних животных в этом возрасте не выгодно. По ее мнению, если бы население Деревки разводило лошадей на мясо, то большая часть животных забивалась бы в возрасте двух-трех лет. Если же обитатели этого поселка разводили лошадей не на мясо, а для каких-то других целей, то большая часть забитых особей должна была бы иметь возраст шестнадцать и более лет [Levine, 1990, с.738].

Все это может и справедливо, но только для общества с развитой системой рыночных отношений. Действительно, когда при выращивании скота на мясо в качестве главной ставится задача получения максимального дохода при минимальных затратах, выгоден интенсивный откорм и последующий забой молодняка. Второй по М.Левин случай также может быть реализован по преимуществу в рыночной экономике. Скот в этом случае держится для расширенного воспроизводства стада и получения молочной продукции. Но при этом использование в пищу мяса в основном от животных убитых в возрасте более шестнадцати лет представляется маловероятным.

Указание М.Левин на один из палеолитических памятников, где в остеологической коллекции также преобладают кости животных в возрасте 5-8 лет, не меняет существа дела. Ссылки на один памятник явно недостаточно. Например, имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают большой удельный вес в охотничьей добыче молодых особей.¹

О развитых рыночных отношениях в среднестоговское время говорить не приходится. Установленный М.Левин возрастной состав забитых животных может объясняться как раз отсутствием рыночных отношений, когда скот был не только и не столько потенциальным мясом, но имел большое значение в престижной сфере. В этом случае нет резона забивать молодых животных, но и нет смысла держать их до предела репродуктивного периода, когда ценность, значимость его резко падает.

Таким образом, с учетом информации об освоении среднестоговцами верховой езды, дереивских лошадей следует признать домашними. У более поздних ямников, памятники которых в целом синхронны терсекским, наличие лошадей в стаде домашних животных ни у кого не вызывает сомнений.

Широкое распространение коневодства в степях Восточной Европы делает невозможным отсутствие его в

¹ См. данные по кулану и сайге на стр.107.

азиатских, во всяком случае в непосредственно прилегающих к европейским казахстанских степях. Во-первых, это невозможно потому, что речь идет о зоне евразийских степей, которая представляет собой единое целое. Граница между азиатской и европейской частями её, как уже отмечалось нами, условна [Логвин, 1986, с.23]. Степные пространства в рассматриваемое время в связи с развитием скотоводства превратились из "фактора разделяющего" в "фактор соединяющий" [Мерперт, 1974, с.99,128]. Во-вторых, это невозможно потому, что речь идет о лошади, которая наилучшим образом приспособлена к обитанию именно в степях. Население казахстанских степей эпохи энеолита не могло не знать о существовании домашних лошадей у своих западных соседей и игнорировать их опыт.

Наконец, среди полутора десятков зубов лошади с поселения Кожай 1 предложенных Л.Л.Гайдученко Доркас Браун для определения один по ее мнению имеет четкие следы износа от применения удил. В итоге, суммируя сказанное выше, приходится признать, что имеется достаточно оснований считать терсекских лошадей домашними.

Таким образом, стадо домашних животных состояло из лошадей и крупного рогатого скота. Это видно уже из соотношения костных остатков лошади и крупного рогатого скота на терсекских памятниках. На поселении Соленое Озеро 1 кости лошади составляют 63,1% от суммы костей лошади и быка (по особям 75,0%), на Кожае 1– 96, 9% (по особям 94,9%), на Каинды 3 – 15,5% (по особям 20,7%), на Кумкешу 1– 42,1% (по особям 42,6%).

Даже имея ввиду тот факт, что эти данные прямо не отражают соотношение лошадей и крупного рогатого скота в стаде каждого памятника, все же они являются показателем существенных различий.

Соотношение костей диких и домашних животных на каждом памятнике также различно. На Соленом Озере 1 кости диких животных составляют 1,0% всех костей, на Кумкешу 1– 6,3%, на Кожае 1– 31,6%, на Каинды 3– 71,2% (не учтены кости птицы, рыбы, мелких грызунов и т.п.)

Уже эти данные свидетельствуют о подчиненной роли охоты в системе хозяйствования терсекского населения. Данные по выходу мясной продукции ещё более подчеркивают это. Подсчеты нами проведены только для основных мясных видов животных: лошади, быка, кулана, сайги, лося, косули и кабана. При этом учитывался лишь выход мяса на костях, без субпродуктов и жира. Вес туши лося в среднем может быть определен в 150 кг, кабана в 50 кг, сайги— 17 кг [Херувимов, 1969, с.384; Фадеев, Слудский, 1982, с.142-143; Млекопитающие..., 1984, с.124,185].

Наша лошадь по росту вполне сопоставима с казахской породой современных лошадей [Калинин, Яковлев, 1956, с.301,302; Производство..., 1966, с.86-91]. Мы используем данные о весе туши для этой породы (245 кг) несколько уменьшив его в связи с тем, что по крайней мере часть лошадей древности была забита до достижения полного нагула. Вес лошадиной туши берем таким образом в 200 кг [Производство..., 1966, с.88].

Как уже отмечалось, крупный рогатый скот эпохи энеолита Тургайского прогиба по размерам очень близок туру и серому степному скоту. В.И.Цалкин приводит данные по весу коровы (575 кг) и быка (745 кг) серой степной породы. Данные по весу тура приводит А.Т.Класон, определяя его в 900 кг. Она же определяет вес домашнего быка в 700 кг [Цалкин, 1970, с.106,107; Петренко, 1984, с.21]. Беря по минимуму, мы видимо можем считать вес одной головы крупного рогатого скота равным 600 кг. Выход говядины для животных ниже средней упитанности в настоящее время составляет 41,2% [Мампель, Райский, 1965, с.96].

Таким образом, вес туши составит, исходя из этих данных, 247 кг. Кулан терсекских памятников по росту (по одной пясти 128 см) пожалуй ближе всего к современному джигетаю. Средний вес последнего примерно 225 кг [Соломатин, 1973, с.14]. Используя приведенный выше коэффициент выхода мяса, мы получим вес туши примерно 85 кг. Вес косули 42-44 кг [Млекопитающие..., 1984, с.85]. Отсюда вес туши получается 17 кг.

Если мы перемножим эти данные по выходу мяса на количество особей, то увидим, что на Соленом Озере 1 охота давала не более 5,6% всей мясной пищи, на Кумкешу 1 – 2,5%, на Кожае 1 – 10,2%, на Каинды 3 – 19,6%. Основную часть мясной пищи поставляло таким образом не охота, а скотоводство.

Судя по всему, скотоводство вообще было основой экономики терсекского населения. Охота, как мы уже видели, давала небольшую часть необходимой для жизни продукции. Остатки рыбы, встреченные на Кожае 1 (две щуки и один карась) и Кумкешу 1 (два язя и одна щука), столь малочисленны, что о рыболовстве как о мало-мальски значимой сфере деятельности говорить не приходится. Данных о земледелии нет совершенно. Нельзя конечно исключать наличие каких-то земледельческих навыков у энеолитического населения Тургайского прогиба. Например, часть крупных топовидных орудий возможно использовалась как мотыги. Нельзя совершенно исключать и возможность использования части дисков в качестве утяжелителей палок-копалок. В отношении некоторых орудий можно предполагать что они могли использоваться для растирания растительной пищи. На оттисках веревочного штампа на керамике иногда хорошо прослеживается что веревочки сделаны из растительных волокон. Однако все эти признаки жестко с земледелием не связаны и вполне могут существовать без него. Но даже если у терсекского населения и были какие-то земледельческие навыки, то практика применения их была мизерной, в противном случае наличие их неизбежно проявилось бы в материальных остатках.

Следует учитывать также большую вероятность того, что наряду с мясной пищей скотоводство поставляло молочную. Прямых фактов свидетельствующих об этом у нас естественно нет, как нет их ни на одном первобытном памятнике. Среди косвенных можно упомянуть наличие сосудов с отверстиями просверленными в нижней части тулова. Некоторые исследователи полагают, что такие сосуды использовались для приготовления творога. Другим косвенным фактом является соотношение лошади и круп-

ного рогатого скота на поселении Кожай 1. Как мы уже отмечали, доля лошади (93,8%) в мясе, поставляемом домашним стадом, здесь абсолютно преобладает над долей крупного рогатого скота (6,2 %). Однозначно можно утверждать, что в силу каких-то причин кожайцы считали невыгодным разводить крупный рогатый скот на мясо. Вместе с тем, они, судя по всему, не могли от него и отказаться, надо думать по причине необходимости иметь продукцию, которую лошади дать не могли. Такой продукцией могло быть коровье молоко. Его нельзя полноценно заменить кобыльим.

Значение скотоводства естественно не ограничивалось только сферой питания, продукция его была важна и для других сторон жизнедеятельности терсекцев.

Человеческая практика выработала множество разновидностей организации скотоводческого хозяйства. Но если отвлечься от деталей, то все это многообразие можно свести к трем основным формам: придомному, отгонно-пастушескому и кочевому скотоводству [Андрианов, 1985, с.78]. Из этих трёх форм первые две обычно практиковались в общинах со значительным удельным весом земледелия в системе хозяйствования. Уже отсутствие сколь-нибудь четких следов земледелия на терсекских памятниках заставляет с сомнением относиться к возможности их реализации в терсекском обществе. Более предпочтительной представляется третья форма – кочевое скотоводство. В пользу этого предположения свидетельствует целый ряд разнообразных, большей частью независимых друг от друга фактов.

Одна группа данных связана с остатками сооружений, очагов и зольников. Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал свидетельствует о сезонном характере функционирования изученных нами терсекских поселений.

На поселениях Кожай 1 и Кумкешу 1 нами реконструируются жилища в виде полуземлянок с легким тальниковым каркасом, которому должна соответствовать и сравнительно легкая кровля. В случае зимнего обитания в таких жилищах для их обогрева огонь в очаге необходимо

поддерживать практически постоянно. Тогда при раскопках мы вправе ожидать обнаружения достаточно мощных очагов и зольников. На наших памятниках ситуация совершенно другая.

На Кожае 1 только в двух сооружениях (1 и 4) были выявлены остатки более или менее интенсивно использовавшихся кострищ, оставивших после себя пятна диаметром 0,6 м, в которых грунт прокален на глубину 0,1 м. Возможно часть зольников, расположенных внутри сооружений, также фиксируют места кострищ, другие вероятно представляют собой места складирования выброшенной золы. Однако и те и другие маломощные, диаметр их, как правило, от 0,4 до 1,0 м, мощность отложений до 0,1 м. На всю раскопанную часть памятника приходится всего лишь до десятка таких зольников. Вместе с тем, на поселении отмечается большая насыщенность культурного слоя находками. В среднем по раскопанной части на один квадратный метр приходится около 300, включая сюда и кости животных. Столь большая насыщенность культурного слоя находками, при безусловно поселенческом наборе их, свидетельствует о долговременном функционировании поселения Кожай 1.

На Кумкешу 1 провал обнаружен лишь в жилище 6, в его центральной части на дне небольшого углубления зарегистрированного как яма 77. Пятно провала небольшое, диаметром 20 см, толщиной 5 см. Зольники не зафиксированы, однако почти в каждом жилище (исключая жилища 2,7,10) имелись линзы песка черного цвета. Песок в них окрашен мельчайшими углистыми включениями. Обычно они расположены в центре жилищ. Эти линзы чаще всего диаметром до 1 м, толщиной 15-20 см. Только в первом и девятом жилищах они имеют существенно большие размеры, приближаясь в поперечнике к двум метрам, при максимальной мощности 0,2 - 0,3 м. Насыщенность культурного слоя меньше, чем на Кожае 1, но также очень значительна. На один квадратный метр площади памятника приходится более шестидесяти находок, то есть в данном случае мы, так же как и в случае с Кожаем 1, имеем дело с длительно функционировавшим поселением.

Такое сочетание признаков, как длительный период функционирования, "легкость" конструкции жилищ, малая мощность очагов и зольников, возможно лишь тогда, когда мы имеем дело с сезонным летним поселением. В этом случае население испытывало потребность в обогреве жилищ лишь в начале и конце теплого периода года, а длительность функционирования обуславливалась ежегодным возвращением, вполне возможно одной и той же группы, к удобному обжитому месту летнего обитания.

Второй блок данных связан с остеологическими материалами. Как мы уже отмечали, на Кожае 1, Кумкешу 1 и Каинды 3 собраны значительные остеологические коллекции, основу которых составляют кости домашних животных. Однако в их коллекциях имеются и кости диких видов, в том числе и таких, которые зимой в этих местах не обитают. На Кумкешу 1 и Каинды 3 это сайга, возможно кулан. Кроме того на Кожае 1 фиксируются лебедь, журавль, серый гусь, чирок, болотный лунь. Здесь же найдены кости лягушки и сурка, которые на зиму залегают в спячку. Следовательно, видовой состав фауны этих поселений со всей определенностью свидетельствует о том, что летом они были обитаемы.

Пытаясь выяснить возможность функционирования Кумкешу 1 и Кожае 1 в зимний период, мы обратились к анализу ростовых слоев цемента на зубах животных. Анализ был проведен Л.Л.Гайдученко по коренной части зубов по методике наиболее полно опубликованной Г.А. Клевезаль [Клевезаль, 1988]. На Кожае 1 было отобрано 36 зубов наилучшей сохранности (корсака –7, собаки–2, кулана–5, лошади–17, крупного рогатого скота–5). Один зуб лошади после изготовления аншлифа оказался непригоден для анализа. На Кумкешу 1 первоначально было отобрано 22 зуба (лошади– 11, крупного рогатого скота–6, сайги–5). Поверхность двух зубов при препарировании была нарушена, в результате чего они оказались непригодны для анализа. В целом, с обоих поселений анализу подвергалось 55 зубов. Он показал, что все животные, от которых происходили зубы, забиты в теплый период года (весна, лето, осень). Таким образом, анализ остеологичес-

ких материалов свидетельствует о функционировании поселений в теплый период года.

Неожиданно интересную информацию мы получили в ходе анализа споро-пыльцевой диаграммы Кожая 1. Образцы для него были взяты из культурного слоя и зольников. В целом они дали типичный для мест обитания человека спектр растений с резким преобладанием маревых. Неожиданным оказалось отсутствие в этом спектре ивы. Пыльца ивы не была обнаружена ни в культурном слое, ни в перекрывающем его слое почвы. В то же самое время тальник растет в русле Бала-Терсаккана. В энеолите он также рос, во всяком случае макроостатки его (угольки) найдены в культурном слое. Р.А.Терещенко, любезно выполнившая для нас анализы, исключает возможность ошибочной интерпретации пыльцы ивы. В таком случае сложившуюся ситуацию можно объяснить единственным образом. Ива является одним из наиболее раннецветущих растений. Она начинает цвести при появлении проталин [Флора..., 1960, с.20,26,29]. Длительность цветения 5-10 дней [Миньков, 1974, с.116]. Поселение Кожай 1 расположено в ложбинке, образованной прилегающими к реке сопками и скальным выступом. Зимой в ней естественно скапливался снег. Этому вероятно способствовала и неровная поверхность поселения. Весной, во время цветения ивы, снег в ложбинке еще лежал. Пыльца, таким образом, оседала на его поверхности и затем во время таяния сносилась в реку. Поселение в этот момент было необитаемо, в противном случае пыльца ивы была бы занесена в культурный слой человеком и сопутствующими ему животными. Обитатели Кожая 1 появлялись на поселении после того как ива отцветала.

Таким образом, все приведенные выше факты в совокупности и каждый в отдельности свидетельствуют о том, что Кумкешу 1 и Кожай 1 являются сезонными, летними поселениями.

Летней безусловно была и стоянка Каинды 3. Жилищ здесь не было, вместе с тем отмечены все признаки летнего функционирования присущие Кожая 1 и Кумкешу 1.

Напротив, поселение Соленое Озеро 1 по нашему мнению является зимним. Во-первых, выявленные здесь остатки жилища имели совершенно другую конструкцию. Каркас жилища сооружался здесь с применением жердей и бревен. Основную нагрузку несли столбы, располагавшиеся по кругу в центральной части сооружения. Такая конструкция жилищного каркаса конечно позволяла ему выдерживать значительно большие нагрузки, чем мог выдерживать каркас жилищ летних поселений. Следовательно, крыша и стены жилища на Соленом Озере 1 могли быть существенно более тяжелыми. В дополнение к шкурам обитатели Соленого Озера 1 могли использовать камыш, в изобилии растущий вблизи поселения на озерах. В целом, конструкция остова жилища и ресурсы окружающей территории позволяли возводить весьма теплые сооружения.

Во-вторых, в придонной части жилища зафиксированы три довольно мощных линзы песка, насыщенного мельчайшими углистыми включениями. Вполне возможно, что это остатки костра. Он мог не иметь жестко фиксированного местоположения, в результате чего и появились довольно обширные площадки песка, имеющего интенсивно черный цвет из-за насыщения его мелкими углистыми включениями. В целом создается впечатление, что обитатели Соленого Озера 1 испытывали значительно большую потребность в отоплении жилищ, чем обитатели Кожая 1 и Кумкешу 1.

В-третьих, в остеологической коллекции Соленого Озера 1 нет костей специфически летних представителей фауны, хотя занятие охотой фиксируется. Здесь найдены кости дикого кабана. К сожалению, мы не имели возможности провести анализ ротовых слоев цемента на зубах из соленозерской коллекции. Учитывая благодатность этих мест, отсутствие костей животных, обитающих в этом районе только летом, правдоподобнее всего объяснить отсутствием людей на поселении в летний период.

В-четвертых, местность, в которой расположен памятник, была удобна для зимовки скотоводов. Поселение расположено на краю бора окруженного степями. В непо-

средственной близости находятся системы озер со значительными участками тростниковых зарослей. Такие условия были идеальными для зимовки скотовода. Лес обеспечивал защиту от ветра. Окружающие степные пространства обеспечивали кормом лошадей способных тебеневать при значительном снежном покрове. Крупный рогатый скот значительную часть зимы также мог использовать степные пастбища, а когда снежный покров значительно увеличивался скот вполне мог прокормиться в тростниковых зарослях. Таким образом, в пользу трактовки поселения Соленое Озеро 1 как сезонного зимнего поселения набирается аргументов немногим меньше, чем в пользу летнего функционирования Кумкешу 1 и Кожая 1.

Сезонный характер поселений не оставляет нам выбора в отнесении скотоводства, практиковавшегося энеолитическим населением Тургайского прогиба, к одной из трёх названных ранее форм. Безусловно речь может идти только о кочевом скотоводстве. При этом мы исходим из определения кочевничества сформулированного А.М. Хазановым, который понимает его как "особый род производящего хозяйства, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, а большая часть населения вовлечена в периодические перекочевки"[Хазанов, 1975, с.6; Khazanov, 1984, с.16-17]. Такое понимание кочевничества традиционно для нашей науки и восходит ещё к А.Кауфману, Д.Клеменцу и С.И.Руденко. В настоящее время оно поддерживается пожалуй большинством исследователей [Руденко, 1961, с.3-10; Марков, 1976, с.9,82; Хозяйство казахов..., 1980, с.37;].

Наши материалы полностью соответствуют этому определению. Скотоводство является ведущим занятием. Охота давала небольшую часть необходимой для жизни продукции. Интенсивным скотоводство без развитого земледелия в принципе быть не может. Значит и по этому признаку наши материалы соответствуют определению А.М.Хазанова.

Предположение об отгонном скотоводстве, когда стада выпасались специально выделенными общиной людьми, а основное население ее оставалось на стационарном

поселении, также отпадает. Размеры жилищ и большая насыщенность находками культурного слоя свидетельствуют о достаточно большом числе обитателей поселений. Таким образом, все три основных признака кочевничества: ведущая роль скотоводства в экономике, его экстенсивный характер, периодическая перекочевка со стадами основной части населения, нашли отражение в наших материалах. Следовательно, у нас есть все основания считать, что терсекское население вело кочевой образ жизни в его полукочевом варианте. Зимой и летом они жили относительно оседло в зимних и летних поселениях, а весной и осенью совершали перекочевки. Сроки и длительность перекочевок с летних пастбищ на зимние и наоборот могли быть у разных групп населения различными. Они определялись видимо состоянием пастбищ по пути следования, погодными условиями, а также зависели, безусловно, от расстояния, разделявшего зимние и летние пастбища.

Здесь мы выходим на интересную и сложную проблему реконструкции территориального размещения сезонных пастбищ и путей перекочевок. Одним из факторов, предопределявших как само кочевание, так и направление кочевок, является стремление к круглогодичному выпасу скота. Вторым фактором, это неравномерное распределение растительных ресурсов и сезонная неравноценность одних и тех же пастбищ. Пожалуй наиболее ярко этот фактор проявляется именно в казахстанских степях [Акишев, 1972, с.33,34]. Взаимодействие этих двух факторов в основном и определяло пути кочевок и распределение сезонных пастбищ во все времена. Именно этим определяется большая традиционность форм ведения хозяйства и традиционность кочевых путей, отмечаемая исследователями Казахстана в период от сако-усуньского времени до конца XIX- начала XX вв. [Акишев, 1972, с.31-46; Хозяйство казахов..., 1980, с.31-59]. К.А.Акишев, специально занимавшийся этим вопросом, пишет прямо: "Пастбищно-кочевая система (или посезонное распределение пастбищ и водных источников, без которого вообще было бы невозможно кочевое скотоводство), уже сложившаяся в момент перехода скотоводов к кочеванию в IX-VIII вв. до н.э., факти-

чески оставалась неизменной в течении тысячелетий" [Акишев, 1972, с.31]. Эта большая традиционность пастбищно-кочевой системы, практиковавшаяся населением казахстанских степей в течение почти трех тысяч лет, позволяет на наш взгляд экстраполировать элементы ее в более глубокое прошлое. Правда такая экстраполяция возможна лишь в одном случае, если в этом прошлом природная обстановка, обуславливающая существование второго фактора, принципиально не отличалась от природной обстановки VIII в. до н.э. В этом случае действие первого фактора, постоянно присущее "чистому" скотоводу, неизбежно должно привести к сложению пастбищно-кочевой системы, тождественной наблюдаемой в исторический период.

Та информация о природной обстановке периода бытования памятников терсекского типа (вторая треть III тыс. до н.э. – начало II тыс. до н.э.), которой мы располагаем в настоящее время, позволяет надеяться на это. Действительно, этот период, как мы уже отмечали ранее, приходится на переходное время от атлантика к суббореалу, когда климатические процессы, обуславливавшие природную обстановку в атлантическом периоде, уже затухают. Такие их характеристики, как степень увлажненности и температура в начале этого периода были видимо несколько выше современных, но быстро к ним приближались [Хотинский, 1977, с.180, рис. 49]. Надо думать, ландшафты адекватно реагировали на эти изменения и постепенно приходили в состояние близкое современному. Отсюда можно предположить, что пути кочевий терсекского населения в общих чертах были аналогичны исторически зафиксированным, ибо как было отмечено Г.Е.Марковым "в одинаковых природных условиях... кочевать можно было совершенно определенно ..." [Марков, 1976, с.285].

Всё многообразие исторически зафиксированных в Казахстане конкретных форм кочевания с интересующих нас позиций можно объединить в два крупных варианта. Первый вариант был характерен для казахов занимавших окраинные территории этнической территории, за исключением Мангышлака. Здесь зимние и летние пастбища находились практически в одном регионе, и перекочевки редко

совершались на расстояние более 250 км. Направления перекочевок могут быть самые разные. Вторым вариантом был типичен для адаевцев, а также для казахов зимовавших в Прибалхашье и в районе Сырдарьи. В этих районах летних пастбищ мало и они были вынуждены на лето откочевывать на север. Летние пастбища их отстояли на 1000 км и более от зимних [Фиельструп, 1927, с.78-84; Руденко, 1930, с.1-6; Марков, 1976, с.162; Хозяйство казахов..., 1980, с.71-81].

На исследуемой нами территории в конце XIX- начале XX вв. были зафиксированы оба варианта. Местные казахи зимние и летние пастбища имели, как правило, в пределах прогиба. Вместе с тем, сюда на лето прикочевывали казахи из района Сырдарьи [Фиельструп, 1927, с.81; Хозяйство казахов..., 1980, с.75]. Учитывая все сказанное выше о природной обстановке III тыс. до н.э. и причинах традиционности пастбищно-кочевой системы в степях Казахстана, можно предполагать, что аналогичная ситуация была на территории Тургая и в терсекское время.

В пользу этого как будто свидетельствуют и археологические материалы. Поселение Солёное Озеро 1 фиксирует своим существованием факт бытования зимних поселений, а следовательно и первого варианта кочевок в Тургае. Летним аналогом ему должны являться поселения типа Кумкешу 1. Обращает на себя внимание тот факт, что на обоих памятниках в составе стада было много крупного рогатого скота. Это также свидетельствует о том, что эти поселения оставлены какими-то группами местного тургайского населения. Исследователями неоднократно отмечалась плохая приспособленность крупного рогатого скота к длительным перекочевкам. Казахи, кочевавшие на большие расстояния, крупного рогатого скота держали очень мало [Фиельструп, 1927, с.81-83; Хозяйство казахов..., 1980, с.90].

Кожай 1 даёт нам информацию несколько иного плана. При несомненном сходстве общего облика материальной культуры Кожая 1 и других памятников терсекского типа имеются немногочисленные, но достаточно заметные

особенности. Так, в коллекции керамики Кожая 1 имеются сосуды, у которых наиболее раздутая часть приурочена к нижней половине тулова. Прямых аналогий этим сосудам мы назвать не можем, но по общему рисунку своей формы они напоминают некоторые сосуды каменного века с разветвленных стоянок Среднеазиатского междуречья [Виноградов, Мамедов, 1975, с.32,44,70,89,167,194]. Не типичны для севера и такие элементы орнамента как круги и змейки.

Интересные результаты дал спектральный анализ медного предмета с поселения Кожай 1. Он показал, что металл выплавлен из полиметаллических руд. Привязать его к каким-то конкретным месторождениям или металлургическим провинциям оказалось невозможно. Е.Н. Черныхом было высказано предположение о возможности локализации руд, из которых выплавлен анализируемый металл, в более южных регионах, возможно в Средней Азии.¹

Следовательно, в материалах Кожая 1 фиксируются может быть не очень многочисленные, но достаточно явные признаки, указывающие на связи южной ориентации. Учитывая это, а также указанные выше этнографические наблюдения, нельзя исключить возможность того, что зимние пастбища, а соответственно и поселения, кожайцев находятся на юге. Вполне возможно, что зимовали они в районе Сырдарьи. Косвенно о дальних перекочевках кожайцев свидетельствует малый удельный вес в стаде крупного рогатого скота. В этом случае одним из вариантов пути кочевания мог быть маршрут вдоль реки Сарысу, верховья которой подходят к Кожаю достаточно близко.

Таким образом, археологические материалы Тургайского прогиба показывают большую вероятность совпадения путей кочевков обитавшего на его территории энеолитического населения с этнографически зафиксированными.

Заканчивая рассмотрение вопроса о хозяйстве населения оставившего памятники терсекского типа, необхо-

¹ Интересно, что другой медный предмет, найденный в северной части Тургайского прогиба на стоянке Ливановка 2, указывает на совершенно другое направление контактов (см. с.70).

димо отметить, что вывод о господстве полукочевого хозяйства в степях Тургая в III тыс. до н.э. для степной зоны не нов. Применительно к европейским степям эта проблема поднималась неоднократно разными исследователями, среди которых особо следует выделить В.П.Шилова [Лагодовська и др., 1962, с.173-178; Шилов, 1970, с.18-25; Мерперт, 1974, с.110-128; Шилов, 1975, с.5-16; Шилов, 1975 а, с.59-61; Гей, 1991, с.65]. Следовательно, есть все основания полагать, что кочевое скотоводство в III тыс. до н.э. было достаточно характерно для евразийских степей в целом.

Глава 5

Вопросы хронологии и культурной принадлежности

Одна из первых попыток датирования энеолитических памятников Тургая была предпринята А.Я.Брюсовым в 1943 году. В рукописных работах, хранящихся в Кустанайском облмузее, А.Я.Брюсов отнес стоянку Коль к концу III- началу II тыс. до н.э. [Брюсов, 1943, с.13-14об; Брюсов, 1943а]. Позднее, примерно через двадцать лет, основные положения этих рукописных работ им были опубликованы в Мехико [Brjussoff, 1963]. А.А.Формозов выделенные им памятники терсекского типа также относил к концу III- началу II тыс. до н.э. [Формозов, 1950, с.70,72].

Нами было предложено датировать терсекские древности периодом от начала III до начала II тыс. до н.э. [Логвин, Калиева, 1986, с.71]. Позднее отрезок времени, отводимый для бытования терсекских древностей, был несколько сужен – вторая треть III – начало II тыс. до н.э. [Логвин, 1987, с.18]. Последняя дата на данный момент имеет пожалуй наилучшее обоснование.

В нашем распоряжении имеется четыре радиоуглеродные даты. Три из них сделаны по образцам взятым из культурного слоя поселения Кожай 1. Образец из сооружения 7 дал дату 4600 ± 320 лет от н.д. (ИГАН-656), из сооружения 10 – 3200 ± 260 лет от н.д. (ИГАН-655) и из сооружения 13 – 4570 ± 40 лет от н.д. (ИГАН-748). Для Кумкешу 1 имеется одна дата. Она сделана по образцу взятому из заполнения котлована сооружения 3, и относит время его функционирования к 4570 ± 270 лет от н.д. (ИГАН-747). Три из четырех имеющихся у нас дат хорошо соотносятся друг с другом. Дата из сооружения 10 видимо сильно омоложена и в дальнейшем нами учитываться не будет. Три даты указывают на XXVII в. до н.э. как на время существования сооружений 7 и 13 на поселении Кожай 1 и сооружения 3 поселения Кумкешу 1. Эти даты на наш взгляд хорошо согласуются с выводами, к которым мы приходим в результате типологических сопоставлений

наших материалов с материалами памятников и культур других территорий. Правда, они приводят к существенному расширению диапазона существования терсекских памятников в сравнении с приведенными радиоуглеродными датами.

Большую ценность для нас в этом смысле представляет приишимское поселение Ботай. Материалы его недавно, хотя и неполностью, были опубликованы, что создало возможность более детально, чем это было возможно до сих пор, сопоставить наши материалы с ботайскими.

Пожалуй наиболее полное сходство обнаруживается по каменной индустрии. Общий облик кремневой индустрии наших памятников и Ботая практически одинаков и определяется господством отщепов и орудий из отщепов. На тургайских памятниках и в Приишимье реконструируется техника скалывания заготовок характеризующаяся малым количеством кондиционных нуклеусов служивших для скалывания отщепов при огромном числе последних [Зайтов, 1985, с. 22; Зайтов, 1988]. Набор орудий также очень близок. Что касается количественно ведущих групп орудий, таких как скребки, скребла, ножи, наконечники, то их удельный вес в коллекциях всех наших памятников близок таковому ботайской коллекции. Если на Ботае скребки, скребла и ножи составляют более 60% всех орудий, то на Соленом Озере 1 они составляют 68,7%, в Евгеньевке 2–46,3%, Каиндах 3– 52,9%, в кладе Аксу–39,7%, на Кумкешу 1–67,9 % и на Кожае 1–66,5% [Логвин, 1981, с.76; Логвин, Калиева, 1984, с.237; Калиева, 1988]. Конкретные типы этих орудий, включая и такие достаточно сложные варианты, как коленчатые ножи, практически также одинаковы. К сожалению, для других орудий процентные показатели не приводятся, и дальнейшее сопоставление можно проводить лишь на качественном уровне. По контексту публикаций можно предположить, что на Ботае, так же как и на наших памятниках, наконечники составляют третью по численности после скребков и ножей группу орудий. Все отмеченные на Ботае типы наконечников: листовидные, подтреугольные, с приостренным, прямоусеченным, вогнутым основанием или с черешковым насадом, имеются и в коллекциях тургайских памятников

[Зайтов, 1985, с. 23-26]. Размерные характеристики также близки.

Очень выразительной группой находок являются так называемые "диски" или дисковидные орудия. Так же как и на Ботае они довольно разнообразны по форме и, видимо, по назначению. Часть их украшена орнаментом [Зайтов, 1985, с.27-30]. Сопоставимы и рубящие орудия, хотя номенклатура их на Кожае 1 и Кумкешу 1 возможно несколько уже. В основном это треугольные и трапециевидные разновидности их. Однако эти два типа являются основными и для Ботая [Плешаков, Зайберт, 1985, с.54-59].

Все остальные типы каменных орудий Ботая имеются и в наших коллекциях, за исключением пожалуй шаровидных предметов. Наличие их на Ботае возможно является узлокальным явлением и объясняется близостью поселения к обнажениям пород включающих в себя естественные шаровидные конкреции [Зайтов, 1985, с.30-31].

В целом сопоставление коллекций каменных находок Ботая и тургайских памятников показывает большую степень их сходства. Оно настолько велико, что уже на основании анализа только этой категории находок можно говорить о синстадиальной близости рассматриваемых памятников. К такому же выводу приводит и анализ других категорий находок.

Хотя процент изделий из кости в тургайских коллекциях ниже, чем в коллекциях Ботая, однако бытуют одни и те же типы их. Больше всего проколов и кочедыков. Имеются также скребки, шпатели, долота, гарпуны и т.д. Очень выразительными находками в сравниваемых коллекциях являются орнаментированные кости [Даниленко, 1985, с.34-47].

Коллекции керамики Ботая и тургайских памятников так же имеют много общего, хотя сразу же следует отметить, что по сравнению с находками из камня и кости здесь прослеживаются и достаточно существенные различия. Сближает эти коллекции в частности наличие в них обоих выделенных на Ботае вариантов "полуяйцевидных сосудов: 1)с закрытой горловиной, 2)с вертикальными стенками"[Зайберт, Мартынюк, 1984, с.84, 86, 88; Мартынюк, 1985, с.59, 66, 69]. В коллекциях наших памятников,

прежде всего Кожая 1 и Кумкешу 1, отмечено значительно большее разнообразие форм сосудов, но эти два варианта присущи коллекциям пожалуй всех памятников. Много общего в орнаментации керамики, причем близость проявляется как в технике нанесения орнамента (в основном это оттиски веревочного и зубчатого штампов), так и в элементах орнамента и орнаментальных композициях, включая сюда и достаточно сложные геометрические узоры [Зайберт, Мартынюк, 1984, с.83; Мартынюк, 1985, с.64, 65].

Бросающейся в глаза отличительной чертой ботайской коллекции керамики при сравнении ее с тургайскими является большой удельный вес фрагментов с отпечатками ткани на внешней поверхности сосудов (15%) [Мартынюк, 1985, с.60]. У нас ее практически нет. О.И. Мартынюк, просматривавший наши коллекции, смог выделить буквально единичные фрагменты с оттисками текстиля. Хотя статистическая информация по керамике Ботая в публикациях не приводится, создается впечатление, что для Ботая не характерны также неорнаментированные сосуды. Так, в одной из публикаций идет речь о семидесяти пяти сосудах. Все они украшены орнаментом [Зайберт, Мартынюк, 1984, с.85]. У нас же в некоторых коллекциях, например в коллекции Кожая 1, неорнаментированные сосуды составляют примерно третью часть всех сосудов.

Третьей уже упоминавшейся отличительной чертой тургайских коллекций керамики, прежде всего коллекций Кумкешу 1 и Кожай 1, является большее разнообразие форм сосудов. В частности, на этих памятниках найдены шиподонные сосуды, а на Кумкешу 1 еще и плоскодонные.

Эти различия безусловно существенны, однако они не могут перечеркнуть вывод об одноэтапности Ботая и тургайских памятников сделанный на основе анализа каменных и костяных находок, тем более что и в керамике нами отмечались черты сходства не менее существенные по своей значимости, чем черты различия. Во всяком случае, большая степень сходства кремневого и костяного инвентаря, близость керамических коллекций, проявляющаяся в наличии общих форм сосудов, единых приемов нанесения орнамента, общих элементов орнамента и их композиций,

на наш взгляд не оставляет сомнений в том, что рассматриваемые памятники Тургайского прогиба и поселение Ботай относятся к одному и тому же крупному этапу в истории древнего населения. Это позволяет использовать даты Ботая для определения времени бытования терсекских памятников.

Первоначально исследователи Ботая на "основе типологии кремневой индустрии и керамики" отнесли его и выделяемую в основном на его материалах ботайскую культуру к IV-III тыс. до н.э. [Зайберт, 1983, с.89; Мартынюк, 1985, с.11; Зайберт, 1985, с.10].

В последней работе В.Ф.Зайберт говорит уже о III- начале II тыс. до н.э. [Зайберт, 1993, с.156]. Из приведенных В.Ф.Зайбертом шести радиоуглеродных дат для Ботая четыре довольно кучно легли в диапазоне от XXVI до XXII вв. до н.э. [Зайберт, 1993, с.155].

Другие памятники с прилегающих к Тургайскому прогибу территорий Казахстана ничего практически не дают для определения времени бытования тургайских энеолитических памятников. Среди них безусловно однотипно нашим поселение Иман-Бурлук 2, на что указывалось еще Л.А.Чалой. На основе сходства материалов Иман-Бурлук 2 с материалами Терсек-Карагая, Кысы-Куля, Сабакты III она отнесла поселение Иман-Бурлук 2 к концу III- началу II тыс. до н.э. [Чалая, 1973, с.188-203]. Но нам это ничего не дает, поскольку в настоящее время ситуация такова, что скорее Иман-Бурлук 2 надо датировать по тургайским материалам.

Широкий круг аналогий тургайские материалы находят к северо-западу и северу от прогиба. Это прежде всего кысыкульские (суртандинские по Г.Н.Матюшину), липчинские и аятские древности.

Главной чертой, сближающей наши материалы с липчинскими и аятскими, являются орнаментальные композиции. Прежде всего имеются ввиду узоры составленные из геометрических фигур, которые часто членят поле орнаментальных поясов вертикально. В технике нанесения орнамента имеются определенные различия. Для терсекских памятников характерна керамика украшенная веревочным и зубчатым штампом. Аятские сосуды украшались

зубчатым орнаментом, а липчинские кроме того и так называемым "ложношнуровым", "псевдоверевочным" (и т. д.) и возможно также зубчатым [Косарев, Потемкина, 1975, с.175-177; Берс, 1976, с.194-195; Ковалева, 1979, с.112-115; Старков, 1980, с.147-157; Косарев, 1981, с.37-42; Косарев, 1987, с.253-254, 256-257]. Аятская керамика, таким образом, хорошо сопоставляется с терсекской гребенчатой. Различиями между "псевдоверевочной" и "веревочной" техникой нанесения орнамента, сопоставляя липчинскую и терсекскую керамику, при рассмотрении проблем датировки и хронологии можно пренебречь. Здесь мы вероятно имеем случай разного воплощения одной и той же идеи. Не случайно ведь у современных исследователей при анализе техники нанесения орнамента липчинских сосудов постоянно возникают ассоциации со шнуровой, веревочной техникой. В целом, судя по орнаментальным композициям, да и по параллелям в технике нанесения орнамента и форме сосудов, все три рассматриваемые группы древностей (терсекские, аятские и липчинские) хронологически близки друг другу и принадлежат к одному и тому же достаточно крупному этапу истории. К сожалению мы лишены возможности сравнить коллекции кремневых находок, поскольку "чистые" аятские и липчинские памятники до настоящего времени не известны [Косарев, 1981, с.27,42].

В последнее время были выявлены памятники атымьинского типа, которые могут быть соотнесены с липчинской культурой как вариант, или во всяком случае очень близки ей. Каменный инвентарь этой группы стоянок очень близок терсекскому [Стефанов, Кокшаров, 1990, с.44-63].

Для липчинских древностей известна уже давно одна радиоуглеродная дата по образцу из нижнего слоя VI разреза Горбуновского торфяника: 4360 ± 200 лет от н.д. [Долуханов, Тимофеев, 1972, с.69]. Сюда можно отнести две даты для поселения Атымья VII - 4130 ± 40 и 4410 ± 40 от н.д. [Стефанов, Кокшаров, 1990, с.60]. В целом же для липчинских древностей уже давно утвердилась традиция относить их ко второй половине III тыс. до н.э. [Бадер, 1970, с.163; Старков, 1978, с. 92; Ковалева, 1979, с. 117-120;

Ковалева, 1979а, с.10; Старков, 1980, с.194-195; Косарев, 1987, с.257; Кокшаров, 1993, с.16].

Аятские древности видимо несколько моложе липчинских, хотя и возможно их частичное сосуществование. На ряде памятников более позднее время бытования их в сравнении с липчинскими подтверждено стратиграфическими наблюдениями [Старков, 1970, с.9-11; Ковалева, 1979, с.119; Старков, 1980, с.172; Косарев, 1981, с.32; Косарев, 1987, с.254]. Эти наблюдения позволяют относить появление аятских памятников примерно к концу III тыс. до н.э. Верхняя граница их бытования вряд ли может быть выведена за пределы XVIII в. до н.э. Она определяется временем распространения в этом регионе памятников эпохи бронзы [Косарев, 1987, с.254; Ковалева, Чаиркина, 1991, с.67].

Таким образом, липчинская и аятская линии сопоставлений терсекских материалов указывают на середину III- начало II тыс. до н.э. как на вероятное время их бытования.

Изучение кысыкульских памятников было начато К.В.Сальниковым, открывшим и исследовавшим первый памятник этого типа – поселение Кысы-Куль [Сальников, 1962, с.25-27]. Позднее основные работы по изучению этого круга памятников были проведены Л.Я.Крижевской и Г.Н.Матюшиным [Крижевская, 1977; Матюшин, 1982]. Первым исследователем, обратившим внимание на значительное сходство их материалов с терсекскими, был А.А. Формозов [Формозов, 1950, с.73; Формозов, 1951, с. 11-13; Формозов, 1951а, с.115]. Близость кысыкульских и энеолитических материалов Тургайского прогиба отмечалась также К.В.Сальниковым [Сальников, 1962].

Наиболее ярко черты сходства между терсекскими и кысыкульскими памятниками проявляются в орнаментации керамики. Практически для обеих групп присущи одни и те же орнаментальные композиции. По сути все орнаментальные мотивы кысыкульского круга памятников как простые, так и сложные геометрические встречены на тургайских сосудах [Крижевская, 1977, табл. I-IV, VII-IX, XII, XIV; Матюшин, 1982, табл. 1-10, 20, 22, 23, 25-30, 43-47, 61, 64-66, 72-74; Мосин, Беспрозванный, 1985, с. 77, 84].
Для кы-

сыкульской керамики, так же как и для терсекской, характерно преобладание зубчатой и "веревочной" орнаментации. Правда, Г.Н. Матюшин для опубликованных им памятников подчеркивает абсолютное преобладание гребенчатой орнаментации и на этом основании отчленяет их от памятников типа Латочка, Няшевка II и др. изучавшихся Л.Я.Крижевской, где керамика с "веревочной" орнаментацией представлена более широко [Матюшин, 1982, с.101]. Однако и на многих так называемых суртандинских памятниках такая керамика есть. По свидетельству Г.Н.Матюшина она встречена на Суртандах III, VIII, Березки, Банное V и др. [Матюшин, 1982, с.23,35,65-66,71]. Следует отметить, что Г.Н.Матюшин в этом вопросе несколько противоречив. Так, на одной и той же странице мы читаем, что "керамика с веревочным или шнуровым орнаментом встречается и на суртандинских поселениях", а чуть ниже встречаем фразу "... у памятников суртандинского типа отсутствует керамика с веревочным орнаментом" [Матюшин, 1982, с.275]. Судя по фотографиям, такая керамика все-таки есть [Матюшин, 1982, табл.9,23; 10,12; 47б]. Следовательно, мы можем констатировать сходство тургайской керамики с кысыкульской по технике нанесения орнамента, элементам орнамента и орнаментальным композициям. К сожалению, на Южном Урале целые сосуды встречаются чрезвычайно редко. Насколько можно судить по ним, а также по крупным фрагментам, там бытовали достаточно типичные для Тургая формы сосудов.

В кремневой индустрии также много общего, хотя есть и определенные отличия. Коллекциям кысыкульских памятников присущ существенно больший удельный вес пластин и орудий из пластин в сравнении с тургайскими памятниками. Более разнообразно и сырье использовавшееся для изготовления орудий. Что же касается отщеповой части кысыкульской кремневой индустрии, включая сюда и конкретные типы орудий, то здесь отмечается большое сходство с индустрией терсекских памятников.

Все сказанное выше на наш взгляд свидетельствует о синхронности терсекских и кысыкульских древностей. К сожалению, радиоуглеродных дат для памятников кысыкульской культуры пока нет. К.В.Сальников на основе

камских аналогий (Левшино и др.) и представлений об эволюции материальной культуры в Южном Зауралье склонен был относить поселение Кысы-Куль к концу III-первой половине II тыс. до н.э. [Сальников, 1962, с.26,27]. Примерно также первоначально кысыкульские памятники датировали Л.Я.Крижевская (конец III-первая треть II тыс. до н.э.) и Г.Н. Матюшин (конец III-начало II тыс. до н.э.) [Матюшин, 1970, с.58; Матюшин, 1971, с.122; Крижевская, 1977, с.121,125].

Позднее Л.Я.Крижевская высказалась за возможность некоторого удревнения нижней границы бытования кысыкульских древностей [Крижевская, 1979, с.25]. Г.Н. Матюшин также резко изменил свою точку зрения на их датировку. Он стал относить суртандинскую (кысыкульскую) культуру к V-II тыс. до н.э. [Матюшин, 1982, с.274]. Неправомерность такого удревнения нижней границы бытования кысыкульских памятников уже отмечалась [Логвин, Калиева, 1986, с.70; Логвин, 1987, с.15-16]. Приводимые самим Г.Н.Матюшиным аналогии кысыкульским памятникам в памятниках Среднего Зауралья (Андреевская стоянка, липчинские и, можно добавить, аятские древности) как мы уже видели указывают на середину III-начало II тыс. до н.э. [Матюшин, 1982, с.276].

Примерно к таким же результатам приводит по нашему мнению и указываемая Г.Н. Матюшиным гаринская линия сопоставлений [Матюшин, 1982, с.269]. Действительно, зафиксированные О.Н.Бадером на поселении Бор 1 факты импорта зауральской керамики, которую Г.Н.Матюшин определяет как суртандинскую, а М.Ф.Косарев как аятскую, позволяют говорить об их синхронности [Бадер, 1961, с.37,40, 60; Косарев, 1981, с.32; Косарев, 1987, с.254]. Сейчас памятники гаринско-борского круга датируются более ранним временем, чем их датировал первый исследователь – О.Н.Бадер [Бадер, 1961, с.185]. Так, Л.А. Наговицин гаринско-борские памятники относит к концу III –первой половине II тыс. до н.э., при этом он не исключает возможности датировки их серединой III-началом II тыс. до н.э. [Наговицин, 1984, с.116-118; Наговицин, 1987, с.28- 29]. Последнее предположение высказано им под влиянием радиоуглеродной даты полученной для поселе-

ния гаринского типа Непряха IV (4420±50 лет от н.д.) [Наговицин, 1984, с.28].

Нам представляется интересным и тот факт, что в последнее время многие исследователи пришли к выводу о синхронности гаринско-борских и волосовских древностей. Например, В.П.Третьяков говорил о волосовско-турбинской общности. Объединяет гаринско-борские и волосовские памятники в одну общность и А.Х.Халиков [Третьяков, 1977, с.22-23; Халиков, 1982, с.24-25]. О керамике "волосовско-гаринско-борского типа" говорят И.Б. Васильев и Р.С.Габяшев [Васильев, Габяшев, 1982, с.7,11, 12].

Для нас не имеет большого значения существовала или нет волосовско-турбинская общность. Важно то, что волосовские и гаринско-борские древности, как убедительно было показано В.П.Третьяковым, очень близки друг другу [Третьяков,1977; Третьяков,1984, с.73-78]. Это позволяет для датировки гаринских, а через них и терсекских памятников, привлечь данные по волосовской культуре, время бытования которой хорошо обосновано. Наиболее ранние волосовские памятники по данным приводимым Д.А.Крайновым датируются серединой III тыс. до н.э., а поздние первой четвертью II тыс. до н.э. Протоволосовские материалы он относит к еще более раннему времени. Такая датировка волосовских древностей обоснована стратиграфическими и палинологическими наблюдениями, а также серией радиоуглеродных дат для предшествующих культур [Крайнов,1978, с.61; Хотинский, 1978, с.12-13; Крайнов,1981, с.8-9]. И.Б.Васильев. и Р.С.Габяшев на основе анализа своих материалов пришли к аналогичным выводам, относя начальный период формирования волосовских и близких им древностей Поволжья и Прикамья к первой половине III тыс. до н.э. [Васильев,1978, с.173-176; Васильев,1980, с.45-46; Васильев, 1981, с.66; Васильев, Габяшев, 1982; Васильев, Синюк,1985, с.62-64].

Таким образом, гаринско-волосовская линия сопоставлений указывает на отрезок времени примерно от начала второй трети III тыс. до н.э. до начала II тыс. до н.э. как на наиболее вероятное время существования заураль-

ских культур с керамикой аналогичной импортной керамике в поселении Бор 1. Применительно к нашим памятникам необходимо отметить, что их сходство с гаринскими древностями не ограничивается сходством керамики с ярко выраженной геометрической орнаментацией. На ряде тургайских памятников встречены фрагменты с орнаментацией гаринско-волосовского типа. Они имеются в коллекциях Дузбая 2 и Кожая 1.

Большое сходство отмечается и в коллекциях кремневых находок гаринских и терсекских памятников. Так, в обеих группах памятников основной заготовкой для изготовления орудий служил отщеп. По публикациям О.Н.Бадера мы подсчитали, что в первом и втором жилищах поселения Бор 1 орудия из пластин составляют 4-5% суммы орудий из отщепов и пластин [Бадер, 1961]. Это несколько выше, чем на чистых терсекских памятниках, но значительно ниже, чем на поселении Суртанды VIII, по мнению Г.Н. Матюшина чистом суртандинском памятнике, где этот показатель по нашим подсчетам равен примерно 25% [Матюшин, 1982, с.23]. Близки и многие типы орудий, например вытянутые наконечники с усеченным основанием, ножи, как двусторонне обработанные, так и изготовленные краевой ретушью, и т.д. В обеих группах памятников встречены и такие сравнительно редкие формы орудий как изогнутые "саблевидные ножи" и ножи "с пуговкой" (рис. 7,1,3,7) [Бадер, 1961, с.43,63, рис.32,2]. Всё это по нашему мнению делает правомерным использование нами гаринско-волосовской линии сопоставлений.

Еще на одну линию сопоставлений указывает В.С. Стоколос. Для выделенного им в Северном Приуралье среднего этапа чужьяельской культуры достаточно характерна керамика с ярко выраженным геометрическим орнаментом [Стоколос, 1988, с.198, табл. 1]. Аналогии ей он находит в аятской керамике, а также в керамике Ботая, суртандинских памятников и нижнеобского поселения Малый Атлым [Стоколос, 1988, с.58-59]. Для одного из памятников с такой керамикой (Ошчой IV) В.С. Стоколос приводит радиоуглеродную дату "2380 г. до н.э. (ЛЕ - 1730)" [Стоколос, 1988, с.58]. Ей в принципе не противоречит и дата Малого Атлыма – 4600±65 лет от н.д. [Оклад-

ников и др., 1979, с.119-120; Стоколос, 1988, с.59]. В целом же средний этап чужьяельской культуры В.С. Стоколос относит ко второй половине III тыс. до н.э. При этом, судя по предлагаемой им схеме, он допускает возможность того, что присущие этому этапу традиции, в том числе и геометрическая орнаментация, начали складываться еще в первой половине III тыс. до н.э. [Стоколос, 1988, с.198, табл. 1].

Необходимо видимо коротко остановиться также на материалах могильников Верхняя Алабуга и Убаган 1, находящихся в лесостепном Притоболье. Материалы их безусловно близки терсекским. Т.М.Потемкина отнесла их к первой половине – середине III тыс. до н.э. на основе сопоставления с хвалынско – среднестоговскими материалами, а также с материалами ямной культуры (погребений второй хронологической группы по Н.Я. Мерперту) [Потемкина, 1985, с.148-158, 200-203, 262, 275-276]. К сожалению, на этих памятниках не получено собственных данных (стратиграфических наблюдений и радиоуглеродных дат) для обоснования их датировки.

Помимо приведенных выше аналогий, терсекским материалам в памятниках, расположенных к северу и северо-западу от Тургайского прогиба в степной зоне, можно отметить определенные аналогии лишь в памятниках ямной общности. Проявляются они в сходстве форм некоторых сосудов: элементов орнамента и, если судить по Михайловскому поселению, в отщеповом характере кремневой индустрии [Лагодовська и др., 1962, с.80; Мерперт, 1974, рис.13-14]. Большая серия радиоуглеродных дат позволила Д.Я.Телегину определить время бытования ямной общности XXVII-XIX в.в. до н.э. [Телегин, 1977, с.5-19; Телегин и др., 1981, с.82].

Подведем итоги нашим наблюдениям. Обширный круг памятников, в коллекциях которых находят аналогии терсекские материалы, по современным представлениям прекращает свое существование в начале или в первой половине II тыс. до н.э. В Тургайском прогибе и на соприкасающихся с ним территориях (Южное Зауралье и Приишимье) верхняя граница бытования древностей терсекского типа помимо этого контролируется памятниками эпохи

бронзы. Наиболее ранний хорошо изученный культурно-хронологический пласт эпохи бронзы на этой территории представлен памятниками синташтинско-петровского типа [Зайберт, 1973, с.109-112; Евдокимов, 1984; Зданович, 1988]. Последние сейчас датируются исследователями XVIII-XVI вв. до н.э. [Евдокимов, 1995, с.42; Зданович, 1995, с.49].

Следует иметь в виду, что в Приишимье и лесостепном Притоболье известны памятники так называемого вишневого типа, представляющие еще плохо изученный, возможно несколько более ранний, чем синташтинско-петровский, культурно-хронологический пласт. Небольшая коллекция керамики вишневого типа в северной части Тургайского прогиба найдена на Амангельдинском поселении. Предложенная Г.Б.Здановичем датировка этого круга памятников XVIII – XVII в.в. до н.э. в целом была поддержана и другими исследователями [Зайберт, 1973, с.106-112; Зданович, 1973, с.24- 25; Зданович, 1975, с. 21; Косарев, 1981, с.106; Татаринцева, 1984, с.104-113; Потемкина, 1985, с.277- 279].

Таким образом, период бытования рассматриваемых нами энеолитических памятников Тургайского прогиба заканчивается видимо в XIX-XVIII в.в. до н.э. Нижняя граница этого периода по имеющимся в нашем распоряжении радиоуглеродным датам, а также по результатам типологических сопоставлений может быть отнесена примерно к XXVII в. до н.э. Следовательно, памятники терсекского типа, насколько мы можем судить на современном уровне знаний, существовали почти тысячу лет. Это огромный отрезок времени, и он сам по себе предполагает что материальная культура не могла оставаться на всем ее протяжении неизменной. Она неизбежно должна была видоизменяться по мере развития оставившего ее общества. Это обуславливает возможность и неизбежность в будущем разработки внутренней периодизации рассматриваемого круга памятников.

На материалах Ботая его исследователи склоняются к выделению двух этапов в его истории. По мнению В.Ф. Зайберта и О.И. Мартынюка заселение территории поселения началось с береговой части, где отмечается зна-

чительно больше, чем в центральной части, текстильной керамики украшенной зубчатым штампом и соответственно меньший удельный вес нетекстильной керамики с веревочным орнаментом [Мартынюк, 1985, с.68; Зайберт, 1985, с.9]. Практически это означает выделение двух этапов: раннего, для которого характерна керамика по преимуществу с зубчатой орнаментацией и с отпечатками текстиля на внешней поверхности сосудов, и позднего, в котором преобладает нетекстильная керамика с большим удельным весом, наряду с гребенчатой, веревочной орнаментацией.

Исходным моментом при выработке этой концепции явился видимо факт обнаружения в прибрежной части архаической группы орудий из пластин [Зайтов, 1985, с.18-19]. Однако нам представляется совершенно правильной точка зрения В.И.Зайтова, изучавшего каменную индустрию Ботая, который пришел к выводу о доботайском времени бытования этих орудий. Других оснований для утверждения о первоначальном заселении именно береговой части памятника в опубликованных материалах мы не нашли. А раз так, то развитие поселения можно представить и иначе. Первопоселенцы вначале расположились на некотором удалении от береговой кромки, а затем поселение росло во все стороны, в том числе и в сторону реки. В этом случае особенности керамической коллекции, присущие береговой части поселения, будут характеризовать не ранний, как считают В.Ф.Зайберт и О.И.Мартынюк, а поздний этап функционирования Ботая. Этой точке зрения, как нам кажется, можно найти подтверждение, правда за пределами Ботая.

Терсекские памятники Тургайского прогиба, как мы уже отмечали, неоднородны [Калиева, 1987, с.82-84]. У нас есть памятники с большим удельным весом керамики с веревочной орнаментацией. Из раскопанных памятников в качестве примера можно сослаться на Кожае 1 и Бестамак. На Кожае 1, например, керамики с веревочным орнаментом не меньше, чем с гребенчатым. Оговоримся сразу, что текстильной керамики в Тургайском прогибе нет. Это видимо этнографическая черта Ботая. В северной части прогиба известно несколько памятников в коллекциях

которых нет керамики украшенной оттисками веревочного штампа. Это Соленое Озеро 1, Евгеньевка 2, Ливановка [Логвин, Калиева, 1984; Логвин, 1988; Логвин, 1992].

На южнотургайском поселении Кумкешу 1 керамика украшенная зубчатым штампом составляет около 90% орнаментированной керамики, то есть удельный вес последней намного выше, чем в сравнительно недалеко расположенном Кожае 1.

Таким образом, в Тургайском прогибе, так же как и на Ботае, фиксируются два вида керамических комплексов. Один практически чисто гребенчатый, а второй включает в себя керамику как с зубчатой, так и с веревочной орнаментацией. Однако в противоположность исследователям Ботая мы считаем комплексы с гребенчатой керамикой более молодыми, чем памятники давшие керамику украшенную в равной мере оттисками гребенчатого и веревочного штампа.

В какой-то мере в пользу более позднего бытования гребенчатого комплекса свидетельствуют находки плоскодонных сосудов на поселении Кумкешу 1. Один из них археологически целый, а три представлены фрагментами днищ. Орнаментация целого сосуда не оставляет сомнений в принадлежности его гребенчатому комплексу (рис. 19,5). Наличие плоскодонных сосудов с типичной для терсекской керамики орнаментацией может рассматриваться как поздний признак. На более раннем, вероятно, поселении Кожай 1 мы получили огромную коллекцию керамики, но в ней нет даже малейших признаков использования плоскодонной посуды. Многочисленность кожайской коллекции исключает элемент случайности.

Подтверждение правомерности нашему выводу о более позднем возрасте гребенчатых комплексов мы находим в Зауралье. Имеются в виду уже упоминавшиеся стратиграфические наблюдения, свидетельствующие о более позднем возрасте аятской керамики по сравнению с липчинской [Ковалева, 1979, с.119; Старков, 1980а, с.172; Косарев, 1981, с. 32]. Аятская керамика чисто гребенчатая, а липчинская - гребенчато-веревочная. При этом мы считаем в данном случае не имеющим большого значения что это "псевдоверевочная", "ложношнуровая" и т.д. орнамен

тация. Чем бы этот орнамент не наносился, он видимо имитировал (обозначал) оттиски веревочки и веревочного штампа.

В свете этих наблюдений представляется достаточно правомерной точка зрения Л.Я.Крижевской, что южноуральские памятники типа Латочка, Няшевка II, Кораблик и др. входят вместе с памятниками типа Кысы-Куль, Суртанды VIII, Березки и др. в одну кысыкульскую культуру, относясь возможно лишь к разным этапам ее.

Заканчивая обзор проблем хронологии и периодизации энеолитических памятников Тургайского прогиба следует признать, что имеются достаточно веские основания уже сейчас в предварительном плане говорить о наличии двух этапов развития терсекских памятников.

Поскольку по поводу культурной принадлежности тургайских энеолитических памятников высказаны разные точки зрения, то нам видимо необходимо остановиться и на этой проблеме. Приведенные выше результаты работы по определению места энеолитических памятников Тургайского прогиба среди других древностей показали, что имеется обширный круг памятников с весьма специфической керамикой. Специфика ее заключается в наличии сосудов с богатой геометрической орнаментацией, в которой заметную роль играют композиции с вертикальным членением орнаментального поля. Прежде всего это терсекские памятники Тургая, Ботай, памятники суртандинской (кысыкульской), липчинской и аятской культур. В целом они локализируются на значительной территории прилегающей к рекам Тобол, Ишим, Иртыш и их уральским притокам. Самые северные памятники этого круга известны в бассейне р.Конды [Косарев, 1987, с.253; Стефанов, Кокшаров, 1990]. Наличие керамики аятского типа на чужьяельских памятниках Северного Приуралья заставляет учитывать возможность обнаружения поселений с подобной керамикой и в Нижнем Приобье, севернее р.Конды. В какой-то мере в пользу этого свидетельствуют и факты находок керамики с сотовой орнаментацией на нижнеобских памятниках Малый Атлым, Сортынья II и др. [Чернецов, 1953, табл.XVII; Окладников и др., 1979, с.121- 125;].

В лесной и лесостепной зоне западная граница этого круга памятников вероятно проходила по Уралу. Однако, по крайней мере в отдельные периоды, сфера его влияния распространялась, судя по всему, и на часть Приуралья. Об этом свидетельствуют уже неоднократно упоминавшиеся памятники среднего этапа чужьяельской культуры и памятники типа Месягутово и Средняя Ока в Башкирском Приуралье.

В степной и полупустынной зоне памятники рассматриваемого круга локализируются в Урало-Ишимском междуречьи. Самыми южными памятниками пока являются южно-тургайские памятники Кумкешу 1 и Кожай 1. Однако следует учитывать, что вероятность обнаружения аналогичных памятников к югу от них достаточно велика.

Неолитические и энеолитические древности Центрального Казахстана практически еще не изучены. Как далеко на восток распространяются памятники этого типа сказать пока трудно, но вряд ли они будут обнаружены в правобережной части степного течения Иртыша. Там видимо начинается мир энеолитических культур афанасьевского круга.

Таким образом, очерченный нами круг памятников занимает огромную территорию, охватывающую несколько географических зон. Очень сложен вопрос интерпретации отмеченной близости орнаментальных композиций керамики памятников столь обширной территории.

Среди специалистов давно уже утвердился и сейчас видимо не требует особого обоснования тезис о том, что среди массовых категорий находок наибольшей этнической информативностью располагает керамика, а в ней орнаментальные узоры. Рассматриваемый круг памятников дает к этому дополнительные основания.

Мы уже обращали внимание на то, что эти памятники расположены в различных географических зонах. Очевидно, что оставившие их группы населения практиковали разные типы хозяйства в зависимости от того в какой географической зоне они обитали. Для лесостепной и степной зон реконструируются производящие формы хозяйства, часто с незначительным удельным весом непродуцируемых форм [Матюшин, 1982, с.277-296; Зайберт, 1983,

с.7]. Для обитателей памятников лесной зоны основными были присваивающие формы хозяйства [Косарев, 1984, 156-157; Косарев, 1987, с. 254, 257].

Поскольку несмотря на принципиальные отличия в хозяйственной сфере для украшения посуды использовались одни и те же узоры, можно сделать вывод, что интересующий нас орнаментальный комплекс никоим образом не зависел от хозяйственной деятельности. Отсюда мы вправе его рассматривать как символ определенного этнического единства. Это единство не могло бы существовать столь длительное время без наличия достаточно регулярных контактов, в условиях обитания в резко контрастирующих ландшафтах и обусловленной в значительной мере этим принципиально различной хозяйственной деятельностью, оно - единство - неминуемо распалось бы. Следовательно, у нас есть все основания считать что рассматриваемые памятники в своей совокупности представляют этнокультурную или историко-этнографическую общность.

В свое время одним из авторов было предложено называть ее общностью культур геометрической керамики [Калиева, 1990, с.16; Калиева, 1992, с.54-59]. Позже в той или иной мере близкие нашим взгляды были высказаны рядом уральских археологов. Так, В.Г. Мосин объединяет кысыкульские, суртандинские, аятские, терсекские и ботайские памятники в южноуральско–североказахстанскую энеолитическую общность [Мосин, 1993, с.14-19]. Н.М. Чаиркина выделяет зауральско–североказахстанскую культурно–историческую общность [Чаиркина, 1995, с.18-20]. Концепция Н.М. Чаиркиной во многом является развитием точки зрения А.Ф. Шорина о существовании зауральской области ареала лесных энеолитических культур гребенчатой керамики [Шорин, 1993, с.84-93].

Нам представляется что название **зауральская общность энеолитических культур геометрической керамики** более точно и значимо отражает обозначаемое им явление.

Уровень развития коммуникаций того времени не обеспечивал всеобъемлющих связей, которые могли бы привести к полной нивелировке материальной и духовной

культуры, что создает возможность для выделения локальных археологических культур. Работа эта большей частью была проделана предыдущими исследователями, выделившими ряд культур на территории расположенной к северу и к северо-западу от Тургая. На них мы останавливаться не будем, поскольку достаточно подробно рассматривали их выше. Рассмотрим проблему культурной принадлежности памятников Тургайского прогиба, тем более что уже наметились определенные разногласия по их трактовке.

Как мы уже отмечали, впервые материалы энеолитических памятников Тургайского прогиба были опубликованы А.А.Формозовым, который на их основе с привлечением материалов орских стоянок и Кысы-Куля выделил "южно-приуральскую", "терсек-карагайскую" культуру [Формозов, 1951, с. 11-13; Формозов, 1951а, с.117]. Это не встретило особых возражений специалистов, лишь К.В. Сальников выступил резко против включения в эту культуру поселения Кысы-Куль. Он склонен был выделять казахстанские памятники в особую группу, признавая при этом их сходство с Кысы-Кулем [Сальников, 1962, с.28-30].

Г.Н.Матюшин в монографии посвященной энеолиту Южного Урала, не зная тогда еще наших материалов, колебался относить терсекские, или как он их называет вслед за К.В.Сальниковым кустанайские, памятники к суртандинской культуре или нет, хотя поселение Ботай называет типично суртандинским памятником [Матюшин, 1982, с.111-113]. Позднее Г.Н.Матюшин уже решительно включил северотургайские памятники в суртандинскую культуру, расширив границы последней до Ишима [Матюшин, 1996, с.105,113].

Нам уже приходилось писать об отличительных признаках памятников Тургайского прогиба и Южного Зауралья [Логвин, Калиева, 1986, с.72-73]. Существенные отличия отмечаются в кремневом инвентаре. Так, тургайские и зауральские группы населения эксплуатировали различные источники сырья для изготовления кремневых орудий. На наших памятниках абсолютно преобладают находки из кварцитов и кварцитопесчаников, как правило серого цвета. В Зауралье широко использовались яшмы и

черный кремь [Крижевская, 1977, с.16; Матюшин, 1982, с.24,25,83-88]. А.А.Формозов безусловно прав в том, что "использование разных пород для выделки орудий" обусловлено "своеобразием природной среды", но это свидетельствует и об определенной территориальной приуроченности, замкнутости тех или иных групп населения. Надо думать, что этнические связи и традиции реализовывались прежде всего внутри таких групп.

На кысыкульских памятниках, как мы уже отмечали, существенно выше процент орудий из пластин [Крижевская, 1977, с.17]. На чистом, по словам Г.Н. Матюшина, суртандинском памятнике поселении Суртанды VIII орудия из пластин составляют примерно 25% от суммы орудий из отщепов и пластин, у нас на чистых памятниках от 0,9% до 3,0% [Матюшин, 1982, с.23]. Это также свидетельствует об определенной обособленности зауральской и тургайской групп населения. На тургайских памятниках редко встречаются столь характерные для Зауралья сосуды с примесью талька в тесте. Тургайские сосуды в целом как будто имеют более вытянутую форму, хотя уверенно судить об этом трудно из-за малочисленности целых сосудов в Зауралье. Всё это вместе взятое заставляет с настороженностью относиться к попыткам объединения терсекских и зауральских памятников в рамках одной культуры. Пожалуй по состоянию современной фактической базы правильнее будет считать их принадлежащими разным, но родственным культурам.

В отношении ишимских памятников сложилась в целом аналогичная ситуация. Первоначально В.Ф.Зайберт не распространял понятие "ботайская культура" на терсекские памятники Тургая. В качестве "отличительных" черт ботайской культуры он называет:

- "коневодство как доминанта в комплексной системе хозяйства;
- глинобитно-древесная архитектура (жилая и производственная);
- групповой характер погребений в пределах поселения;
- обычай трепанации и изготовления посмертных масок;
- культовая роль черепов лошадей;
- сосуществование гребенчатой и веревочной техники

орнаментации керамики, наличие характерных насечек по венчикам основной массы сосудов;

- коленчатые двусторонне обработанные ножи;
- бифасы-сверла;
- уникальные наконечники копий, уплощенные, двусторонне обработанные, длиной более 20 см;
- диски полифункционального характера и долота-сверла;
- несколько уникальных типов среди костяного инвентаря - стержневой псалий (?), челнок (?) для ткацкого станка, гравированные фаланги лошадей, трубчатые штампы для керамического производства" [Зайберт, 1985, с.9].

В вышедшей в 1993 году монографии он резко меняет свою позицию. Терсекские памятники включаются им в состав ботайской культуры. Сделано это было довольно странно. Вся аргументация в пользу правомерности такого шага заключена в одной фразе: "Сходство... керамики, наконечников стрел, скребков и других изделий между Ботаем и кустанайскими стоянками свидетельствует об однокультурности" [Зайберт, 1993, с.142].

Вообще-то терсекские и ботайские древности действительно имеют много общего. Не считая "уникальных" единичных вещей типа предполагаемых псалия и челнока, а также характера погребений (включая сюда и трепанацию черепа), культовой роли лошадиных черепов, отсутствие которых в наших материалах вполне возможно является случайным, в выше приведенном списке отличительных черт есть только одна действительно отличительная в сравнении с тургайскими памятниками черта. Это "глинобитно-древесная архитектура". Все остальные признаки достаточно обычны для наших памятников. Неясно правда о каких насечках "по венчикам основной массы сосудов" идет речь. В публикациях посвященных керамике Ботая насечки упоминаются лишь в связи с керамикой боборыкинского облика, количественно составляющей незначительную часть керамического комплекса Ботая [Зайберт, Мартынюк, 1984; Мартынюк, 1985]. Если же имеются в виду отиски зубчатого и веревочного штампа по борозке и внутреннему краю сосуда, то они для наших сосудов также обычны.

"Глинобитно–древесную архитектуру" в качестве признака отличающего ботайскую культуру от других лучше не использовать. Это вторичный, реконструированный признак, верность заключений по которому зависит от правильности реконструкции. Между тем, даже исследователи Ботая несколько по-разному реконструируют ботайские жилища. В.Ф.Зайберт считает, что на краю котлована сооружались стены из глиняных блоков высотой 60-100 см. "По периметру стен укладывали деревянную обвязку и на ней возводили коническое шатровое перекрытие с дымовым отверстием в центре" [Зайберт, 1993, с.21, 141].

А.М.Кисленко рисует несколько иную картину: " Выкапывался котлован 4–8-ми угольной формы глубиной до 1 м и площадью от 20 до 70 м. Вынутая при рытье глина укладывалась по периметру в виде вала высотой до 1 м. На выстроенные таким образом стены укладывались бревна в виде сужающегося сруба" [История Казахстана, 1996, с.96].

Между стеной из глиняных блоков и валом дистанция огромного размера. В последнем случае о глинобитной архитектуре говорить не приходится.

В итоге, если исходить из приведенного выше перечня признаков ботайской культуры, то действительно близость между терсекскими и ботайскими древностями несомненна. Но ботайские древности в неменьшей степени близки суртандинским по тем же признакам, что и терсекские. Однако исследователи Ботая не ставят под сомнение факт существования самостоятельной (отдельной от ботайской) суртандинско-кысыкульской культуры [Зайберт, 1993, с.151]. Позиция несколько алогичная.

Если признавать правомерность существования суртандинско-кысыкульской и ботайской культуры, нет никаких оснований отказывать в этом терсекской. В пользу определенной культурной обособленности терсекских и ботайских древностей говорит и такая яркая, но почему-то не учитываемая В.Ф.Зайбертом черта, как весьма характерная для Ботая "текстильная керамика" [Мартынюк, 1985, 59-72; Зайберт, 1993, с.94].

Для Тургайского прогиба она напротив не характерна. Безусловно это этнографический признак, и он свидетельствует об определенной культурной обособленности терсекских и ботайских памятников.

Вероятно для ботайской керамики более характерен, чем для терсекской, и прием украшения керамики ямочными вдавлениями. Хотя мы не смогли установить удельный вес его в общей системе орнаментации, судя по тому, что исследователи пользуются терминами гребенчато-ямочная и веревочно-ямочная керамика, он достаточно велик [Зайберт, 1993, с.95,150]. Это также свидетельствует о неполном этнокультурном совпадении терсекских и ботайских материалов.

Таким образом, памятники терсекской культуры достаточно четко выделяются на фоне непосредственно с ней соседствующих родственных суртандинско–кысыкульской и ботайской культур, входя вместе с ними в более обширную зауральскую общность энеолитических культур геометрической керамики.

Заключение

Одной из сложнейших проблем общечеловеческой первобытности является этническая интерпретация археологических культур. По этой проблеме к настоящему моменту сформировался значительный список опубликованных работ, в которых изложен широкий спектр взглядов, начиная от утверждения что за археологическими культурами следует видеть конкретные этносы и кончая отрицанием наличия какой-либо закономерной связи между археологическими культурами и этническими структурами оставившего их населения [Брюсов, 1956, с.5-27; Формозов, 1977, с.23-40; Клейн, 1991, с.123-209].

Уже сам объем опубликованных работ и большое разнообразие предлагаемых в них решений свидетельствует о невозможности создания единой справедливой для всех территорий и времен концепции. В каждом конкретном случае для конкретной группы памятников и, естественно, конкретного времени функционирования отражаемых ими "живых" древних структур этот вопрос должен решаться индивидуально. Попытаемся с этих позиций обратиться к изложенным выше материалам.

Мы считаем, что с точки зрения этнологии за археологической зауральской общностью энеолитических культур геометрической керамики следует видеть этнос-соплеменность, метаплемя [Алексеев, 1988, с.320]. В пользу этого свидетельствует следующее.

Население, оставившее памятники выделяемой общности, компактно обитало на огромной территории объединенной единой речной системой. Зона обитания его, как мы уже отмечали, была не только большой по размерам, но и расположена в разных географических зонах: от северных пределов тайги до полупустынь на юге. Естественно, что обитатели различных географических зон практиковали разные типы хозяйства.

По логике вещей, как уже отмечалось, обитание в столь разных природных условиях и соответственно практикование чуть ли не диаметрально противоположных типов хозяйства должно было привести к резкому культур-

ному обособлению северного и южного населения друг от друга. Усилению обособленности территориальных групп должно было способствовать и то, что они имели различные сферы контактов.

На деле однако мы наблюдаем совершенно иную картину. На огромной территории занятой памятниками культур геометрической керамики население в течении почти тысячи лет в различных частях ее воспроизводило практически один и тот же набор сложных орнаментальных композиций. Поскольку это явление не может быть в данном случае результатом близости хозяйственной деятельности, то корни его, причину его появления следует видеть в идеологических сферах протекавших здесь этнических процессов. Мы считаем, что тот орнаментальный комплекс, который позволил исследователям объединить памятники большого числа культур в рамках единой археологической общности, представляет собой знак-символ прямо свидетельствующий о наличии у различных групп населения столь обширной территории сознания своего единства и одновременно противопоставленности своей населению сопредельных территорий.

Иными словами, речь идет о том, что этот орнаментальный комплекс свидетельствует о наличии самосознания у населения составлявшего метаэтническое образование археологически фиксируемое как зауральская общность энеолитических культур геометрической керамики.

В этнолингвистическом отношении население этой общности видимо следует связывать с древними уграми. Финно-угорская принадлежность ее лесных культур никогда практически не вызывала сомнений. Часть исследователей считает их угорскими [Бадер,1972; Шорин,1993]. Аналогичным образом должен решаться вопрос и о языке степного населения. Признавая угорским население оставившее липчинские и аятские древности, логично считать угорским и население суртандинской, терсекской и ботайской культур.

Другим аргументом в пользу того что терсекское, равно как суртандинское и ботайское, население говорило на одном из финно-угорских, точнее угорских, языков могут служить резкие отличия степных культур заураль-

ской общности энеолитических культур геометрической керамики от своих степных же соседей. Имеются в виду прежде всего культуры ямной общности и, в определенной мере, афанасьевская культура.

Терсекско-ботайское и ямное население обитало в сходных ландшафтных условиях (степь) и в общем одновременно практиковало одинаковый тип хозяйства (кочевое скотоводство). Несмотря на это, имеющиеся факты дают основание говорить о существенных различиях этих двух групп населения не только в материальной культуре, но и в идеологической сфере.

Различия эти прослеживаются по трем направлениям:

1). При несомненном сходстве некоторых форм сосудов мы имеем определенные и существенные отличия в орнаменте, главным (основным) из которых является отсутствие в ямной орнаментике того комплекса, который позволил обособить культуры геометрической керамики от всех остальных. Близость форм сосудов, равно как и орудиенного набора (если судить по материалам Михайловки), является закономерным следствием принадлежности ямного и терсекского населения к одному и тому же ХКТ скотоводов–кочевников евразийских степей III тыс. до н.э.

Форма сосудов и орудиенный набор наиболее тесно связаны с хозяйственным бытом населения и в значительной мере им обусловлены [Логвин, 1981а, с.158-160]. Орнамент на керамике из всех ее признаков менее всего связан с хозяйственным бытом, но очень тесно сопряжен и в определенной мере обусловлен идеологической сферой жизнедеятельности общества, в значительной мере ее этническим компонентом. Уже эти наблюдения свидетельствуют о том, что мы имеем дело с этнически обособленными обществами.

2). Эти общества безусловно имели разную погребальную обрядовость. Ямных погребений известно много, абсолютное большинство их подкурганные. В рамках общности культур геометрической керамики, в основном в лесной зоне ее исследователями в настоящее время насчитывается около двух десятков грунтовых нео-энеолитических погребений, культурную принадлежность боль-

шей части которых трудно определить из-за отсутствия в них керамики [Шорин, 1982, с.183-188].

В степях Казахстана к настоящему времени изучено огромное количество курганов, но только в одном из них получены материалы ямно – афанасьевского облика [Евдокимов, Ломан, 1989].

Таким образом, можно уверенно говорить что курганный обряд захоронения не характерен для населения всей общности, в т.ч. и южного степного населения. Это еще раз подчеркивает этническую обособленность его от ямного населения в такой чрезвычайно важной сфере какой являются мифо-космогонические представления.

3). Интересны отличия в составе стада ямного и терсекско-ботайского населения. Если у первых мы видим классическую для евразийских кочевников триаду: крупный рогатый скот, лошадь, овца, то вторые овец не разводили. Экономика их базировалась на разведении лошади и крупного рогатого скота.

Независимо от изначальных причин, обусловивших отсутствие овцы в составе стада терсекско-ботайского населения, уже сейчас ясно что мы имеем дело с интереснейшим явлением – длительной, почти тысячелетней традицией неприятия овцы в скотоводческой кочевой среде. Причем речь должна идти, видимо, именно об осознанной и довольно жесткой традиции.

Овца для скотовода, тем более для кочевника, слишком ценное животное, чтобы отказываться от нее без каких-либо чрезвычайно важных оснований. В отличие от лошади и быка овца способна давать не только мясо-молочную продукцию, но также мех и шерсть. Это чрезвычайно ценное, трудно переоценимое для скотовода, и особенно кочевника, ее свойство. Не зная об овце население оставившее памятники терсекского типа, видимо, не могло. Как уже отмечалось исследователями, степь в это время уже превратилась в фактор соединяющий, обеспечивающий широкие контакты обитавших в этой зоне общин людей [Мерперт, 1974, с.128]. В связи с этим чрезвычайно трудно предполагать что к терксекам информация о таком ценном животном как овца не поступала в течении почти тысячелетия ни с запада, ни с востока, ни с юга.

Условия для ее разведения в Приишимье и Тургайском прогибе в виде domesticiрованной лошади уже были. Все это заставляет предполагать, что в терсекской среде существовал, вероятно, запрет на разведение овцы (табу). То есть корни неприятия овцы лежат в идеологической сфере.

Безусловно в обществе должен был быть какой-то экономический механизм компенсации негативных моментов связанных с этим запретом, иначе он не смог бы так долго существовать.

Отсутствие овцы, с одной стороны, видимо, компенсировалось достаточно развитой охотой на сайгу и кулана, заменявшими ту часть мясной пищи, которую скотоводу предоставляет овца, с другой, – постоянными контактами, в т.ч. и товарообменными, с населением северных культур общности геометрической керамики. В ходе этих контактов южное население могло регулярно и в необходимом количестве получать пушнину, которая полноценно замещала отсутствие овчины.

Наличие постоянных и тесных контактов между населением различных частей (и еще раз подчеркнем, разных географических зон) рассматриваемой нами общности, было необходимым условием ее существования. Безусловно не последнюю роль в интенсивности этих контактов сыграло наличие единой речной сети (Тобол, Ишим, Иртыш, Обь). Для древнего мира это стандартная ситуация, которую мы можем наблюдать на древнем Востоке, включая Индию и Китай.

Таким образом, при сопоставлении ямных и терсекско-ботайских древностей, мы не можем их воспринимать иначе как свидетельство существования в III тыс. до н.э. в соприкасающихся регионах степей Европы и Азии двух этнически не только обособленных, но и в значительной мере противопоставленных друг другу общностей.

Поскольку индоевропейская (и даже индоиранская) принадлежность ямников в настоящее время мало кем подвергается сомнению, то с учетом сказанного выше о языковой принадлежности северных культур геометрической керамики по принципу антитезы угорский язык

для обитателей терсекско-ботайских памятников становится еще более вероятным.

В пользу этой точки зрения свидетельствуют исследования лингвистов о наличии в древности тесных контактов носителей индоиранских и угорских языков, с одной стороны, и отмечаемые ими контакты носителей дравидийских и угорских языков, с другой. Последние по мнению некоторых исследователей реализовались в Приаралье [Толстов, 1948, с.63-66; Чернецов, 1953, с.7; Harmatta, 1981, с.81].

Большой интерес в плане реконструкции исторических судеб терсекского населения представляет проблема происхождения терсекской культуры. К сожалению, как обычно в археологии, она с трудом поддается решению.

Безусловно, проблема формирования терсекской культуры тесно связана, точнее представляет собой часть проблемы формирования всех культур зауральской общности геометрической керамики. Чаще всего исследователи видят их корни в местном неолите. В частности так реконструируется процесс формирования соседних с терсекской суртандинской и ботайской культур.

В.Ф.Зайберт ботайскую культуру напрямую выводит из выделяемой им в Приишимье неолитической атбасарской культуры. Г.Н.Матюшин также считает, что суртандинские древности непосредственно вырастают из местных неолитических [Матюшин, 1982, с.270-271]. При этом оба исследователя оперируют одинаковыми аргументами.

Во-первых, они указывают на сходство неолитической и энеолитической керамики, проявляющееся в круглодонности сосудов и наличии орнамента выполненного зубчатым штампом. Во-вторых, видят сходство в хозяйственной сфере. Они считают, что зачатки характерной для энеолита скотоводческой экономики отмечаются в Южном Зауралье и Казахстанском Приишимье уже в эпоху неолита [Матюшин, 1982, с.270-271; Зайберт, Мартынюк, 1984, с.89].

Вобщем-то это традиционный подход. Во все времена исследователи, получив новые, ранее неизвестные материалы, пытались найти корни их прежде всего в более ранних материалах этой же территории. В целом такой

подход оправдан, но только при соблюдении определенных требований. Во-первых, сравниваемые группы древностей предварительно должны быть точно вписаны в достаточно обширный круг синхронных памятников. Иными словами, должно быть определено место каждой из них в цепочке синхронных культур. Во-вторых, необходима полная уверенность, что обнаруженные материалы сравниваются с **непосредственно** им предшествующими. В-третьих, сопоставление должно проводиться по значимым, несущим прежде всего генетическую информацию признакам.

В рассматриваемой ситуации эти требования не были соблюдены. В частности, вызывает сомнение тезис о восприятии суртандинским и терсекским населением навыков скотоводства у предшествовавшего им неолитического населения. Г.Н. Матюшин в обобщающей работе по энеолиту Южного Урала отмечает, что только на одном "чистом" неолитическом памятнике Южного Зауралья, стоянке Суртанды III, получены кости животных. Из них определима только одна кость лося. Следовательно, его заключение о наличии скотоводства в неолите Южного Зауралья базируется на материалах четырех памятников: Мурат, Березки, Суртанды VI и VII, которые, как сообщает автор, имели неолитические и энеолитические слои [Матюшин, 1982, с.282]. Можно добавить, что на стоянках Мурат и Березки имеются материалы и более поздних эпох [Матюшин, 1982, с.37,61]. Как известно, на этих памятниках разновременные слои лежат непосредственно друг на друге и не разделены стерильными прослойками, что предполагает неизбежное проникновение материалов, в том числе и костных остатков, из одного слоя в другой.

В Казахском Приишимье во многом аналогичное положение. Например, в Тельманском микрорайоне большая часть исследованных В.Ф.Зайбертом стоянок расположены рядом с поселениями эпохи бронзы и даже более поздних времен. Тельмана IX находится в 60 м, остальные - в 100-300 м от поселений эпохи бронзы. В такой ситуации вполне вероятно и, пожалуй, неизбежно попадание в неолитические культурные слои костей животных эпохи бронзы [Зайберт, 1979, с.60-61].

Не этим ли (проникновением более поздних материалов) объясняется та странная на первый взгляд ситуация, когда по данным В.Ф.Зайберта в неолите Казахстанского Приишима среди домашних животных отмечается лошадь, крупный и мелкий рогатый скот, а в энеолите, судя по материалам Ботая, единственного хорошо изученного "чистого" энеолитического памятника этой территории, к домашним животным может быть отнесена только лошадь [Зайберт, 1979, табл.319; Зайберт, 1985, с.84,85]. Известно, что набор животных из лошади, крупного и мелкого рогатого скота характерен как раз для эпохи бронзы. В целом же приходится признать весьма проблематичным наличие преемственности в хозяйственной деятельности неолитического и энеолитического населения рассматриваемых регионов [Нурумов, Макарова, 1988, с.12].

Не убедительно выглядят и два других приводимых В.Ф.Зайбертом и Г.Н.Матюшиным признака генетической взаимозависимости неолитических и суртандинско–ботайских памятников. Техника нанесения орнамента на сосуды зубчатым штампом применялась населением самых разных территорий в широком диапазоне времени. Немногим уже и сфера обращения круглодонных сосудов. Следовательно, для того чтобы сходство по этим признакам получило хоть какое-то генетическое звучание, необходимо вначале доказать что рассматриваемые энеолитические памятники непосредственно сменяют неолитические. Видимо чувствуя это, указанные авторы стремятся сомкнуть их во времени. Г.Н.Матюшин пытается удревнить суртандинские материалы до V тыс. до н.э., а В.Ф.Зайберт оттягивает нижнюю границу существования ботайских до конца IV тыс. до н.э., то есть предполагаемого им верхнего рубежа бытования атбасарской культуры [Матюшин, 1982, с.270-271; Зайберт, Мартынюк, 1984, с.89].

Однако нам представляется более правильным отнесение нижней границы существования ботайской культуры к XXIX-XXVI вв. до н.э., предложенное В.Ф.Зайбертом в одной из последних работ [Зайберт, 1993, с.153].

Г.Н.Матюшина, видимо, увлекла идея синхронизации суртандинской культуры с агидельской и хвалынской, а также радиоуглеродная дата с поселения Березки (7600

±200 лет до н.д.) [Матюшин, 1982, с.70,115,294]. Однако дата получена по образцу взятому из "нижнего горизонта", связь которого с суртандинской культурой далеко не бесспорна. Во всяком случае сам автор раскопок указывает, что здесь вместе с керамикой интерпретируемой им как суртандинская "встречается раннеолитическая керамика" [Матюшин, 1982, с.61,66,67]. Дата таким образом вполне может быть связана с неолитическим поселением.

Не убедительна и попытка Г.Н.Матюшина синхронизировать суртандинские древности через гаринские и агидельские с хвалынскими [Матюшин, 1982, с.269-270,274]. Как уже отмечалось другими исследователями, во всех указываемых им случаях совместного залегания агидельской и гаринского облика керамики не исключена вероятность смешения разновременных материалов. Более того, судя по всему, выделяемые Г.Н.Матюшиным позднеагидельские памятники (Муллино IV, Сауз III и др.) не имеют никакого отношения ни к самарским, ни к хвалынским древностям, а культурно и хронологически должны быть сближены с гаринско-борским кругом памятников [Матюшин, 1982, с.206,225; Васильев и др., 1985, с.287].

В итоге, с учетом сказанного выше, по поводу датировки терсекской культуры мы приходим к выводу о том, что уже время бытования всех трех культур (суртандинской, терсекской, ботайской) само по себе исключает возможность формирования их непосредственно на базе местных неолитических памятников, конечно, если не пытаться вытянуть последние в III тыс. до н.э.

Это в свою очередь в значительной мере обесценивает приводимые Г.Н.Матюшиным и В.Ф.Зайбертом наблюдения о сходстве керамики неолитических и терсекского типа памятников. Сходство это может быть и свидетельствует о доживании какой-то части неолитических традиций до терсекского времени, однако выводить на этом основании энеолитические терсекского типа памятники напрямую из неолитических не следует.

По нашему мнению как-то прояснить процесс формирования терсекского круга памятников, по крайней мере наметить пути подхода к этой проблеме, может помочь опыт изучения памятников степной и лесостепной зон Во-

сточной Европы. Здесь в последние годы сделан крупный шаг вперед в изучении неолита и энеолита, на современном этапе завершившийся созданием наиболее подробной и обоснованной, чем когда-либо ранее реконструкции процесса сложения и развития энеолитических культур [Мерперт, 1980, с.3-26; Васильев, Синюк, 1985].

Исследователи неолита азиатских степей, во всяком случае прилегающей к Европе их казахстанской части, не имеют права игнорировать этот факт. Процесс формирования энеолита в степях Восточной Европы (естественно в реконструированном виде) может рассматриваться как своеобразная модель для азиатских степей.

Правомерность такого подхода к данной проблеме определяется тем, что в степной зоне в каждом из конкретных периодов прошлого, вплоть чуть ли не до нового времени, отмечается существенное сходство материальной культуры (набор и типы орудий, формы сосудов и проч.) европейских и азиатских памятников. При этом смена облика материальной культуры (иначе говоря смена этапов) в обеих частях степной зоны происходила одинаково и в археологическом масштабе времени одновременно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ямные, терсекские и афанасьевские памятники, срубные и андроновские, а также памятники кочевников Евразии. Отмеченная для позднего энеолита, эпохи бронзы и раннего железного века тождественность степных азиатских и европейских материалов могла быть только результатом тождественности процессов их формирования. Это тем более вероятно, что в неолите европейских и северо-казахстанских степей также много общего (пластинчатая индустрия, близкие типы орудий, близкие формы маханджарских и сурско-днепровских сосудов) [Бодянский, 1949, с.255-258; Даниленко, 1969, с.186-188, рис.3].

Исходя из этих наблюдений, следует предполагать, что в степях Казахстана терсекским древностям должны предшествовать памятники раннего и среднего энеолита, близкие по облику материальной культуры мариупольским и хвалынско – среднестоговским памятникам Восточной Европы [Васильев, Синюк, 1985, с.9-39]. Близкие в

той же примерно степени сходства, в какой близки друг другу ямные и терсекские памятники.

Первые, пусть небольшие, материалы раннего (дотерсекского) энеолита уже имеются в нашем распоряжении. Получены они в северной части тургайских степей в Притоболье на поселениях Алкау 2, Бестамак и Сулуколь 1. К сожалению, все памятники дали смешанные коллекции разновременных материалов. В связи с этим определить комплекс орудий характерный для раннего энеолита невозможно. Уверенно можно лишь утверждать что для него присуща была пластинчатая индустрия.

Керамика, благодаря своей специфичности, выделяется хорошо. Сосуды имели как правило отогнутые наружу шейки. Венчик обычно уплощенный, изредка встречаются округлые и приостренные венчики. Орнамент выполнен разнообразными приемами: прочерчиванием, вдавлениями, насечками и – реже – оттисками зубчатого штампа. При этом в орнаментации примерно пятой части сосудов отмечается сочетание оттисков зубчатого штампа с насечками и вдавлениями. В основном орнаментом украшались шейки сосудов, однако встречены сосуды и с орнаментированными стенками. Часть керамики украшена очень скупо, лишь насечками по горловине сосуда .

Типологически и территориально наиболее близкие аналогии эта керамика находит в керамике боборыкинского круга памятников лесного и лесостепного Притоболья. К сожалению, среди исследователей в вопросе датировки боборыкинской культуры нет единого мнения. Первые исследователи боборыкинских памятников датировали их очень поздним временем – концом III-началом II тыс. до н.э. [Сальников, 1961, с.77]. Затем, в ходе дальнейших исследований была выяснена их позиция по отношению к другим энеолитическим памятникам Нижнего Притоболья. Было доказано, что стратиграфически боборыкинские материалы предшествуют липчинским и шапкульским, а последние в свою очередь – аятским. Одновременно боборыкинские памятники были удревнены до середины III тыс. до н.э., а В.Т.Ковалева и Н.В.Варанкин не исключали возможность отнесения нижней границы их к рубежу IV-III тыс. до н.э. [Крижевская, 1977, с.121; Ко-

сарев, 1981, с.37; Ковалева, Варанкин, 1984, с.157]. Позднее В.Т. Ковалева резко изменила свою точку зрения на боборыкинские памятники. В феврале 1986 г. в докладе на совещании в г. Оренбурге она отнесла их к неолиту с датировкой второй половиной IV тыс. до н.э. [Ковалева, 1986, с.53-55].

Нам уже приходилось высказывать свой взгляд на время существования боборыкинских памятников [Логвин, 1982, с.157-159]. Мы относим их к раннему энеолиту с примерной датировкой первой половиной IV тыс. до н.э. При этом, как и все исследователи, учитываем тот факт, что на ряде памятников боборыкинские материалы перекрываются шапкульскими, т.е. являются более древними, чем последние. Однако утвердившаяся датировка шапкульской культуры второй половиной III тыс. до н.э. представляется нам омоложенной.

В свое время В.Ф. Старков датировал стоянку Шапкуль 1 на основании сходства орнаментальных мотивов ее керамики с орнаментальными мотивами липчинской керамики [Старков, 1976, с.47-48]. Кремневый инвентарь не принимался во внимание. Между тем на стоянке Шапкуль 1 орудия из пластин составляют примерно половину всех орудий. Кремневые орудия типичны для пластинчатых индустрий, в том числе имеются такие орудия, как пластины с притупленной спинкой, резцы. Достаточно характерны кельтеминарские наконечники стрел. По типам орудий и общему облику кремневой индустрии памятники типа Шапкуль 1 хорошо сопоставляются с такими кельтеминарскими памятниками, как Джанбас 4 и Кават 7. Время существования последних, исходя из общей концепции А.В.Виноградова, может быть определено второй половиной IV – началом III тыс. до н.э. При такой датировке шапкульских древностей боборыкинская культура должна быть отнесена примерно к первой половине IV тыс. до н.э. С этим неплохо согласуется радиоуглеродная дата с поселения Ташково 1 (5490 ± 60) [Ковалева, 1986, с.55]. При таком варианте датировки боборыкинские древности попадают в один хронологический пласт с мариупольскими. Напомним, что их объединяет и большой удельный вес в керамике плоскодонных сосудов.

Керамика степного Притоболья типологически близкая боборыкинской также должна быть отнесена к первой половине IV тыс. до н.э., и вместе с ней видимо маркирует наличие круга памятников являющихся азиатским аналогом европейских памятников типа Мариупольского, Никольского и Съезженского могильников.

Интересно что на Бестамаке найдены сосуды, не имеющие пока аналогов на сопредельных территориях, но зато по форме хорошо сопоставимые со среднестоговскими: острое дно, раструбовидные высокие шейки [Телегин, 1973, рис.61,10; Логвин, 1987, рис.2].

Можно вспомнить также о том, что на Ботае был выделен небольшой комплекс керамики боборыкинского облика и, вероятно, связанного с ним пластинчатого орудийного комплекса. Следовательно, по крайней мере в северной части Тургая и в Кокчетавском Приишимье терсекско-ботайским памятникам предшествовали энеолитические же, но более ранние древности.

К сожалению, имеющаяся в настоящее время информация о них настолько фрагментарна, что делать какие-то заключения о степени участия их в формировании древностей терсекско-ботайского облика преждевременно.

Вместе с тем следует отметить, что в Тургае в еще более раннее время, в маханджарской культуре имеются некоторые признаки не позволяющие исключать полностью влияние каких-то местных еще неолитических традиций на процесс становления культур общности геометрической керамики. В орнаментации маханджарских сосудов можно найти аналоги даже таким достаточно сложным элементам орнамента, как вертикальные колонки, треугольники, соты.

Особенности орнаментального творчества терсекского населения позволяют также сделать некоторые заключения о дальнейших судьбах его. Уже давно исследователи отмечали близость терсекской и андроновской орнаментации [Брюсов, 1943а; Brjussoff, 1963; Формозов, 1951а].

В терсекских и андроновских, в том числе и наиболее ранних синташтинско-петровских, узорах много общего. Набор геометрических фигур практически одинаков.

Можно отметить лишь то, что на терсекских памятниках нет сосудов украшенных ступенчатыми пирамидками и меандрами, хорошо представленных в синташтинско–петровских. В свою очередь на синташтинско–петровской керамике не использовались такие фигуры как вертикальные лесенки и соты.

Отсюда следует предполагать, что терсекское население, вместе с населением других южных культур общности геометрической керамики, и его культура внесли большой вклад в формирование феномена представленного нам синташтинско–петровскими древностями. Именно это общество на рубеже III-II тыс. до н.э. под действием "иноземного" импульса пережило период трансформации, который привел к появлению совершенно нового явления. Пожалуй можно согласиться с тем, что импульс этот пришел с запада [Смирнов, Кузьмина, 1977, с.51].

Синташтинско-петровское население в этноязыковом отношении вероятнее всего было индоиранским. Как известно, индоиранцы практиковали "комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, основу которого составляло разведение крупного и мелкого рогатого скота и лошадей". Другой чертой индоиранского общества является наличие в нем особого сословия колесничих воинов [Кузьмина, 1981, с.101-113; Кузьмина, 1994, с.217-223].

Если мы попытаемся проследить истоки этих двух важных для синташтинско-петровского общества явлений в предшествовавших ему терсекско-ботайских обществах, то обнаружим, что это сделать трудно.

В терсекских и ботайских материалах пока нет данных о наличии повозок, а тем более колесниц. Раскопки чистых терсекских и ботайских поселений показали, что население, обитавшее в них, строило свою экономику на разведении крупного рогатого скота и лошадей. Овцы в их стаде не было. На близких терсекским суртандинских памятниках, по данным Г.Н.Матюшина, кости овцы встречены, однако, как нам уже приходилось отмечать, во всех случаях памятники имели примесь материалов более поздних эпох [Матюшин, 1982, с.37,61; Логвин, 1987, с.14].

В итоге, если мы имеем достаточно оснований говорить о несомненном вкладе терсекско-ботайского орна-

ментального комплекса в формирование синташтинско-петровского орнамента, то столько же оснований считать, что овца и колесница были привнесены на эту территорию со стороны. В свете изложенной выше информации естественным будет обратить внимание на западную часть степей.

При реконструкции процесса происхождения синхронных синташтинско-петровским памятникам культур эпохи бронзы степей Восточной Европы в качестве основы обычно называется ямная культура, часто в сочетании или взаимодействии с катакомбной. В разных регионах к этим двум компонентам добавляются другие (полтавкинская, среднеднепровская, и т.д. культуры) [Березанская и др., 1986, с. 41-42].

Ямное население разводило всех известных индоиранцам животных. Им хорошо была известна повозка. Тоже самое можно сказать и о катакомбниках, которые вели, правда, оседлый образ жизни, в отличие от кочевников-ямников [Шилов, 1970, с.18-25; Мерперт, 1974]. Ямники видимо в основном и были творцами "западного" импульса, о котором писали исследователи. Развитие ситуации нам представляется следующим образом.

В начале II тыс. до н.э., скорее всего в очень короткий период сосуществования ямных, катакомбных, возможно, раннеполтавкинских древностей какие-то группы индоевропейского (вероятно уже индоиранского), по преимуществу ямного населения, но, возможно, с участием катакомбного, двинулись на восток, в среду финно-угорского (суртандинского, терсекского, ботайского) населения. Возможно, в лесостепной зоне с терсекско-ботайскими общинами сосуществовали и общины, оставившие памятники типа Вишневка I.

Движение это было вызвано скорее всего целым рядом причин. С одной стороны, в какой-то мере оно было подготовлено всем предшествующим периодом развития производительных сил в кочевом обществе ямников, которые к этому времени освоили практически все степи Восточной Европы.

Общность культур геометрической керамики представляла собой, видимо, довольно мощное и организо-

ванное объединение, население которого долгое время противостояло ямной экспансии. Если предположение исследователей об этнической близости ямного и афанасьевского населения верны, то сопротивление было настолько сильным, что двигавшиеся на восток ямно-афанасьевцы вынуждены были обойти область культуры геометрической керамики. Возможно именно ими оставлено карагандинское погребение с керамикой ямно-афанасьевского облика.

Этим процессам способствовало видимо и то, что примерно в XIX в. до н.э. подвижность степного населения резко усилилась в связи с перестройкой климатической обстановки в сторону ее аридизации. В это время, вероятно, сопротивление финно-угров было сломлено, и степные регионы области культур геометрической керамики подверглись сильному воздействию индоевропейского в своей основе ямного населения.

В степных регионах, на территории занятой ранее терсекским и ботайским населением, возможно и в Южном Зауралье, судя по всему, закрепился индоиранский язык. В лесной зоне большая часть общин, трансформируясь под влиянием своих южных сородичей, вероятно сохранила исконный угорский язык.

Таким образом, новое синташтинско-петровское общество по нашему мнению является результатом не простой ассимиляции, а сложного взаимодействия двух миров, двух явлений. Это взаимодействие вызвало к жизни новое принципиально отличающееся от исходных двух явление.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Е.И., Акишев К.А., Кушаев Г.А., Максимова А.Г., Сенигова Т.Н. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата : АН Каз.ССР. 1966.

Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972.

Алексеев В.П. Демографическая и этническая ситуация // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М.: Наука, 1988.

Алпысбаев Х. Разведка памятников каменного века Казахстана в 1971 // Успехи Среднеазиатской археологии. Вып.2. Л.: Наука, 1972.

Андреанов Б.В. Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. N 99.

Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. 1970. N 166.

Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука. 1972.

Бобоедова А.А. Рельеф // Геология СССР. М.: Недра. 1971. Т. XXXIY. Кн. 1.

Бобоедова А.А. Гидрография // Геология СССР. М.: Недра. 1971а. Т. XXXIY. Кн. 1.

Бобоедова А.А. Климат // Геология СССР. М.: Недра. 1971б. Т. XXXIY. Кн. 1.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 1978.

Бодяньский О. Неолітична стоянка на острові Шулаєвому // АП. Т.2. 1949.

Брюсов А.Я. Неолит и начало бронзовой эпохи в Кустанайской области в Казахской ССР. // Кустанай, 1943. Рукописный фонд Кустанайского областного историко-краеведческого музея. N III. Д. N 371.

Брюсов А.Я. Очерк древнейшей истории Кустанайской области. // Кустанай, 1943а. Рукописный фонд Кус-

танайского областного историко–краеведческого музея. N 106. Д. N 372.

Брюсов А.Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. 1954. N 20.

Брюсов А.Я. Археологические культуры и этнические общности // СА. 1956. XXVI.

Быков Г.Е. Геологический очерк бассейна озера Убаган // Материалы по геологии и полезным ископаемым Казахстана. М.: Госгеолиздат. 1940. Вып. 2.

Васильев И.Б. Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско–турбинское время. Йошкар-Ола: МарНИИ. 1978.

Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КуйбГПИ. 1980.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: КуйбГПИ. 1981.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КуйбГПИ. 1982.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит восточно–европейской лесостепи. Куйбышев: КуйбГПИ. 1985.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Моргунова Н.Л. –СА.– 1985. –N2. – С.280–290/Рец. на кн.: Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. – М.: Наука. 1982.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука. 1968.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан // МХЭ. 1975. Вып. 10.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХАЭЭ. 1981. Вып. XIII.

Витт В.О. О лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. XVI.

Волкова В., Левина Т.П. Растительность голоцена Западной Сибири по палинологическим данным // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука. 1982.

Воронов А.Г., Скрябина А.А. Типы водоемов Кустанайской области и некоторые особенности их растительности // Биogeографические очерки Кустанайской области. М.: Изд-во МГУ. 1964.

Гайдученко Л.Л., Калиева С.С., Логвин В.Н. О хозяйстве энеолитического населения Тургайского прогиба // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ. 1989.

Гей А.Н. Новотиторовская культура(предварительная характеристика) // СА. 1991. N 1.

Головенко С.В., Максимова В.Ф., Шкуратенко З.В. Зональные и провинциальные особенности степей западной части Тургайской столовой страны (по данным крупномасштабных исследований)//Биogeографические очерки Кустанайской области. М.: Изд-во МГУ. 1964.

Головенко С.В., Максимова Г.Ф., Шкуратенко З.В. Растительность и почвы долины реки Тобол в пределах Тургайской столовой страны (по данным ключевых исследований) // Биogeографические очерки Кустанайской области. М.: Изд-во МГУ. 1964а.

Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев: Наук. думка. 1969.

Даниленко Т.А. Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало–Иртышского междуречья. Челябинск: ЧГУ. 1985.

де-Ливрон А.Р. Птицы Наурзумских степей // Труды Наурзумского государственного заповедника. М.: Комитет по заповедникам при Президиуме ВЦИК. 1937. Вып. 2.

Долуханов П.М., Тимофеев В.И. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука. 1972.

Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притобольшья в эпоху бронзы: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06. Киев. 1984.

Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ. 1989.

Евдокимов В.В. Формальные и сущностные аспекты периодизации эпохи бронзы Центрального и Северного Казахстана // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 1. Челябинск: ЧГУ. 1995.

Ефименко П.П. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста // РАЖ. 1923. Т. 13. Вып. 1-2.

Ефименко П.П. Первобытное общество. Л.: Соцэкгиз. 1938.

Заитов В.И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай (предварительный анализ) // Энеолит и бронзовый век Урало–Иртышского междуречья. Челябинск: ЧГУ. 1985.

Заитов В.И. Развитие каменной индустрии в эпоху неолита–энеолита на территории Северного Казахстана: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06. Л. 1988.

Зайберт В.Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // КСИА. 1973. Вып. 134.

Зайберт В.Ф. Неолит Северного Казахстана: дис... канд. ист. наук: 07.00.06. М.: ИА АН СССР. 1979 // Архив ИА АН СССР. Р–2, 2258.

Зайберт В.Ф. Сложение энеолитической ботайской культуры в Урало-Прииртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Тезисы докладов. Барнаул: ИИФФ СО АН СССР, Алт.ГУ. 1983.

Зайберт В.Ф., Мартынюк О.И. Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай // КСИА. 1984. Вып. 177.

Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследований энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского Междуречья. Челябинск: ЧГУ. 1985.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало–Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, Республика Казахстан. 1993.

Заугольнова Л.Б., Воронцов Л.И. Рельеф, геология, гидрология и климат Наурзумского заповедника // Флора

и растительность Наурзумского государственного заповедника. М.: МГПИ. 1975.

Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. 1973. Вып. 12.

Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06. М. 1975.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во УрГУ. 1988.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация "Страна городов" Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч.V. Кн. 1. Челябинск: ЧГУ. 1995.

История Казахской ССР. Алма-Ата: Наука. 1977. Т.1.

История Казахстана. Алматы: Атамұра. 1996. Т.1.

Казахстан. М.: Наука. 1969.

Калиева С.С. Об этапах энеолита Южно-Тургайско-го плато // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов. Омск: ОмскГУ. 1987.

Калиева С.С. Клад Аксу в степном Притоболье // СА. 1988. № 3.

Калиева С.С. Энеолит Тургайского прогиба: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06. Л. 1990.

Калиева С.С. К проблеме культурной атрибуции энеолитических памятников Тургая III тыс. до н.э. // Маргулановские чтения. 1990. Ч.1. М.: ИА АН РК, ЦСООПИиК. 1992.

Калинин В.И., Яковлев А.А. Коневодство. М.: Сельхозгиз. 1956.

Кинк Х.А. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. М.: Наука. 1970.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: АН СССР. 1991.

Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука. 1988.

Климат Казахстана. Л.: Гидрометеиздат. 1959.

Ковалева В.Т. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: дис... канд. ист. наук.

07.00.06. Свердловск. 1979 // Архив ИА АН СССР. Р-2, N 2257.

Ковалева В.Т. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: Автореф. дис... канд. ист. наук : 07.00.06. М. 1979а.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. О соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов (по материалам поселения на берегу Андреевского озера у г. Тюмени) //СА. 1984. N 1.

Ковалева В.Т. Боборыкинская культура в среднем Зауралье//Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Тез. докл. Оренбург: ОГПИ. 1986.

Ковалева В.Т., Чауркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменого-начале бронзового века: Итоги и проблемы исследования // ВАУ. 1991. Вып. 20.

Кокшаров С.Ф. Энеолит и бронзовый век бассейна р.Конды :Автореф. дис... канд. ист. наук:07.00.06. М.1993.

Косарев М.Ф., Потемкина Т.Н. Поселение Ипкуль // СА. 1975. N 4.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука. 1981.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука. 1984.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука. 1987.

Крайнов Д.А. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья // КСИА. 1978. Вып. 15.

Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. 1981. N 2.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Наука. 1977.

Крижевская Л.Я. Неолит и эпоха ранней бронзы на Южном Урале: Автореф. дис... докт. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск. 1979.

Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические пробле-

мы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука. 1981.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М.: РИК МКРФ и РАН. 1994.

Лавров В.В. О составе ископаемой пыльцы одного торфяника в северной части Тургайского залива // Вестник Каз.ФАН СССР. 1945. N 1 (4).

Лагодовська О.Р., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайливське поселення. Київ: Изд-во АН УССР. 1962.

Логвин В.Н. Еще раз об энеолитических стоянках Кустанайской области и их связи с ландшафтом // Особенно-сти естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. 1979.

Логвин В.Н. Энеолитические памятники р. Каинды // ВАУ. 1981. Вып. 15.

Логвин В.Н. О некоторых сторонах механизма этнических процессов в неолите-бронзе степной полосы СССР // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. 1981а.

Логвин В.Н. Стоянка маханджарской культуры Соленое Озеро 2 // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КуйбГПИ. 1982.

Логвин В.Н., Калиева С.С. Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан) // СА. 1984. N 1.

Логвин В.Н., Калиева С.С. Терсекские памятники Тургайского прогиба // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КуйбГПИ. 1986.

Логвин В.Н. Неолит и энеолит степного Притоболья: Автореф. дис ... канд. ист. наук: 07.00.06. М. 1986.

Логвин В.Н. О времени и путях сложения энеолита в степях Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ. 1987.

Логвин В.Н. Энеолитические находки у села Ливановка // СА. 1988. N 4.

Логвин В.Н. Поселение терсекского типа Соленое Озеро I // СА. 1992. N 1.

Мампель И.Е., Райский Н.Я. Справочник по приемке и содержанию скота на мясокомбинатах. М.: Пищевая промышленность. 1965.

Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ. 1976.

Мартынюк О.И. Керамика поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало–Иртышского междуречья. Челябинск: ЧГУ. 1985.

Массон В.М. Алтын-Депе. Л.: Наука. 1981.

Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Археология СССР. М.: Наука. 1982.

Матюшин Г.Н. К проблеме энеолита Южного Урала // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. 1970.

Матюшин Г.Н. Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья // КСИА. 1971. Вып. 127.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука. 1982.

Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. М.: ИЭиА РАН. 1996.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука. 1974.

Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КуйбГПИ. 1980.

Миньков С.Г. Медоносные растения Казахстана. Алма-Ата: Кайнар. 1974.

Михеев А.В. Наурзумский заповедник // Заповедники СССР. М.: Изд-во АН СССР. 1951. Т. II.

Млекопитающие Казахстана. Алма-Ата: Наука. 1984. Т. III.

Мосин В.С., Беспрозванный Е.М. Новые материалы со стоянок каменного века озера Чебаркуль // Энеолит и бронзовый век Урало–Иртышского междуречья. Челябинск: ЧГУ. 1985.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06. С-пб. 1993.

Наговицин Л.А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск: НИИ УА ССР. 1984.

Наговицин Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука. 1987.

Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР. 1963.

Научная поездка С.И.Руденко в Киргизский край летом 1921 г. // Географический вестник. 1922. Т. 1. Вып. 1.

Нурумов Т.Н., Макарова Л.А. Домашние и дикие животные эпохи неолита и бронзы Центрального и Северного Казахстана (остеологический обзор к проблеме древнего скотоводства и охоты) // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. Научно-аналитический обзор. Алма-Ата: Наука. 1988.

Окладников А.П., Молодин В.И., Волков И.А. Памятник у села Малый Атлым на реке Оби // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука. 1979.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука. 1984.

Плешаков А.А., Зайберт В.Ф. Рубящие орудия поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧГУ. 1985.

Попов М.Г. Растительный покров Казахстана. М-Л.: Изд-во АН СССР. 1940.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболя. М.: Наука. 1985.

Производство мяса в Казахстане. Алма-Ата: Кайнар. 1966.

Руденко С. И. Очерк быта северо-восточных казахов // Казаки. Л.: Изд-во АН СССР. 1930.

Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по этнографии. Л. 1961. Ч.1.

Рябов В.Ф. Авиафауна степей Северного Казахстана. М.: Наука. 1982.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. 1955. №21.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. 1962. Т.1.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 1967.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука. 1968.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука. 1977.

Соколов И.И. Копытные звери // Фауна СССР. Млекопитающие. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1959. Т. 1. Вып. 3.

Соломатин А.О. Кулан. М.: Наука. 1973.

Старков В.Ф. К вопросу о периодизации зауральского неолита // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. 1970.

Старков В.Ф. Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень: ТюмГУ. 1976.

Старков В.Ф. Хронология неолита лесного Зауралья // КСИА. 1978. Вып. 153.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука. 1980.

Старков В.Ф. Новые раскопки на Горбуновском торфянике // АО-1979. М. 1980а.

Стефанов В.И., Кокшаров С.Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. 1990. № 3.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука. 1988.

Татаринцева Н.С. Керамика поселения Вишневка 1 в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧГУ. 1984.

Телегин Д.Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ: Наук. думка. 1973.

Телегин Д.Я. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины // СА. 1977. №2.

Телегин Д.Я., Собонович Э.В., Ковалюк Н.Н. Об абсолютном возрасте памятников археологии Украины и некоторых смежных территорий по данным радиоуглеродных анализов (Сообщение 2 Координационного Совета комплексного изучения памятников археологии ИА АН УССР за 1975-1977 гг.) // Использование методов естественных наук в археологии. Киев: Наук. думка. 1981.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ. 1948.

Третьяков В.П. О волосовско-турбинской общности // Тезисы докладов на VI Уральском археологическом совещании. М. 1977.

Третьяков В.П. Энеолитические памятники в бассейне р.Вятки и гаринско-борская культура // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск: НИИ УАССР. 1984.

Треус В.Д. Восстановление лошади Пржевальского (*Equus Przewalskii* Pol) в СССР. Состояние и перспектива // Зоологический журнал. 1964. Т. XIII. Вып. 5.

Фадеев В.А., Слудский А.А. Сайгак в Казахстане. Алма-Ата: Наука. 1982.

Фиельструп Ф. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Казаки. Антропологические очерки. Материалы Особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик. Л.: Изд-во АН СССР. 1927. Вып. II.

Флора Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН Каз.ССР. 1960. Т. III.

Формозов А.А. Памятники древности Наурзумского заповедника // Вестник Каз. ФАН СССР. Алма-Ата. 1946. N 4 (13).

Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. 1949. Вып. XXV.

Формозов А.А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // БКИЧП. 1950. N15.

Формозов А.А. Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. 1951. XXXVI.

Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951а. Вып. XXXIX.

Формозов А.А. Доандроновское погребение в Казахстане // КСИИМК. 1956. Вып. 63.

Формозов А.А. Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. 1959. N 2.

Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука. 1977.

Хавесон Я.И. Морфологические данные в пользу представления о происхождении лошадей монгольской группы от лошади Пржевальского // БМОИП, отд. биологии. 1958. Т. XIII (4).

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука. 1975.

Халиков А.Х. Энеолитическая эпоха в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КуйбГПИ. 1982.

Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение. 1896. N 2-3.

Херувимов В.Д. Лось. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во. 1969.

Хлопин И.Н. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении // САИ. 1969. Вып. Б3-8.

Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата: Наука. 1980.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука. 1977.

Хотинский Н.А. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны Европейской части СССР // КСИА. 1978. Вып. 153.

Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. 1966. N 135.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы // МИА. 1970. N 161.

Чауркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск. 1995.

Чалая Л.А. Новые материалы по неолиту Казахстана // Вестник МГУ. История. 1970. № 6.

Чалая Л.А. Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука. 1973.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. Вып. 35.

Черников С.С. Основные проблемы археологического изучения Казахстана // Известия АН Каз.ССР. Серия историческая. 1950. Вып. 5.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1968. Вып. 88.

Черников С.С. Локальные и хронологические группы в неолите Казахстана // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент: Наука. 1972.

Черныш Е.К. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука. 1982.

Шварц С.С. Вид, подвид и порода // Основные проблемы териологии. М.: Наука. 1972.

Шиллингер Ф.Ф. Арало-Тургайский пролив. Величайший пролетный путь водоплавающей и болотной дичи на территории СССР. Его естественно-историческое и экономическое значение в социалистическом хозяйстве СССР. М.: Кооперативное издательство "Наука и жизнь". 1934.

Шилов В.П. Походження кочового скотарства у Східній Європі // УІЖ. 1970. № 7.

Шилов В.П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. 1975. № 1.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука. 1975а.

Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М.: Наука. 1980.

Шнитников А.В. Внутривековые колебания уровня степных озер Западной Сибири и Северного Казахстана и их зависимость от климата // Труды лаборатории озероведения. М-Л.: Изд-во АН СССР. 1950. Т. 1.

Шорин А.Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КуйбГПИ. 1982.

Шорин А.Ф. О зауральской области ареала лесных энеолитических культур гребенчатой керамики // ВАУ. 1993. Вып. 21.

Antony D.W., Brown D.R. The origins of horse-back riding // *Antiquity*. 1991. V 65. N 246.

Brjussoff A.J. Sur l'origine de la cultura D'Andronovo // A Pedro Bosch-Gimpera en el septuagesimo aniversario de su nacimiento. Mexico. 1963.

Harmatta J. Proto-Iranians and proto-Indians in Central Asia in the 2nd. Millennium B.C. (Linguistic Evidence) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности М.: Наука. 1981.

Khazanov A.M. Nomads and the outside world. Cambridge. 1984.

Levine M.A. Dereivka and the problem of horse domestication // *Antiquity*. 1990. V 64. N 245.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ	– Алтайский государственный университет
АО	– Археологические открытия. М
АП	– Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АЭБ	– Археология и этнография Башкирии. Уфа
БКИЧП	– Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БМОИП	– Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВАУ	– Вопросы археологии Урала. Свердловск
ИА АН СССР	– Институт археологии АН СССР
ИА АН РК	– Институт археологии АН Республики Казахстан
ИА НАН РК	– Институт археологии НАН Республики Казахстан
ИИФФ СО АН СССР	– Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИЭиА РАН	– Институт этнологии и антропологии Российской АН
КазФАН СССР	– Казахский филиал АН СССР
КарГУ	– Карагандинский государственный университет
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
КСИА	– Краткие сообщения и докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КуйбГПИ	– Куйбышевский государственный педагогический институт
МарНИИ	– Марийский научно-исследовательский институт
МГПИ	– Московский государственный пе-

- МИА – педагогический институт
– Материалы и исследования по археологии СССР. М
- МГУ – Московский государственный университет
- МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции
- НИИ УА ССР – Научно-исследовательский институт Удмуртской АССР
- ОГПИ – Оренбургский государственный пед.институт
- ОмскГУ – Омский государственный университет
- РАЖ – Русский антропологический журнал
- РИК МКРФ и РАН – Российский Институт Культурологии Министерства культуры РФ и РАН
- СА – Советская археология. М
- САИ – Археология СССР: Свод археологических источников. М
- СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
- ТГУ – Томский государственный университет
- ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
- ТюмГУ – Тюменский государственный университет
- УІЖ – Український історический журнал. Київ
- УрГУ – Уральский государственный университет
- ЦСООПИиК РК – Центральный совет Общества охраны памятников истории и культуры Республики Казахстан
- ЧГУ – Челябинский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1.Памятники, поселения, жилища.....	17
ГЛАВА 2.Орудия труда.....	40
ГЛАВА 3.Керамика.....	71
ГЛАВА 4.Хозяйство.....	100
ГЛАВА 5.Вопросы хронологии и культурной принадлеж- ности.....	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	147
ЛИТЕРАТУРА.....	163
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	177

Закрытое Акционерное Общество “АРАКСБАНК” является депозитным банком второго уровня, зарегистрирован Национальным банком Республики Казахстан 22 апреля 1993 года и внесен в реестр под № 183. Утвержден План Рекапитализации Банка, с установлением срока достижения международных стандартов до 2000 года.

Акционерами Банка являются представители частного капитала г. Костаная, Северного Казахстана и Российской Федерации.

Банк оказывает все виды банковских услуг согласно имеющейся лицензии, выданной национальным Банком Республики Казахстан.

Индивидуальный подход к клиенту и банковский сервис – это два взаимодополняющих принципа работы нашего Банка.

Господа предприниматели среднего и малого бизнеса!

“АРАКСБАНК” приглашает Вас к совместному сотрудничеству с целью подъема экономики и улучшения благосостояния Республики Казахстан.

Наш адрес:

*458003, Республика Казахстан
г. Костанай, пр. Ленина, 111*

Наши телефоны:

*(3142) 53-19-37
(3142) 53-19-39 (факс)*

Правление Банка

С. С. Калиева, В. Н. Логвин

Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии
до нашей эры

Редактор Тарасенко А. В.

Технический редактор Бабинцев И. Ю.

Сдано в набор 12.05.97. Подписано в печать 16.06.97. Формат
60 х 84\16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать
Ризография. Уч.изд.л. 10,2. Усл.печ.л. 10,6. Тираж 500. Заказ
1256. Цена договорная.

Республика Казахстан
458003, г. Костанай, ул. Темирбаева, 39
АО "Кустанайский печатный двор"

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
103	16 сверху	78-80, средняя 81,4	78-81, средняя 79,9